

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

179

СЛАВЯНСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

179

СЛАВЯНСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И. Т. КРУГЛИКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1984

Редакционная коллегия:

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ (ответственный секретарь), Н. Н. ГУРИНА,
А. Н. КИРПИЧНИКОВ (зам. ответственного редактора),
Ю. А. КРАСНОВ, В. В. КРОПОТКИН,
И. Т. КРУГЛИКОВА (ответственный редактор),
В. П. ЛЮБИН, В. М. МАССОН, Н. Я. МЕРПЕРТ, Р. М. МУНЧАЕВ,
В. В. СЕДОВ (зам. ответственного редактора),
Д. Б. ШЕЛОВ

СТАТЬИ

А. В. КУЗА

ГОРОДА
В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ
ДРЕВНЕРУССКОГО ФЕОДАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА
X—XIII ВВ.

Современные взгляды на сущность феодальных городов вообще и древнерусских в частности складывались в советской исторической науке под воздействием идей основоположников марксизма, в борьбе с различными теориями буржуазных исследователей¹. К. Маркс и Ф. Энгельс доказали, что города рождаются в процессе общественного разделения труда, в результате постепенного отделения ремесла и торговли от сельского хозяйства. Город возникает как поселение, экономически противоположное деревне. Поэтому превращение домашних промыслов в специализированное ремесло и появление населения, в значительной степени оторванного от сельского хозяйства и занятого изготовлением ремесленной продукции и ее сбытом, считается ведущим «городским» признаком какого-либо поселения.

М. Н. Тихомиров видел в древнерусских городах «постоянные населенные пункты, сделавшиеся центрами ремесла и торговли»². Сходные мысли высказывал и Б. Д. Греков, полагавший, что «город есть населенный пункт, в котором сосредоточено промышленное и торговое население, в той или иной мере оторванное от земледелия»³. Подчеркивая экономическую сущность вопроса, другие исследователи (Л. В. Черепнин, А. М. Сахаров, П. Г. Рындынский) добавляли сюда и некоторые иные «городские» особенности, прежде всего наличие самостоятельных городских (посадских) общин. Однако состояние источников (письменных и археологических) не позволяет использовать указанный признак как определяющий для городов X—XIII вв. Понятия «древнерусский город» и «центр развитого ремесла и торговли» для того времени превратились почти в синонимы, особенно в работах археологов. Это неудивительно, так как археология имеет дело в первую очередь с вещественными памятниками, и именно археологи на ярких примерах и статистически доказали, что основной отраслью экономики древнерусских городов было ремесло.

Раскопки постоянно открывают разнообразные изделия городских ремесленников, орудия их труда, целые производственные комплексы. По материалам раскопок и сведениям письменных источников утвердилось мнение о типичной для древнерусских городов социально-топографической структуре: княжеско-дружинный детинец и примыкающий к нему торгово-ремесленный посад (окольный город). Сложная планировка поселения (детинец — укрепленный посад) рассматривается как важный признак города.

Поискам следов ремесленной деятельности для подтверждения городского характера исследуемых памятников уделяется много внимания. Часто, даже при отсутствии в раскопках ясно выраженных производствен-

ных комплексов, большинство из найденных в культурном слое предметов признается продукцией местных мастеров.

Конечно, разработка вопросов технологии и развития древнерусского ремесла продвинулась далеко вперед. Однако производительность труда древних ремесленников изучена мало. Отличия в техническом уровне и ассортименте изделий ремесла деревенского, вотчинного и городского только намечены. Наличие в городах X—XIII вв. значительного ремесленного населения и множества мастерских предполагается, но даже ориентировочные количественные оценки отсутствуют.

Опыт длительных раскопок в различных местах показывает, что вероятность обнаружить на исследованных площадях внушительное число производственных комплексов невелика. Не оправдались пока предположения о существовании в древнерусских городах целых кварталов, заселенных мастерами одной или нескольких родственных профессий. Даже в Новгороде, где вскрыта площадь около 2 га, а культурный слой (мощность свыше 5 м) обладает исключительными консервирующими свойствами, зафиксировано всего около 125 мастерских X—XV вв.⁴ В Киеве за все годы работ найдено около 30 мастерских⁵. И это в крупнейших городах Руси, где существование собственного высоко развитого ремесла не вызывает никаких сомнений. Для большинства ныне изученных памятников, претендующих на роль городских центров, количество исследованных мастерских не превышает трех—пяти на несколько столетий. Поэтому аргументированно ответить на вопрос, сколько и какие виды ремесла типичны для города и отличают его от феодальной усадьбы-замка, военной крепости или погоста, трудно. Значит, служить основным, а тем более единственным критерием городского характера поселения археологически уловимые следы ремесленной деятельности не могут.

Определенная узость характеристики древнерусского города только как центра развитого ремесла и торговли вполне очевидна. Сосредоточив внимание именно на экономической, торгово-ремесленной функции городов, Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, А. М. Сахаров, П. Г. Рындзюнский и другие исследователи не отрицали за ними иные, весьма существенные функции: военно-политические, административно-хозяйственные, культурно-идеологические. Комплексный взгляд на города Руси периода раннего феодализма и перехода к развитому феодальному строю как на особое, многофункциональное, социально-экономическое явление представляется весьма перспективным.

Исследователи давно отметили, что понятия «город» и «волость» в летописях тесно связаны между собой: власть над каким-либо городом одновременно означала и власть над его округой. «Городовые волости» были основными структурными единицами государственной территории Руси. Центральное место городов в управлении окрестными землями рельефно обрисовано источниками: здесь творился суд, сюда поступали подати, тут издавались законы и постановления, здесь имелись военные силы, обеспечивавшие жизнедеятельность административного аппарата и задачи обороны. Непременным условием выполнения городом указанных функций являлась концентрация в нем представителей формирующегося класса феодалов, олицетворявших государственную власть. По справедливому замечанию Б. А. Рыбакова, древнерусский город «был как бы коллективным замком крупнейших земельных магнатов данной округи во главе с самим князем»⁶. В этом, по мысли исследователя, скрыта первопричина господства города над сельской округой. В этом определенное отличие русских раннефеодальных городов от западноевропейских и сходство со среднеазиатскими. Дерево-земляные укрепления славянских городов, как и глинобитные среднеазиатские касры, в противоположность каменным европейским замкам, являлись надежным средством защиты и заставляли феодалов-землевладельцев для совместной обороны объединяться в городе. За его валами и стенами укрывались феодальные собственники земли, владения которых располагались порой в значительном удалении от города. Таким образом, присутствие в древнерусских горо-

дах феодалов-землевладельцев свидетельствует об одновременной политической и экономической власти города над деревней.

Классовое господство феодалов, осуществлявшееся через политико-административные органы власти, дополнялось господством идеологическим, обеспеченным наличием в городах власти духовной — церковью и монастырями. С распространением христианства на Руси города стали его очагами и организационными ячейками. В них размещались центры епархий и приходов. Недаром летопись утверждает, что вслед за крещением киевлян Владимир «нача ставити по градам церкви и поны»⁷. Церковь — существенный элемент феодального строя, и ее присутствие в городе обязательно.

Торговые функции феодального города широко известны. Археологи судят о них преимущественно по находкам монет, денежных кладов, редких привозных вещей или предметов таких хорошо изученных категорий, как стеклянные бусы и шиферные пряслица. Городские торги археологически почти не исследованы. Об оживлении, царившем на них, о взрывах классового недовольства, перекидывавшегося из торговых рядов на жилые кварталы города, мы знаем из сообщений летописи. И всегда в непосредственной близости от торговых площадей оказывается одна или несколько церквей. Киев, Новгород, Чернигов — яркие тому примеры. Дело здесь не только в стремлении церкви держать под контролем самое беспокойное место в городе, но и в ее прерогативе следить за правильностью весов и мер. Соответствующий раздел, включенный в текст Устава Владимира в XII в., передавал в ведение епископов эталоны торговых мер и, следовательно, пошлины с пользующихся этими мерами⁸. Торговые мерила, как свидетельствуют документы XIII в., хранились в центральных городских соборах или церквях на торгу, среди которых были патрональные храмы купеческих корпораций. Таким образом, соседство церквей и торга — не случайность, а закономерность. Высокий уровень развития торговли, ее строгая организация и регламентация, характерные для средневекового города, осуществлялись при далеко не бескорыстном участии христианской церкви.

Экономические функции города не ограничивались торговлей. Средоточие различных ремесел — еще более характерная его особенность, экономически противопоставляющая город окрестным сельским поселениям. Выше говорилось о трудностях выявления производственных комплексов в процессе археологических работ. Однако это не снимает задачу целенаправленного поиска следов развитых и разнообразных ремесел — обязательного элемента подлинно городской экономики — при исследовании предполагаемых городов.

Большой вклад городов в развитие самобытной культуры древней Руси. Города были центрами грамотности и «книжной премудрости», здесь составлялись летописи и звучали вдохновенные строки великодушных литературных произведений; расцветало творчество зодчих и живописцев; руками талантливых мастеров создавались шедевры прикладного искусства. Вещественные доказательства творческого богатства и разнообразия духовной жизни древнерусских городов хранит их культурный слой. Именно в городах наглядно проявилось сочетание двух культур русского средневековья: «господствующей культуры дворцов и усадеб, возглавленной в значительной мере церковью, и демократической культуры, наиболее прогрессивное крыло которой представлено городскими посадскими людьми»⁹.

Конечно, перечисленными чертами экономики, социально-административного устройства и культуры не исчерпывается характеристика столь многогранного явления, каким был русский раннефеодальный город. Однако, обратив на них внимание, можно наметить исходные позиции для общей формулировки понятия средневекового города. Той же совокупностью черт определяет древнерусский город Б. А. Рыбаков. Обобщая опыт многолетних работ, исследователь пишет: «Типичным следует считать сочетание в городе следующих элементов: крепости, дворов феодалов».

лов, ремесленного посада, торговли, административного управления, церковей»¹⁰. Еще более детальное определение предлагает В. В. Карлов: «Раннефеодальный город — многофункциональное поселение, отвечавшее различным потребностям феодального общества (развитие ремесел и торговли, оборона от врагов, организация политической власти и административного управления сельской округой, культурный и религиозный центр); возможно преобладание (иногда существенное) одной из функций над другими или неполный „набор“ этих функций; необходимые признаки городского поселения — торгово-ремесленная деятельность значительной части его жителей и наличие посадской общины (или возникновение предпосылок для ее оформления)»¹¹.

Таким образом, наметилась тенденция, подчеркнув внешние и внутренние особенности древнерусского города, раскрыть его сущность через совокупность выполнявшихся им функций в феодальном государстве.

Определение Б. А. Рыбакова привлекает своей лаконичностью к известной «археологичности». Каждый из указанных признаков города находит зримое, овещенное отражение в письменных источниках и материалах раскопок. Используя данное определение как своеобразную шкалу индикаторов, можно отделить городские центры от поселений других типов.

Определение В. В. Карлова построено на перечислении важнейших функций средневекового города в сочетании с двумя основными признаками: торгово-ремесленной деятельностью большинства населения, организованного в самостоятельную городскую (посадскую) общину. Характеризуя город, автор объединяет производственный и формально-правовой принципы. Правда, не совсем ясно, какой представляет В. В. Карлов посадскую общину в городах X—XIII вв.

Таким образом, содержание понятия «древнерусский город» — значительно шире, чем «торгово-ремесленное поселение». Город — центр ремесла и торговли, но одновременно это и административно-хозяйственный центр большой округи (волости), очаг культурного развития и идеологического господства. Налицо дальнейшая кристаллизация представлений о русском раннефеодальном городе, его месте в государственной структуре Руси и роли в системе формирующихся классовых отношений. Поэтому отказ некоторых исследователей от научного определения понятия феодального города, стремление принять в этом вопросе точку зрения летописца XI—XIII вв. затушевывают проблему¹². Однако более дробная детализация функций и признаков средневекового города на разных этапах его развития ведет к отрицанию существования городов как общесторического и принципиально однородного явления. Единые, методологически важные особенности городов тогда растворяются среди второстепенных, локальных и хронологических признаков. Складывается положение, когда удается сформулировать лишь частное, для конкретной эпохи и конкретного региона, определение города. Но в таком случае неизбежен вопрос, насколько правомерно вообще пользоваться термином «город», если различные исследователи понимают его по-разному?

Выше были рассмотрены важнейшие функции и характерные особенности древнерусских городов. Хотя они и изменялись во времени, их появление закономерно и свойственно всем обществам на известном этапе развития. Поэтому определение средневекового города с позиций исторического материализма должно выражать его основную, единую для всех городов социальную функцию.

Как уже говорилось, К. Маркс и Ф. Энгельс считали города закономерным порождением процесса общественного разделения труда. Но возникновению городов вследствие отделения ремесла от сельского хозяйства и противоположности между городом и деревней как социально различными типами поселений предшествуют появление частной собственности и распадение общества на антагонистические классы¹³. Город, таким образом, — не автоматический итог саморазвития ремесла, превращения его в значительную отрасль экономики, а результат сложного процесса

формирования классового общества при наличии частной собственности и эксплуатации. Однако и рост общественного разделения труда, и появление классов, частной собственности и эксплуатации обеспечены присутствием (производством) в обществе достаточного количества прибавочного продукта. Города же с момента своего зарождения в эпоху Древнего мира выступают в роли аккумуляторов прибавочного продукта.

На эти обстоятельства обратили недавно внимание О. Г. Большаков и В. А. Якобсон. Исследователи считают, что с помощью понятия «прибавочный продукт» — фундаментальной категории политической экономии марксизма — можно определить город «как населенный пункт, в котором концентрируется и перераспределяется прибавочный продукт»¹⁴. По их мнению, «это определение в наиболее обобщенной форме выражает сущность наиболее характерных социально-экономических функций города: концентрацию налогов и перераспределение этих средств путем раздачи жалования, монументального строительства и внешней торговли». Приняв данное определение города, удастся примирить спор о приоритете экономических и политических начал в градообразовании, связанных теперь диалектическим взаимодействием.

Предложенное О. Г. Большаковым и В. А. Якобсоном общее определение города вполне точно отражает социально-экономическую сущность и древнерусских городов. Действительно, подавляющая масса прибавочного продукта производилась в феодальной Руси сельским хозяйством и изымалась оттуда в первую очередь на нужды господствующего класса. Изъятый из деревни прибавочный продукт в виде давей и земельной ренты поступал прямо или через промежуточные инстанции в города — места постоянного пребывания большинства представителей господствующего класса — практически на протяжении всей «восходящей стадии феодализма». Здесь он реализовывался различными способами, в том числе и перерабатывался ремесленниками. Нет нужды специально доказывать, что сырьевой базой городского ремесла Руси служила главным образом продукция сельского хозяйства и промыслов. Причем в течение длительного времени городские ремесленники получали сырье отнюдь не в результате прямых товарных связей с сельской округой. Уже давно Б. А. Рыбаков доказал, а исследования последних лет подтверждают, что постепенный переход городских ремесленников от работы на заказ к работе на рынок происходит на середину XII в.¹⁵ Более того, в эпоху становления древнерусского государства (IX—X вв.) собственные, еще слабо развитые города не могли целиком поглотить весь собранный с огромных территорий через систему полюдья прибавочный продукт. Князь, дружинники и прочие представители нарождавшегося класса феодалов вынуждены были реализовывать его и удовлетворять свои запросы на международных рынках¹⁶.

Если с такой точки зрения взглянуть на развитие древнерусских городов, нетрудно заметить, что увеличение размеров и числа городов находится в прямой зависимости от объема отчуждаемого из сельского хозяйства прибавочного продукта. Чем больше и гуще населена территория, подчиненная городу, тем больше и населеннее сам город. Столицы русских земель-княжений служат здесь ярким примером. М. Н. Тихомиров совершенно верно подметил, что города на Руси строились в первую очередь в развитых сельскохозяйственных районах. Но исследователь объяснил этот факт потребностью земледелия в изделиях специализированного городского ремесла¹⁷. Иначе подошел к данному вопросу А. Н. Насонов, считавший естественной причиной возникновения городов в густозаселенных земледельческих областях наличие там многочисленного платежеспособного населения, являвшегося надежным источником обогащения господствующих классов всевозможными поборами¹⁸. Другими словами, А. Н. Насонов рассматривал города в древней Руси прежде всего как административно-хозяйственные центры.

Признавая удачным общее определение понятия «город» О. Г. Большаковым и В. А. Якобсоном, кажется необходимым несколько конкрети-

зировать его для древнерусских условий. Ведь пунктами концентрации прибавочного продукта были и феодальные усадьбы-замки, и погосты, и военные крепости.

По мысли К. Маркса и Ф. Энгельса, «город уже представляет собой факт концентрации населения, орудий производства, капитала, наслаждений, потребностей, между тем как в деревне наблюдается диаметрально противоположный факт — изолированность и разобщенность. Противоположность между городом и деревней может существовать только в рамках частной собственности»¹⁹. Значит, в условиях частной собственности город аккумулирует в себе не только прибавочный продукт, но и средства и способы его реализации, и население, численно достаточное, чтобы выполнить эту задачу. Именно степень концентрации перечисленных моментов отличает феодальный город от других типов поселений.

Вещественным, зримым выражением господства над сельскохозяйственной округой-волостью являлся прибавочный продукт, регулярно отчуждаемый городом (точнее его боярско-княжеской администрацией и феодалами). В этом суть административно-хозяйственной функции города. Способы отчуждения были различны: военная контрибуция, дани, рента, судебные и торговые пошлины, обязательные «городовые» или «мостовые» работы и пр. Когда на определенном этапе развития какой-либо пункт получал возможность за счет расширения «тянувшей» к нему территории, усиления эксплуатации сельского населения или перераспределения в свою пользу отчислений от «уроков» и даней преумножить массу поступающего в его распоряжение прибавочного продукта, он становился городом.

Данные письменных источников и материалы археологических исследований позволяют проверить высказанные положения. Особенно показательна история Киева. Во второй половине X в. здесь строится несколько каменных княжеских дворцов, знаменитая Десятинная церковь, новыми укреплениями («Город Владимира») обводится территория, в четыре раза превышающая по площади старый детинец. В первой половине XI в. укрепленная площадь столицы Руси («Город Ярослава») увеличивается еще в восемь раз. В городе и его ближайших окрестностях возводятся громадный Софийский собор и полтора десятка храмов и дворцов. Трудоемкое и дорогостоящее сооружение монументальных зданий, а также строительство новых дерево-земляных укреплений значительной протяженности являются материальным свидетельством концентрации в Киеве значительной массы прибавочного продукта. До начала XII в. здесь было построено различных каменных зданий столько же или даже больше, чем во всех остальных городах Руси. Осуществить это гигантское строительство киевские князья могли лишь за счет даней, поступавших в столицу со всех подчиненных Киеву древнерусских земель, что хорошо известно из летописи. В середине XI в. лишь в Новгороде, Полоцке и Чернигове, пользовавшихся по отношению к Киеву известной самостоятельностью, возводятся каменные храмы. Во второй половине XI в. бурно развиваются Чернигов и Переяславль — столицы Святослава и Всеволода Ярославичей — соправителей Изяслава Киевского. Ту же тенденцию демонстрируют Новгород и Полоцк, а несколько позже — Смоленск, Суздаль, Галич, Рязань и Владимир. Так, в Новгороде, добившемся определенных успехов в борьбе за независимость от Киева, в конце XI — начале XII в. расширяется и заново укрепляется детинец, строятся такие огромные соборы, как Никольский, Георгиевский, Антониев и др.

Аналогичная картина наблюдается в Новгороде Северском, Перемышле, Теремове, Звенигороде Галицком, Гродно, Друцке и пр. Появление околных городов и первых каменных храмов совпадает здесь по времени с превращением этих центров в столицы удельных княжеств.

Таким образом, тесная связь темпов развития какого-либо населенного пункта с изменением его социально-политического статуса в системе древнерусского государства прослеживается достаточно четко. Именно

возможность увеличить свою долю извлекаемого из сельской округи прибавочного продукта (феодальной ренты) стимулировала процесс градообразования. Поэтому столицы древнерусских земель-княжений в своем развитии и росте решительно опережали прочие центры, а столицы удельных княжеств соответственно обгоняли другие населенные пункты своих волостей. Продукты дани, оседавшие в городе, и были экономическим базисом развития городского ремесла и торговли. Купцы и ремесленники активно участвовали в их перераспределении и переработке.

Нетрудно заметить, что начало эпохи феодальной раздробленности совпадает со значительным увеличением числа древнерусских городов. Это наблюдение вполне подтверждают выводы Б. А. Рыбакова о закономерности и прогрессивности данного этапа в развитии русского феодального государства²⁶.

Выросшая на местах феодальная знать — боярство — решительно выступает за создание собственных «княжеств-королевств», независимых от Киева, с суверенными государями во главе. Таким путем «земское» боярство стремилось наилучшим способом обеспечить свои классовые интересы и расширить собственное участие в распределении государственных доходов. Расцвет в XII в. столичных городов (Чернигова, Переяславля, Галича, Полоцка, Смоленска, Новгорода, Суздаля, Владимира, Рязани) наглядно иллюстрирует успехи этого процесса. О том же говорит и быстрое появление в обособившихся княжениях-землях новых городских центров.

Выдающаяся роль крупных феодалов-землевладельцев (боярства) в общественно-политической и экономической жизни древнерусских княжеств, рельефно обрисованная Б. А. Рыбаковым, самым непосредственным образом сказалась и на становлении городов. Недаром феодальные дворы обнаружены археологами при раскопках не только столиц (Киева, Чернигова, Полоцка, Смоленска, Новгорода, Суздаля, Рязани), но и гораздо менее значительных центров (Любеча, городища Слободки, Новгородка, Гродно, Ростиславля, Русы, Москвы, Ярополча Залесского и пр.), причем размещаются они в детинце и в околном городе. Обязательное, постоянное присутствие в древнерусских городах феодалов-землевладельцев, ныне доказанное археологией, составляет важнейшую особенность городского строя Руси.

Бояре были заинтересованы в развитии городов как центров управления окрестными землями, мест, где они могли реализовать свои доходы и удовлетворить потребности. Города были их коллективными замками, в стенах которых они объединялись для совместной защиты. Бояре одновременно являлись и феодалами-землевладельцами, и представителями государственной власти: посадниками, тысяцкими, судьями, данщиками, вирниками и т. п. За эту службу они получали определенный «корм» и наряду с князьями участвовали в дележе государственных доходов. Стремление местных феодалов добиться непосредственного участия в государственном управлении и было одной из движущих центробежных сил феодальной раздробленности. Поэтому первоначально они концентрируются в столичных центрах, лишь временно выезжая во все концы княжеств для исполнения административных функций. Однако в скором времени их связи с конкретными территориями крепнут. Во-первых, множатся собственно боярские вотчины. Во-вторых, с упорядочением «строения земельного» во вновь образовавшихся княжествах многие «службы» приобретают традиционный, длительный характер. Часть феодалов, «государственные» интересы которых тесно сплетаются с личными, надолго оседают на местах.

Итак, у истоков возникновения городов стояли феодалы. Но завершить этот процесс без купцов и ремесленников они не могли. Две градообразующие силы одинаково нуждались друг в друге. Именно феодалы были первыми потребителями продукции ремесленников и товаров купцов. Поэтому одновременно с феодалами или вскоре вслед за ними в зарождающихся городах появляются купцы и ремесленники. Закономер-

но, что до середины XII в. большинство древнерусских ремесленников работало на заказ, часто используя сырье заказчиков — князей, бояр, дружинников, духовенства. Лишь постепенно и сначала в крупнейших центрах они переходят от работы на заказ к работе на рынок. Древнерусское городское ремесло приобретает мелкотоварный характер. Усиливаются специализация и дифференциация ремесленного производства, расширяется и стандартизируется ассортимент продукции ремесленников. Наблюдается (археологически уловимое) движение изделий городских ремесленников в деревню. Только тогда ремесленное население города обретает определенную экономическую независимость и устойчивость. Только тогда производственные функции города занимают ведущее место в его экономике. Эти сдвиги приходится на середину XII в., еще одной гранью отделяя период раннего феодализма на Руси от его развитой стадии. Расцвет старых городов и появление множества новых — убедительное тому свидетельство.

Приведенные выше примеры вполне отчетливо устанавливают зависимость территориального роста и экономического подъема древнерусских городов от объема поступающего в их распоряжение прибавочного продукта. Таким образом, древнерусским городом можно считать *постоянный* населенный пункт, в котором с *обширной* сельской округи-волости концентрировалась, *перерабатывалась* и перераспределялась *большая часть* произведенного там прибавочного продукта. Внесенными в определение города О. Г. Большакова и В. А. Яковсона дополнениями подчеркиваются несколько существенных обстоятельств.

Во-первых, это определение «*постоянный*». Б. А. Рыбаков убедительно показал, что в IX — середине X в. большая часть даней и контрибуций (прибавочный продукт) свозилась в расположенные на пути следования «Полюдья» временные поселки-станы, откуда они забирались киевским князем и его русской дружиной²¹. Такие поселки в этот ранний период истории Руси выполняли роль сборного пункта (склада) продуктов дани для своевременной передачи их по назначению. Определение «*постоянный*» отличает город от подобных пунктов с временным или периодическим увеличивающимся населением.

Во-вторых, определение «*обширный*». Оно указывает на связь города с большой волостью (областью), а не только ближайшей сельскохозяйственной округой. Этим фиксируется отличие города от феодальной усадьбы-замка, погоста или рядового волостного центра, организовывавших вокруг себя меньшие территории.

В-третьих, глагол «*перерабатывалась*». Он подчеркивает важнейшую экономическую функцию города — ремесленное производство.

В четвертых, слова «*большая часть*». Они свидетельствуют о высокой степени концентрации в городе прибавочного продукта, средств и возможностей его переработки и перераспределения. В этом также заключена разница между городом и прочими административно-хозяйственными и военными центрами.

Сформулированное выше определение древнерусского феодального города отражает все его основные социально-экономические функции и позволяет, используя количественные и качественные критерии, обоснованно выделять города из массы прочих укрепленных поселений конца IX—XIII в.

¹ Историографию вопроса см.: Водарский Я. Е. Города и городское население России в XVII в.— В кн.: Вопросы истории хозяйства и населения России в XVII в. Очерки по исторической географии XVII в. М., 1974.

² Тихомиров М. Н. Древнерусские города.— Уч. зап. МГУ, 1946, 99, с. 8, 9.

³ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949, с. 94.

⁴ Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии.— В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 27.

⁵ Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1976, с. 157.

⁶ Рыбаков Б. А. Первые века русской истории. М., 1964, с. 155.

⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 157.

- ⁸ Щанов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в древней Руси XI—XIV вв. М., 1972, с. 81—86.
- ⁹ Рыбаков Б. А. О двух культурах русского феодализма.— В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970, с. 33.
- ¹⁰ История СССР с древнейших времен до наших дней. В 12-ти томах. М., 1967, т. 1, с. 536.
- ¹¹ Карлов В. В. К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии.— В кн.: Русский город (проблемы городообразования). М., 1980, 3, с. 72.
- ¹² Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978, с. 16, 17.
- ¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 49—58; т. 21, с. 170, 171.
- ¹⁴ Большаков О. Г., Якобсон В. А. Об определении понятия «город».— В кн.: История и культура народов Востока (древность и средневековье). Л., в печати.
- ¹⁵ Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы..., с. 28.
- ¹⁶ Рыбаков Б. А. Смерды.— История СССР, 1979, 1; 2.
- ¹⁷ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 52—64.
- ¹⁸ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, с. 22—24.
- ¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 50.
- ²⁰ Рыбаков Б. А. Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII в.— Вопросы истории, 1962, 4, с. 41, 42, 49—51.
- ²¹ Рыбаков Б. А. Смерды.— История СССР, 1979, 2, с. 28.

Е. Н. НОСОВ

К ВОПРОСУ О СЛОЖЕНИИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ДЛИННЫХ КУРГАНОВ

Особое значение для исследования культуры длинных курганов имеют работы М. Э. Аун, основанные на анализе могильников юго-восточной Эстонии — наиболее изученном сейчас районе из всего ареала длинных курганов псковско-новгородской группы¹.

М. Э. Аун пришла к выводу, что до возведения многих курганов удлиненной формы и круглых захоронения совершались как грунтовые погребения в ямках на специальных погребальных площадках, которые лишь позднее перекрывались насыпями. Курганный обряд захоронения, полагает М. Э. Аун, развивался «от погребальных площадок округлой или четырехугольной формы с большим числом захоронений, найденных в основаниях более древних курганов, до насыпей с одиночными погребениями на вершине кургана», а сформировался он непосредственно на территориях западного побережья Псковского и Чудского озер².

М. Э. Аун не рассматривала вопрос о том, характерна ли установленная ею картина развития погребального обряда культуры длинных курганов только для исследованного региона или для более широкой территории. Она лишь отметила, что по структуре, принципу сооружения и количеству захоронений с эстонскими курганами наиболее сходны длинные курганы бассейна р. Великая, восточных берегов Чудского и Псковского озер и Себежского поозерья, хотя есть и отличия в количестве впускных и основных захоронений. По мнению М. Э. Аун, длинные курганы Смоленщины и Верхнего Поволжья представляют по сравнению с длинными курганами восточной Эстонии и ближайших соседних территорий более развитый этап и относятся к иным традициям³.

Вызывают интерес наблюдения, сделанные нами при раскопках комплекса памятников культуры длинных курганов на оз. Съезжее в бассейне р. Молога (Хвойнинский р-н Новгородской обл.). На берегу озера известны поселение и расположенный в 200 м от него курганный могильник, насчитывающий 10 насыпей, в том числе одну длинную (длина 23,3 м)⁴. В 1976 г. рядом с курганами были обнаружены грунтовые захоронения по обряду сожжения. В частности, на раскопе II (площадь

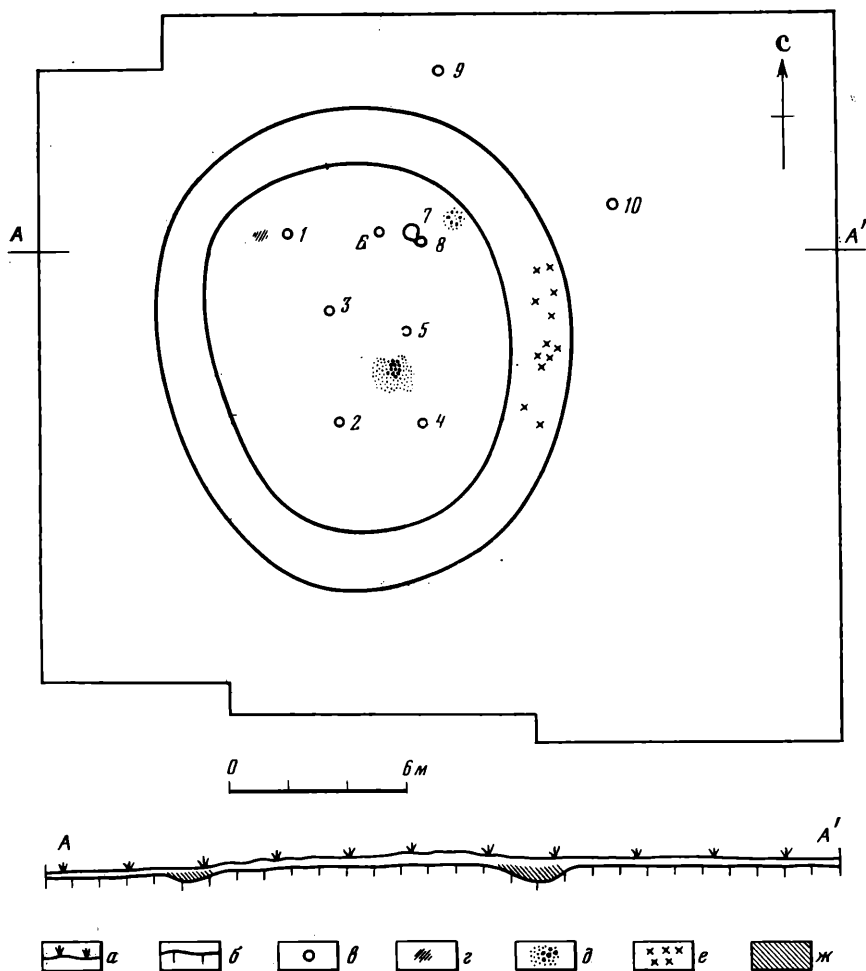
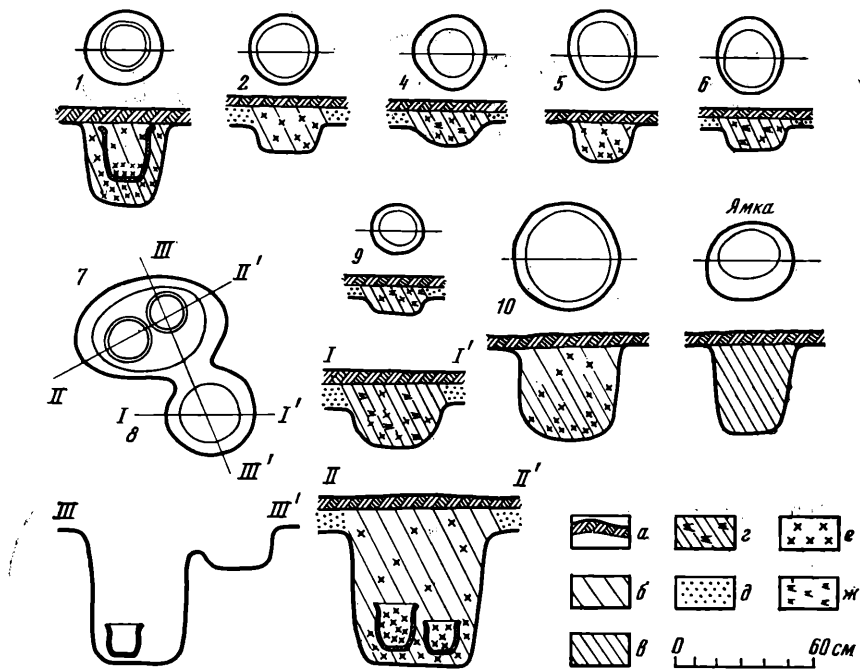

Рис. 1. Могильник на берегу оз. Съезжее. Общий план и разрез погребальной площадки

a — дерн; *б* — материк; *г* — погребение; *д* — грунтовая ямка; *е* — кострище; *ж* — кальцинированные кости; *з* — серый песчаный гумус

150 кв. м), на западной окраине могильника, открыто четыре погребения, сгруппированных вокруг небольшого кострища. В 1979 г. к раскопу II была сделана прирезка, и общая площадь, вскрытая за два года, достигла 594 кв. м.

На участке прослежен ровик шириной 1,6–2 м и глубиной 0,2–0,7 м, окружавший со всех сторон округлую в плане площадку размерами 8,2–9,8 × 12 м, вытянутую по направлению север–юг (рис. 1). Ровик имел пологие стенки и вогнутое дно. Его заполнение — серый гумусированный песок с прослойками желтого песка и вкраплениями, а местами и прослойками угольков. Желтый материковый песок из ровика был набросан тонким (0,15–0,2 м) слоем на площадку. В некоторых местах песчаный наброс вообще отсутствовал, и погребенная почва (тонкий слой гумусированного песка) непосредственно сливалась с дерном. На песчаной площадке, окруженной ровиком, открыто восемь грунтовых захоронений с остатками сожженных, совершенных на стороне (рис. 2). Остатки сожжений помещались в грунтовые ямки на песчаной подсышке, углубленные в материк. Здесь же располагалось два ритуальных кострища. Два грунтовых захоронения открыто за пределами погребальной площадки, в 1,5–2 м от внешнего края ровика. При разборке верхней половины заполнения ровика с восточной стороны площадки на участке размерами

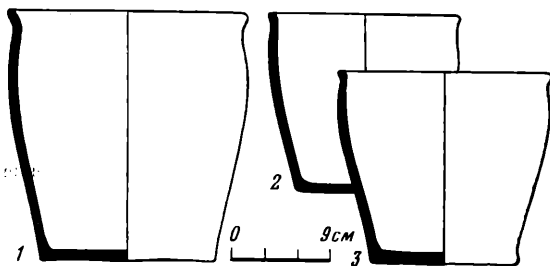

Рис. 2. Могильник на берегу оз. Съезжее. Планы и разрезы погребений

а — дерн; б — желтовато-серый песок; в — серый песчаный гумус; г — черный углистый гумус; д — желтый песок; е — кальцинированные кости; ж — уголь; цифры обозначают номера погребений

Рис. 3. Лепные погребальные урны

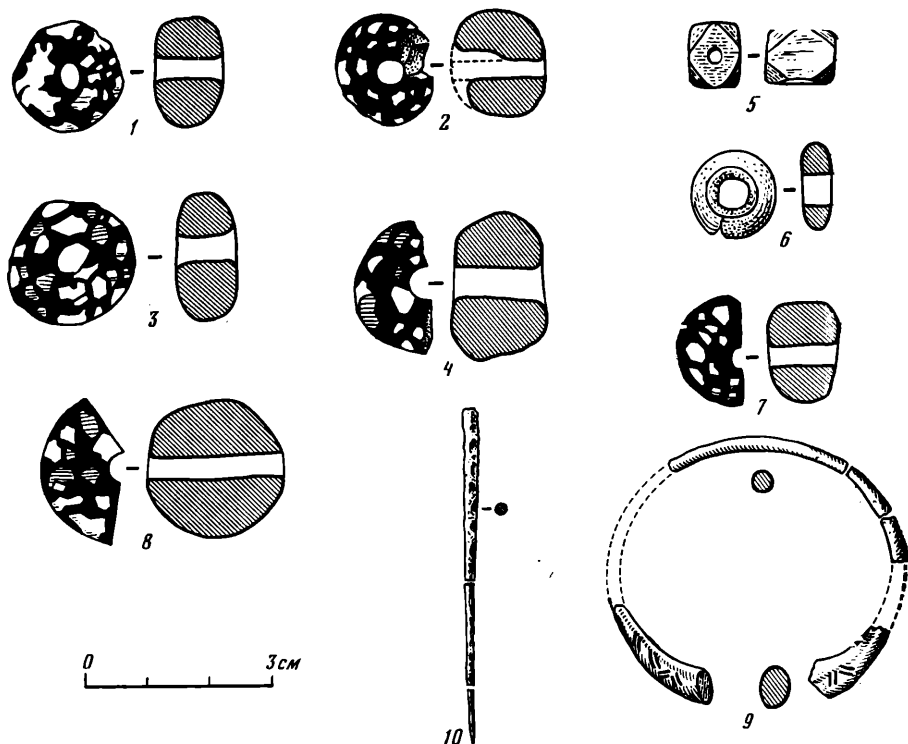
1 — погребение 1; 2, 3 — погребение 7

приблизительно 1×2 м найдены разрозненные пережженные кости взрослого человека (глубина ровика в данном месте до 0,5 м)⁵.

Погребение 1. Сразу под дерном открыта лепная погребальная урна — слабопрофилированный горшок, имеющий высоту 22 см, наибольший диаметр тулова и венчика по 20 см, диаметр дна 15 см (рис. 3, 1). В верхней половине заполнения горшка среди желтовато-серого песка встречались отдельные кальцинированные кости, в нижней половине они залежали плотной массой. Кости очищены от угля. Погребальная урна была поставлена в ямку диаметром 32 см и глубиной 33 см с крутыми стенками, плавно переходящими к уплощенному дну. Заполнение ямки, более темное по цвету, чем заполнение горшка, состояло из серого гумусированного песка, очищенных от угля кальцинированных костей и отдельных угольков. В верхней части ямки вокруг горшка кости встречались редко, а на дне они лежали сплошной массой. Между дном горшка и ямки мощность слоя гумусированного песка и костей составляла 13 см. Пережженные кости в горшке и ямке принадлежат молодому человеку. Это остатки скорее всего одного погребения.

Погребение 2. Мелкие пережженные кости человека, очищенные от угля, находились в округлой ямке с плоским дном глубиной 11 см и диаметром 25 см. Среди костей найдены спекшиеся синие стеклянные бусы, пять маленьких обломков бронзовых пластинок (размеры наибольшей, несколько изогнутой, 1×2 см), возможно, от браслета, капли оплавленной бронзы.

Рис. 4. Вещевые находки

1—8 — стеклянные бусы; 9 — бронзовый браслет; 10 — железная игла; 1—8 — погребение 7; 9, 10 — погребение 8

Погребение 3. Пережженные кости ребенка в возрасте до одного года, очищенные от угля, находились в лепной урне, от которой сохранилась только нижняя часть на высоту 11 см (диаметр дна 14 см, наибольший диаметр тулова 19 см). На дне горшка встречена оплавленная синяя стеклянная бусина.

Погребение 4. Небольшое количество пережженных костей ребенка вместе с угольками было помещено в округлую ямку с вогнутым дном глубиной 30 см и диаметром 28 см.

Погребение 5. Кальцинированные кости мужчины старше 60 лет, очищенные от угля, были помещены в округлую ямку с плоским дном глубиной 14 см и диаметром 25—30 см. В верхней части ямки до глубины 3—4 см кости встречались разрозненно, ниже они залежали плотной массой.

Погребение 6. В округлой ямке диаметром 26—30 см и глубиной 8—9 см, имевшей плоское дно, в слое черного гумуса найдены пережженные кости младенца.

Погребение 7. Кальцинированные кости, очищенные от угля, были помещены в два баночных лепных горшка, поставленных рядом в грунтовой ямке. Диаметр венчиков сосудов 17 и 18,5 см, высота — 15,5 и 17 см (рис. 3, 2, 3). Овальная в плане ямка имела размеры 40×60 см, глубину 56 см, крутые стенки и плоское дно. Ее заполнение — светло-серый песчаный гумус. В верхней части заполнения встречались разрозненные кальцинированные кости, а на дне ямки они залежали сплошным слоем. В ямке оказались пережженные кости двух взрослых чело- век, в том числе мужчины. Среди костей найдено не менее 14 крупных оплавленных стеклянных бус, часть из которых сохранила свою форму. Преобладают округло приплюснутые бусы из просветленного синего стекла, вся наружная поверхность которых украшена печеночно-красными и молочно-белыми крапинками, не выступающими на поверхности

(рис. 4, 1—4). Одна бусина из аналогичного синего стекла имеет форму четырехгранной призмы со скругленными углами (рис. 4, 5).

Погребальные урны были заполнены желтовато-серым песком и кальцинированными костями. Между днищами сосудов и ямки мощность слоя гумусированного песка и костей составляла 6—10 см. В одном горшке были помещены кости двух людей — взрослого и молодого — и несколько оплавленных кусочков синего стекла (бус), в другом — кости девочки и женщины, кусочек оплавленного серебра, а также многочисленные обломки спекшихся синих стеклянных бус с вкраплениями молочно-белого и печеночно-красного стекла. Три бусины сохранили свою первоначальную форму — бочонковидную (две) и зонную (рис. 4, 6—8).

Погребение 8. К погребению 7 с юго-востока примыкала округлая в плане ямка диаметром 36 см, глубиной 17 см, с крутыми стенками, плавно переходящими к несколько вогнутому дну. В ее заполнении среди черного углистого гумуса и кальцинированных костей подростка найдены кусочки оплавленных предметов из бронзы, части бронзового браслета с расширяющимися концами и геометрическим орнаментом (рис. 4, 9), обломки тонкого железного стержня (рис. 4, 10), оплавленные синие стеклянные бусы, аналогичные бусам из погребения 7.

В центре площадки, окруженной ровиком, открыто кострище — неправильной формы пятно прокаленного на глубину до 15 см красного песка, углей и золы размерами 2×2,2 м (рис. 1). В кострище найдено несколько мелких пережженных камней. Четыре погребения (2—5) располагались по сторонам кострища, что, видимо, не случайно.

У северо-восточного края площадки зафиксировано второе, меньшее кострище — пятно прокаленного песка и угольков толщиной 2—4 см и диаметром около 1 м. Поблизости от кострища и погребения 7 на площадке найдены спекшиеся синие бусы.

Рядом с погребением 1 расчищена ямка диаметром 31—35 см и глубиной 37 см, с крутыми стенками и вогнутым дном (рис. 2). В ее заполнении — сером песчанистом гумусе — встречена кальцинированная косточка.

Два захоронения были совершены за пределами площадки, окруженной ровиком. К северо-востоку от нее, в 2,1 м от внешнего края ровика, открыта округлая ямка диаметром 42 см и глубиной 37 см, с крутыми стенками, плавно переходящими к несколько вогнутому дну. В верхней части ямки заполнение представляло собой желтовато-серый песок, в котором найдено небольшое количество разрозненных кальцинированных костей. Заполнение нижней части более темное, это — серый песчанистый гумус. Пережженные кости, очищенные, как и в верхней части ямки, от угля, залегали здесь плотной массой. Это — погребение 10, принадлежащее немолодому мужчине.

К северу от площадки, в 1,5 м от внешнего края ровика, вскрыта грунтовая ямка диаметром 20 см и глубиной 5 см, с плоским дном. Ее заполнение — черный углистый гумус с небольшим количеством мелких кальцинированных костей ребенка. Это — погребение 9.

Обратим особое внимание на то, что во всех погребениях представлены исключительно кости человека, без примеси костей животных.

Погребальные урны — лепные слабопрофилированные приземистые горшки — аналогичны посуде расположенного рядом с могильником поселения и в целом находят себе ближайшие параллели среди керамики из длинных курганов псковско-новгородской группы и связанных с ними селищ⁶.

К датирующим находкам относится бронзовый браслет с утолщенными концами, орнаментированными прочерченными линиями (погребение 8). Браслеты подобного типа неоднократно встречались при раскопках насыпей длинных курганов. Они датируются серединой — третьей четвертью I тысячелетия н. э.⁷ Как полагают исследователи, в VIII в. их производство прекратилось⁸. Округло приплюснутые бусы из просветленного синего стекла с печеночно-красными и молочно-белыми крапин-

ками на поверхности, по определению З. А. Львовой, относятся ко времени до VIII в. Такие бусы отсутствуют среди массовой коллекции бус Старой Ладogi, где нижние горизонты восходят к VIII в. В целом весь комплекс найденных бус имеет ближайшие аналогии среди бус из могильников культуры длинных курганов⁹. Бусы в форме четырехгранной призмы, а также браслет с утолщенными концами встречены при раскопках Р. С. Минасяна на поселении Узмень в Верхнем Подвинье, рядом с грунтовым могильником третьей четверти I тысячелетия н. э.¹⁰ По нашему мнению, захоронения на площадке, окруженной ровиком, в могильнике на оз. Съезжее датируются третьей четвертью I тысячелетия н. э.

Очевидно, что описанные М. Э. Аун погребальные площадки в бассейне оз. Псковское на территории Эстонии, также окруженные ровиками, в целом близки погребальному комплексу на оз. Съезжее. Таким образом, в могильниках культуры длинных курганов, удаленных друг от друга на сотни километров, мы фиксируем аналогичную картину — помещение остатков сожжений, совершенных на стороне, в грунтовые ямки на специально оформленном для ритуальных целей месте (при этом два захоронения в могильнике Съезжее в силу каких-то причин были совершены рядом с площадкой). По нашему мнению, можно вполне согласиться с М. Э. Аун, что подобное оформление мест для неоднократных захоронений, видимо, являлось начальным этапом в эволюции погребального обряда от помещения остатков сожжения в грунтовых ямках к их помещению в курганах. Это также свидетельствует об общей линии развития погребального обряда на широкой территории распространения длинных курганов псковско-новгородской группы.

В последнее время в лесной зоне Восточной Европы исследователи все чаще фиксируют совместное нахождение в одних могильниках насыпей культуры длинных курганов и грунтовых захоронений по обряду трупосожжения с инвентарем, типичным для этой культуры¹¹. Это позволяет предполагать, что на обширной территории лесной зоны курганным погребениям предшествовали грунтовые захоронения¹².

Касаясь вопроса о возникновении насыпей длинных курганов смоленской группы, Е. А. Шмидт считал, что «насыпание небольшого холмика — первоначального кургана при сооружении длинной насыпи» — ведет свое начало «из небольшой земляной присыпки ямки и урны времени грунтового могильника»¹³. Нам представляется более близким к истине предположение В. В. Седова о курганах как своего рода имитациях природных всхолмлений. «Расселившись в новой местности (а Псковская земля действительно отличается равнинностью), славяне-кривичи, — пишет В. В. Седов, — вынуждены были сооружать искусственные погребальные насыпи»¹⁴. В подтверждение своей точки зрения В. В. Седов указывает на погребальные сооружения у деревень Городище и Замощье на Псковщине, представляющие собой, по его мнению, естественные валообразные всхолмления с впущенными захоронениями. К сожалению, оба примера неудачны, поскольку детальное ознакомление с документацией раскопок этих курганов показало, что в обоих случаях, хотя и были при возведении насыпей использованы особенности рельефа, имело место искусственное сооружение их основных частей¹⁵. Выводы В. В. Седова скорее подкрепляются наблюдениями Р. С. Минасяна, сделанными при раскопках грунтового могильника Узмень. Р. С. Минасян указывает, что, «судя по высотным отметкам, погребения сосредоточивались группами на возвышенных участках рельефа»¹⁶.

Считаю возможным предложить следующую схему возникновения курганного обряда у населения псковско-новгородской группы культуры длинных курганов. Первоначально грунтовые захоронения совершались на естественных всхолмлениях, группируясь скорее всего в соответствии с определенными прижизненными отношениями умерших (в первую очередь родственными). В дальнейшем для грунтовых захоронений стали сооружать специально выделенные на местности погребальные площадки,

окруженные ровиками. Земля из ровиков шла на выравнивание площадок, подобно тому как это было зафиксировано в могильнике Съезжее. Затем площадки стали насыпать, устраивая своеобразные погребальные платформы для совершения захоронений — курганы. Таким образом, появление курганной насыпи у населения псковско-новгородской группы культуры длинных курганов восходит не к присыпке грунтовых погребений, а к специальным погребальным площадкам для погребений, выделенным на местности. Умело использовать рельеф продолжали и во времена возведения курганов, что давало возможность путем незначительных земляных работ создавать внешне массивные погребальные сооружения. На оз. Съезжее искусственное использование уклона местности придало длинному кургану, возведенному на высоту 0,55 м, вид двухметровой насыпи. Ту же самую картину дает курган Замошье.

Предложенная схема объясняет значительное преобладание в длинных курганах вводных захоронений в окончательно сооруженные насыпи (типы 8—10 по В. В. Седову). По подсчетам В. В. Седова, они составляют свыше 50% всех известных захоронений¹⁷. Если же подходить более дифференцированно, то в псковско-новгородской группе длинных курганов их доля еще выше. По В. В. Седову, в Себежском поозерье и в верховьях р. Великая такие погребения составляют 78,3%, в бассейнах Псковского и Чудского озер и в нижнем течении р. Великая — 71%, в верховьях р. Ловать — 70,4%¹⁸.

Используя таблицы, составленные В. В. Седовым, мы подсчитали что из 52 длинных курганов, раскопанных на снос на всей территории распространения этих памятников, за исключением бассейна Днепра, где они имеют свои специфические особенности, 22 кургана содержали исключительно вводные захоронения в заранее подготовленные насыпи. В курганах этого же района, раскопанных траншеями и шурфами, данное соотношение составляет соответственно 40 и 19 насыпей¹⁹. Цифры достаточно показательны. В круглых курганах с сожжениями сохраняется та же закономерность, что и в длинных курганах псковско-новгородской группы. Так, в Псковской земле впускные захоронения в круглых насыпях составляют 80,2%²⁰.

Наша схема позволяет считать, что «пустые» насыпи в курганных могильниках культуры длинных курганов — закономерное явление. Это подготовленные для захоронений курганы-платформы, в которые по каким-то причинам не были впущены погребения. В том же могильнике Съезжее нами был раскопан плоский, совершенно не нарушенный курган, не содержащий погребений.

Разумеется, предложенная эволюция погребального обряда (грунтовые захоронения — погребальные площадки — курганы) — это лишь типологическая схема, определяющая общую линию развития курганного обряда захоронения, не имеющая жестких рамок. Хронологическое соотношение конкретных грунтовых захоронений, площадок и курганов в конкретных могильниках при сохранении общей тенденции могло быть различным. Об этом, кстати, свидетельствуют наблюдения М. Э. Аун, согласно которым в юго-восточной Эстонии погребальные площадки функционировали лишь определенное время, а затем их перекрывали насыпями, и новые погребения совершали уже в последних.

В заключение подчеркнем, что необходимо исследовать не только сами погребальные насыпи, но также и межкурганное пространство и участки рядом с могильниками.

В. А. ГАЛИБИН

СОСТАВ ПРЕДМЕТОВ ИЗ СТЕКЛА
ИЗ МОГИЛЬНИКА СЪЕЗЖЕЕ

В лаборатории спектрального анализа ЛОИА АН СССР полному количественному спектральному анализу по методу трех элементов были подвергнуты восемь образцов стекла из различных захоронений погребального сооружения, раскопанного в могильнике Съезжее, и один образец — из расположенного поблизости поселения. Это были целые бусины и куски стекла неопределенной формы — видимо, оплавленные бусы. Анализировались слабдеформированные бусы и куски стекла с сохранившейся структурой. Шесть образцов были из однотонного голубого или синего стекла. Три образца имели включения в виде глазков молочно-белого и печеночно-красного стекла. Эти включения выкальвывались и анализировались отдельно, как и стекло основного цвета. В результате было проделано 13 анализов.

Химический тип стекла во всех случаях был одинаков: Na-Ca-Si(Al). Натрий вводился в виде природной соды, на что указывает отсутствие калия. Его содержание от 12 до 20% Na₂O. Источник кальция (14—21% CaO) определить сложнее. Здесь равно вероятны два предположения: либо кальций попал в стекло вместе с природной содой, либо он вводился отдельно в виде известняка.

Другим компонентом шихты стекла является песок, причем с довольно большой примесью полевых шпатов (содержание алюминия в стекле от 2,9 до 5% Al₂O₃). Отметим очень четкую корреляцию между содержанием железа и титана. Отношение Fe₂O₃(TiO₂) очень близко к 9,0. Это наводит на мысль, что использованный песок содержал примесь железа в виде титаномагнетита.

Чтобы нейтрализовать красящее действие железа (до 4% Fe₂O₃), в стекло вводился марганец (до 2% MnO). Синий цвет стеклу придавали добавкой кобальта (0,1—0,4% CoO). Молочно-белый цвет глазков получали за счет олова (6,5% SnO₂), а печеночно-красный цвет — за счет меди (1,5—5,0% Cu₂O).

Хотя образцы стекла были взяты из разных погребений, а один — с селища, однотипность их состава указывает на единый источник сырья. Более того, очевидно, что бусы вышли из одной мастерской. К сожалению, в литературе не имеется данных о составе стекла близкого происхождения. Можно лишь высказать предположение об его северо-европейском происхождении.

¹ Аун М. Э. Об исследовании длинных курганов в д. Рысна-Сааре.— Изв. АН ЭстССР, Общест. науки, 1978, 44, с. 338—344; Она же. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на юго-востоке Эстонии. Автореф. канд. дис. Л., 1979; Она же. Курганные могильники восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия нашей эры. Таллин, 1980.

² Аун М. Э. Курганные могильники..., с. 99.

³ Там же, с. 54, 55.

⁴ Носов Е. Н. Поселение и могильник культуры длинных курганов на оз. Съезжее.— КСИА, 1981, 166, с. 64—69; Он же. Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н. э. в Приильменье.— СА, 1981, 1, с. 48, карта, пункт 22.

⁵ Определение пережженных костей из погребений переведено в ЛОИА Н. М. Ермоловой.

⁶ Носов Е. Н. Поселение..., с. 68, рис. 3.

⁷ Седов В. В. Длинные курганы кривичей.— САИ, 1974, вып. Е1-8, с. 35.

⁸ Седов В. В. Об этнической принад-

лежности псковских длинных курганов.— КСИА, 1981, 166, с. 8.

⁹ Седов В. В. Длинные курганы..., с. 27.

¹⁰ Минасян Р. С. Поселение и могильник на берегу оз. Узмень.— Труды ГЭ, 1979, XX, с. 172, 174, 180, рис. 2.

¹¹ Носов Е. Н. Некоторые общие вопросы..., с. 53, 54.

¹² Носов Е. Н. Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли (к вопросу о славянском расселении).— НИС, 1982, XI.

¹³ Шмидт Е. А. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории Смоленской обл.— МИСО, 1963, V, с. 128.

¹⁴ Седов В. В. Длинные курганы..., с. 41.

¹⁵ Сплицын А. А. Раскопки 1910 г. в Лужском уезде С.-Петербургской губернии.— ИАК, 1914, 53, с. 89; Он же. Удлиненные и длинные курганы Смоленской губернии. Архив ЛОИА, ф. 5, л. 4.

¹⁶ Минасян Р. С. Поселение..., с. 176.

¹⁷ Седов В. В. Длинные курганы..., с. 19.

¹⁸ Там же, с. 23, табл. VIII.

¹⁹ Там же, с. 20—22, табл. VI, VII.

²⁰ Там же, с. 37, табл. XII.

ГНЕЗДО СЛАВЯНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ У С. ЧЕРНОВКА
ЧЕРНОВИЦКОЙ ОБЛ.

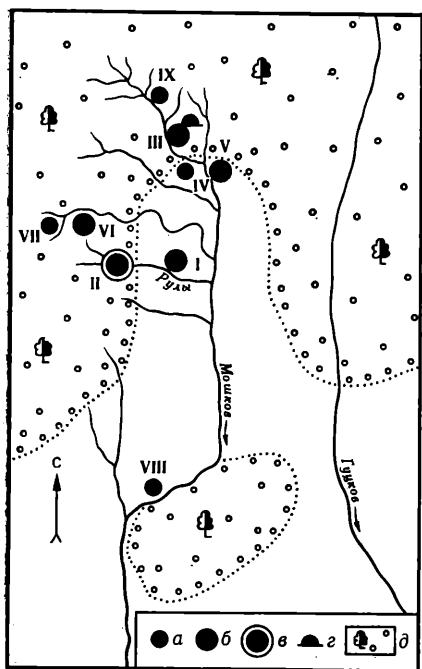
Славянские поселения второй половины I тысячелетия н. э. обычно располагаются группами — гнездами, на что обращали внимание многие исследователи. Группировка поселений несомненно отражает общественные отношения населения того времени. Письменные источники об общественном строе славян долетописного периода крайне скудны, и поэтому первостепенное значение приобретают археологические материалы. Однако изучению гнезд поселений до сих пор уделялось недостаточное внимание, не выяснены их структура, занимаемая ими площадь, расстояние и границы между гнездами, хронологические изменения, происходившие в них.

Славянская экспедиция Института археологии АН СССР ведет специальное изучение гнезд славянских поселений второй половины I тысячелетия н. э. в пределах Черновицкой обл., где имеется ряд благоприятных условий: 1) территория области хорошо обследована, благодаря многолетним и почти круглогодичным работам археологов; 2) область очень богата памятниками изучаемого периода и в настоящее время, пожалуй, наиболее насыщена ими по сравнению со всем славянским ареалом (на сравнительно небольшой территории известно более 200 памятников); 3) территория поселений часто покрыта лесом, она не была заселена в другие периоды, и среди деревьев сохранились углубления — западины от древних построек, что дает возможность определить площадь поселения, количество построек на нем и снять инструментальные планы селищ для проведения их полных раскопок¹; 4) холмистая местность, пересеченная оврагами и ручьями, позволяет наметить приблизительные границы гнезд поселений. К настоящему времени обследовано около 30 гнезд поселений, что позволило выяснить их довольно сложную структуру. В статье рассматриваются лишь материалы одного из них, расположенного в окрестностях с. Черновка.

Село Черновка Новоселицкого р-на находится в бассейне р. Мошков (приток Прута), окружено лесами и многочисленными ручьями, берущими начало на высоких холмах. Окрестности села представляют собой изолированную территорию, имеющую естественные границы, — на западе, севере и частично на юге она ограничена водоразделами, на востоке — р. Гуков. Приблизительные размеры этой территории составляют около 70 кв. км.

Наиболее раннее славянское поселение на этой территории относится к культуре пражского типа (поселение I). Оно расположено на первой надпойменной террасе небольшого ручья Рулы (рис. 1), его поверхность распаивается и частично повреждена при сооружении плотины. На этом же месте находилось черняховское поселение, и жизнь продолжалась в VIII—IX вв., поэтому по распространению культурного слоя на пахоте (приблизительно 100 × 250 м) нельзя судить о размерах пражского поселения. Из семи раскопанных здесь жилищ в трех найдена керамика пражского типа. Жилища — обычные для этой культуры прямоугольные полуземлянки столбовой конструкции с печами-каменками в одном из углов (рис. 2, 1). В двух жилищах пражская посуда принадлежит к ранним вариантам VI в., возможно, V в. (в них же встречена черняховская керамика, но поселение многослойное, и черняховские материалы попадают и в более поздних жилищах). В третьем жилище варианты пражской посуды более развитые и по хронологической шкале керамики должны относиться к VII в. На полу этого жилища найдена бронзовая пальчатая фибула VII в.²

Рис. 1. Расположение славянских поселений VIII—X вв. около с. Черновка

а — малые селища; б — большие селища;
в — селище — общинный центр; г — курганный могильник; д — лес

По-видимому, поселение I в VI—VII вв. было очень небольшим, как и все памятники пражской культуры, на которых обычно насчитывается не больше пяти-десяти одновременных жилищ (поселения около Корчака, Кодына и др.). В VIII—IX вв. ситуация резко меняется. Поселение I продолжало существовать, а в его окрестностях появилось еще восемь поселений. Они расположены по берегам мелких ручьев, два из них — на окраине современного с. Черновка, остальные — в лесах. В покрытых лесом местах хорошо сохранились западины построек, имеющие корытообразную, обычно прямоугольную форму с закругленными углами. Размеры западин приблизительно такие же, как и у древних жилищ, — стороны имеют длину 3—4 м, глубина иногда достигает 1 м. Часто кругом западин виден древний выброс земли из котлованов, а в некоторых случаях посредине одной из сторон прослеживается ход в жилища (рис. 2, 2). Раскопки на всех поселениях дали керамический материал типа Луки Райковецкой VIII—X вв. Размеры и планы поселений того времени, расположенных в лесах, позволяют разделить их на три группы.

К первой группе принадлежат малые селища, обнаруженные в четырех пунктах на окраинах гнезда (поселения IV, VII—IX). Два из них распахиваются, и на их поверхности видны пятна жилищ (поселения IV и VIII), два других находятся в лесу, на них сохранились западины. Площадь малых поселений не превышает 1 га, количество жилищ на них невелико: на поселении VII — 15, на поселении IX — 18. Возможно, не все жилища вполне одновременны, особенно находящиеся рядом друг с другом (на расстоянии 3—4 м). В расположении западин-жилищ имеется определенная закономерность: они занимают изолированный участок берега, ограниченный ручьями, оврагами и холмами (рис. 3, 1, 2), тянутся рядами, иногда даже на не вполне удобных для жизни крутых склонах, оставляя свободной ровную площадку между жилищами. Все исследованные на поселениях западины оказались остатками обычных полуземляночных жилищ с печами-каменками. Следы ремесленного производства здесь не обнаружены.

Малые поселения VIII—IX вв. сохраняют характер поселений пражского типа VI—VII вв. Полностью раскопанные поселки очень небольшие, имеют естественные границы, количество жилищ на них невелико, обычно выделяется площадка общего пользования — двор³, на котором иногда сосредоточены ямы-хранилища⁴. Такие малые поселения принадлежали сравнительно небольшим коллективам (на них одновременно могло жить не более 50—70 человек), ведущим совместное хозяйство, что соответствовало уровню развития производительных сил во второй половине I тысячелетия н. э. Возможно, жители малых поселений были связаны родственными узами и составляли большую патриархальную семью.

Вторую группу поселений составляют большие селища (I, III, V, VI). Эти поселения занимают гораздо большую площадь (около 3—5 га). На хорошо сохранившихся в лесу поселениях насчитывается от 32 (поселение III) до 39 (поселение VI) западин. Поселение VI занимало два

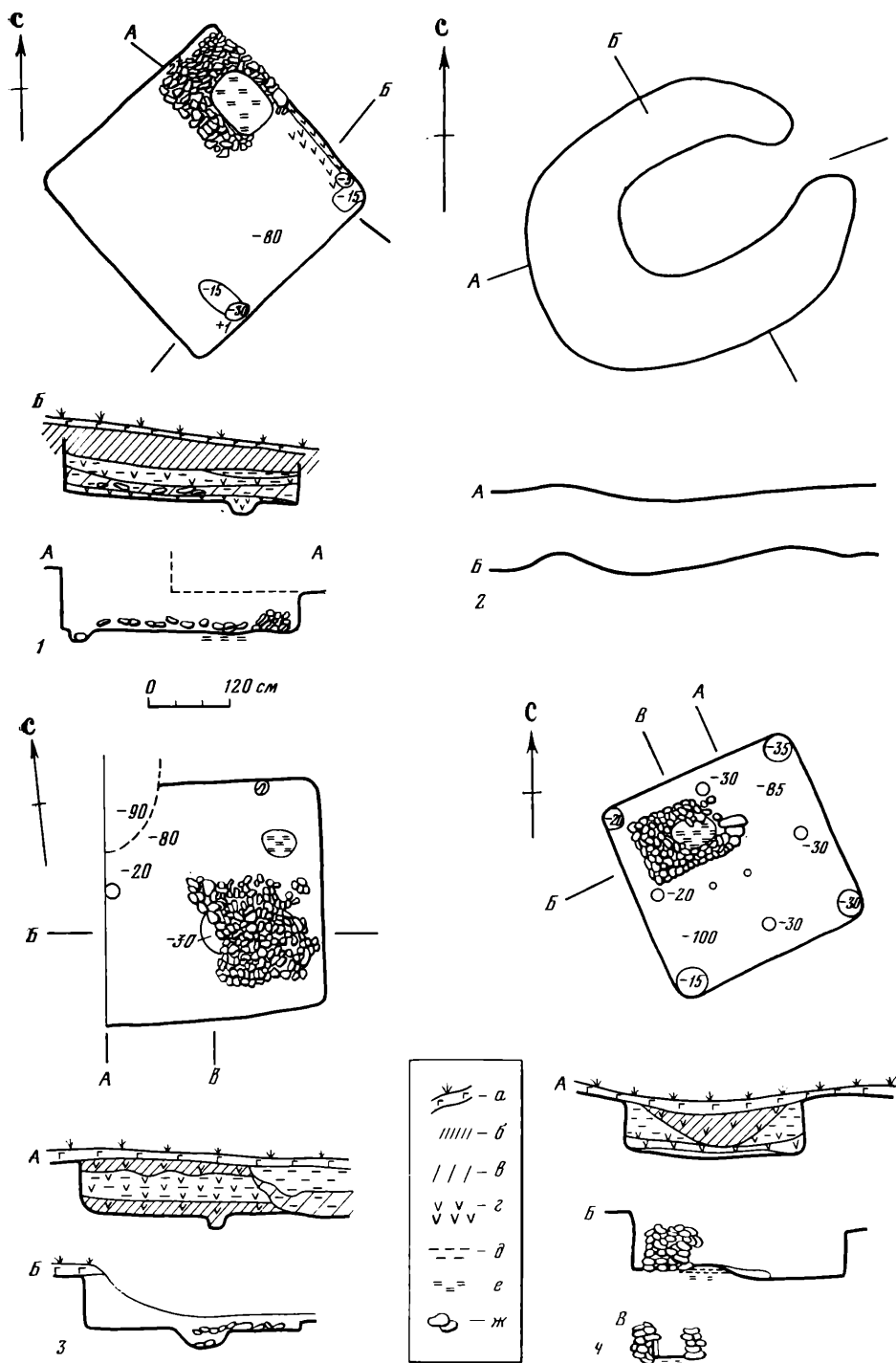
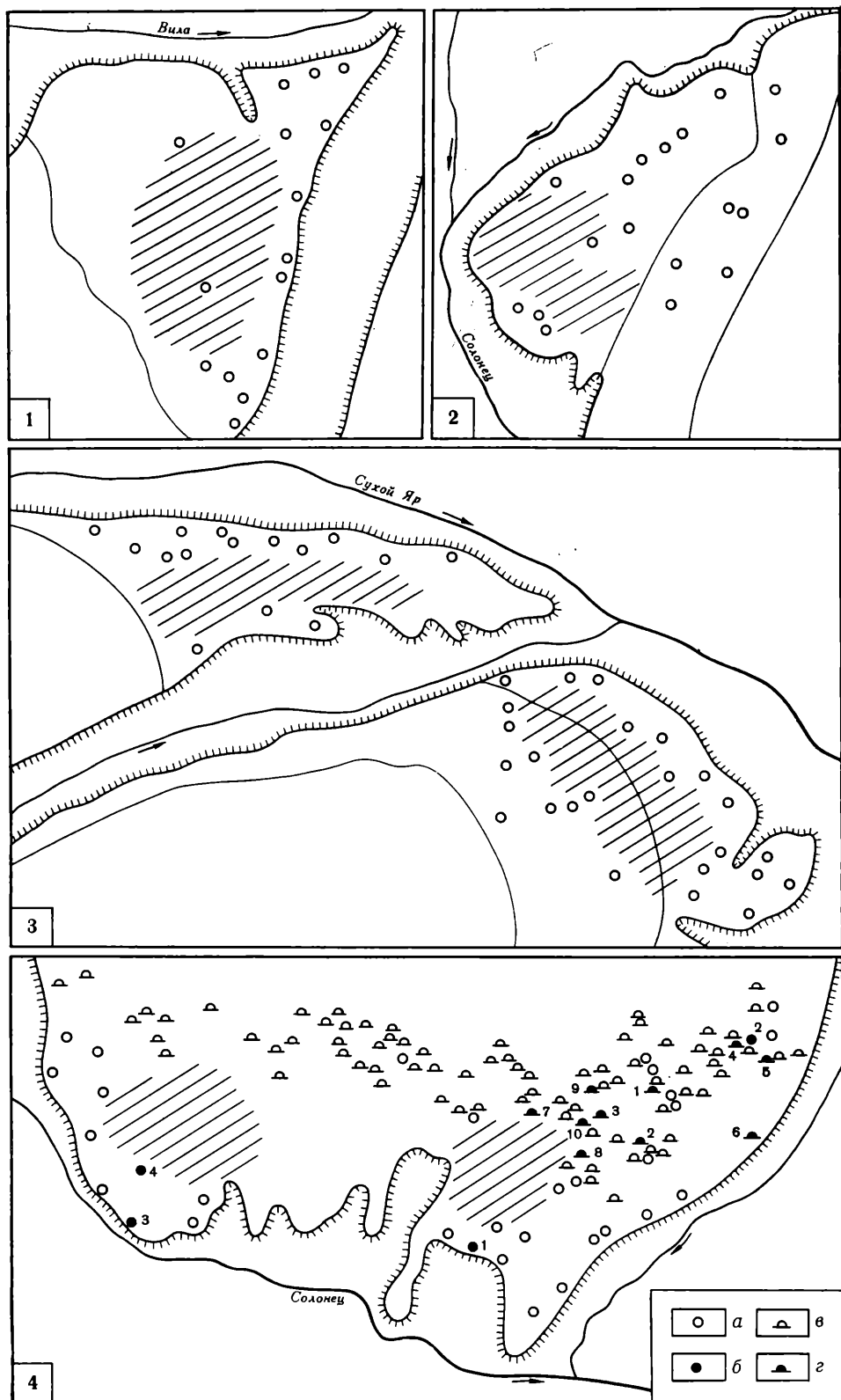

Рис. 2. Планы построек

1 — поселение I, жилище 5; 2 — поселение II, западина; 3 — поселение II, ремесленная мастерская 1; 4 — поселение II, жилище 2; а — дерновый слой; б — черная земля; г — уголь; д — глина; е — обожженная глина; ж — камни

изолированных мыса, разделенных ручьем (рис. 3, 3). Жилища располагаются по краям мысов и окружают незастроенную площадку. На одном мысу находилось 15 жилищ, на другом — 24. Каждая из двух частей поселения имеет те же черты, что и малые селища (изолированность, небольшие размеры, малое число жилищ, наличие площадок общего поль-

Рис. 3. Планы поселений с западинами и незастроенными площадками
 1 — поселение VII; 2 — поселение IX; 3 — поселение VI; 4 — поселение III и курганный
 могильник; а — западины землянок; б — раскопанные землянки; в — курганы; г — раскопан-
 ные курганы

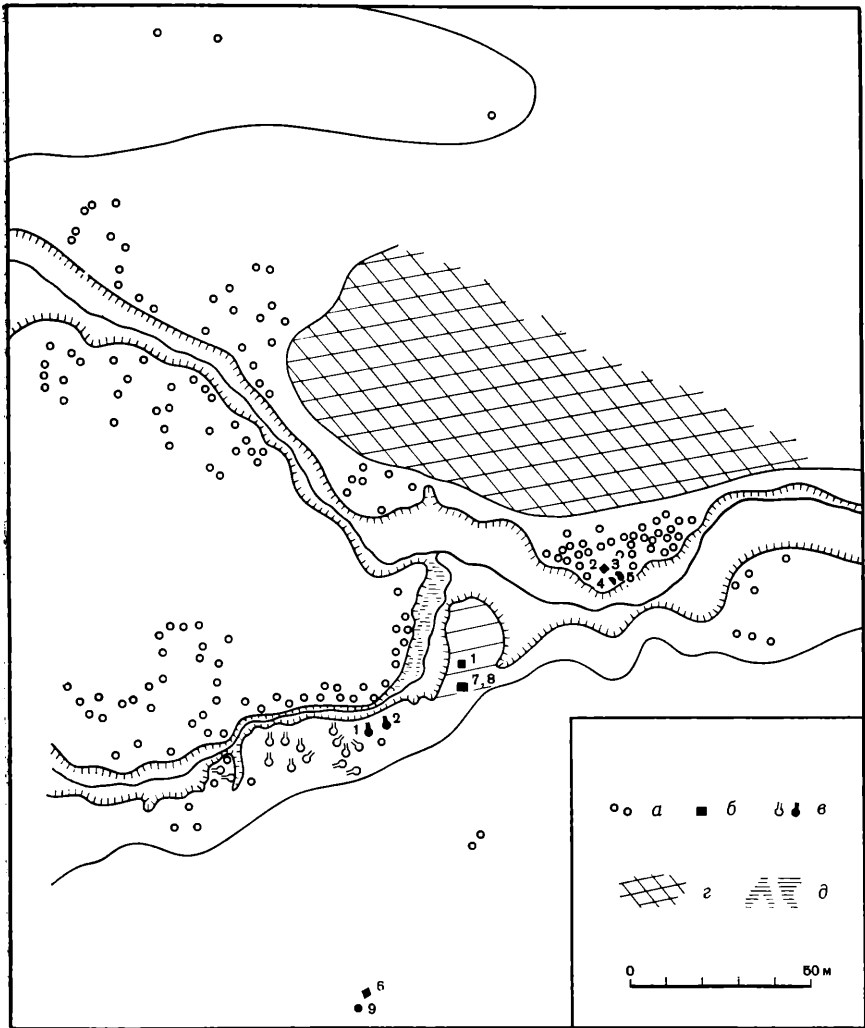

Рис. 4. План поселения II — общинного центра

a — западины построек; *б* — раскопанные постройки; *в* — производственные печи; *г* — раскопанная часть поселения; *д* — болото

зования). Следовательно, большое поселение VI состоит из двух малых селищ, каждое из которых принадлежало одной патриархальной семье.

Такой же характер имело большое поселение III. Оно также делится на две части, в одной из которых насчитывается 10 западин, в другой — 22. Каждая из частей имеет свою незастроенную площадку (рис. 3, 4). Большие поселения, состоящие из расположенных рядом и, по-видимому, связанных между собой малых селищ, по структуре близки патронимиям, в которые входили родственные патриархальные семьи.

К поселению III примыкает курганный могильник IX—X вв. В нем насчитывается около 80 насыпей⁵. Насыпи курганов небольшие, иногда едва заметные (высота 30—50 см, диаметры 3—5 м), но каждый из десяти раскопанных здесь курганов содержал по три-четыре погребения-группосожжения. Количество погребенных в могильнике не соответствует числу жителей в прилегающем поселении. По-видимому, этим могильником пользовались жители всего гнезда поселений, тем более что несмотря на тщательные поиски на территории гнезда другие могильники не обнаружены⁶. Такая же картина наблюдается и в других гнездах поселений — в них бывает только по одному могильнику, курганному или бескурганному (белевское, ревнянское, горিশнеперовецкое гнезда)⁷.

В третью группу выделено поселение II, находящееся ближе остальных к самому раннему в гнезде селищу пражского типа и на одном с ним ручье. Оно прежде всего выделяется своими размерами. На его площади (около 7,5 га) сохранилось 160 западин от построек. Значительная часть поселения распахана (рис. 4). В общей сложности здесь могло находиться не менее 200 построек. Жилища располагаются по берегам двух сливающихся ручьев сплошной массой. Здесь нет таких четких изолированных частей, как в предшествующей группе поселений.

Второй отличительной особенностью поселения II является наличие на его территории ремесленных мастерских. Всего на поселении раскопано шесть жилищ-полуземлянок с печами-каменками, две ремесленные мастерские и две производственные печи для предварительного обжига и обогащения железной руды. В южной части поселения на берегу ручья сохранились остатки 17 таких печей (видны западины диаметром 2—2,5 м, от которых в сторону ручья идут углубленные проходы длиной 3—4 м). Ремесленные мастерские находились рядом с жилищами. Они представляли собой прямоугольные полуземляночные помещения, на полу которых были устроены каменные рабочие площадки и рядом с ними — открытые глинобитные очаги (рис. 2, 3) ^а. В помещениях мастерских найдены железные шлаки, обломки лепной и гончарной посуды типа Луки Райковецкой. Вероятно, ремесленная продукция этого поселения могла удовлетворять потребности жителей других поселений гнезда, на которых следы ремесленной деятельности не обнаружены.

Третьей особенностью этого поселения можно считать его относительную защищенность, что, вероятно, было необходимо для нормального развития ремесленного центра. Следы укреплений около поселения не найдены, но оно имело естественную защиту, так как было окружено высокими крутыми холмами, а с единственной открытой стороны по ручью Рулы его прикрывало от внезапного нападения поселение I. Но самую интересную особенность его защиты представляют собой западины, расположенные цепочкой по вершине холмов, прикрывающих поселение с севера и с юга. Всего таких западин насчитывается 12 и находятся они по одной, иногда парами на расстоянии 100—150 м друг от друга. Две из этих западин раскопаны. В них обнаружены остатки сгоревших срубов со сторонами 3—3,5 м, опущенных в материк на 1 м. В помещениях найдена керамика типа Луки Райковецкой VIII—IX вв., в одном из них были только обожженные камни, в другом — печь-каменка. Эти постройки, окружавшие поселение и расположенные в трудных для жизни местах, удаленных от источников воды, могли служить сторожевыми пунктами, предупреждающими жителей поселения об опасности.

Особенности поселения II — крупные размеры, развитие ремесла, определенная система обороны — позволяют считать его остатками общинного центра, объединявшего все поселения черновского гнезда и снабжавшего всю округу своей ремесленной продукцией.

В целом черновское гнездо поселений имело довольно сложную структуру. Наиболее развитым в гнезде было крупное ремесленное поселение — общинный центр, вокруг которого концентрировались большие поселения — патронимии и малые селища — семейные общины. Вторым объединяющим центром для всего населения гнезда являлся и общий для всех могильник. Подобную структуру, иногда еще более сложную, имели и другие обследованные гнезда поселений. В них всегда сгруппированы большие и малые поселения и есть свой центр — ремесленное поселение, часто огороженное деревянными стенами, городища-убежища и святилища.

Существовавшие в VIII—X вв. гнезда поселений коренным образом отличаются от патриархально-родовых общин VI—VII вв., когда еще не было выделенных центров и в объединение входили однотипные небольшие поселки. В полностью обследованном скоплении поселений V—VII вв. у с. Корчак Житомирской обл. насчитывается 14 поселков, хотя и не вполне одновременных, но единообразных, с одинаковой планиров-

кой, одинаковым количеством жителей и не различающихся по характеру хозяйственной деятельности⁹. В VIII—IX вв. происходят резкие изменения в развитии хозяйства, распространяется плужное земледелие, активизируется ремесленное производство, концентрирующееся в отдельных поселениях. Это привело к демографическому взрыву, число поселений в то время значительно возрастает, что отмечается на широкой территории. Если у населения малых селищ VIII—X вв., входивших в состав больших гнезд, так же, как и у жителей поселков VI—VII вв., еще были сильны родственные связи, то в таких крупных объединениях, как гнезда поселений, родственные отношения должны были отойти на второй план, уступая место хозяйственным, административным и, возможно, религиозным консолидирующим силам. По-видимому, гнезда поселений VIII—X вв. отражают существование территориальных общин.

Территориальная община черновского гнезда поселений характеризуется следующими чертами: она состояла из девяти разнотипных малых и больших поселений, удаленных друг от друга на 1—3 км; имела свой общинный центр с развивающимся ремеслом, снабжающим своей продукцией окрестные поселки; население общины использовало общий могильник; территория общины включала пахотные земли и лесные угодья, имела постоянные границы.

История черновского гнезда поселений, начавшегося с одного небольшого поселка VI—VII вв., сильно разросшегося в VIII—X вв., может быть прослежена и в последующие столетия. В XI—XII вв. вместо многочисленных поселков предшествующего времени в центре территории гнезда возникает одно большое поселение. Его остатками является селище Пустая Черновка, протянувшееся вдоль р. Мошков почти на 1 км. В XII в. на противоположном берегу р. Мошков был построен феодальный замок (от него сохранилось городище с большой (40×50 м), плотно застроенной площадкой: обнаружены срубный дом с подвалом, остатки деревянной церкви с христианским кладбищем около нее, жилые срубы, примыкающие к оборонительной стене). Изменения в X—XI вв. произошли и в других обследованных гнездах поселений, в большинстве которых в это время общинные центры были сожжены.

Село Черновка упоминается в феодальных грамотах с 1412 г.¹⁰ В документах говорится о границах сельских общин — хотарей, существующих с древних времен («где из века оживали»)¹¹ и устойчивых на протяжении многих столетий. Судя по документам и картографическим материалам, границы черновского хотаря совпадают с пределами гнезда поселений VIII—X вв.

¹ На каждом поселении раскопано по несколько западин от построек, осмотрены многочисленные обнажения в оврагах и оползнях, собран керамический материал, датирующий поселения в пределах VI—VII или VIII—X вв. Следует заметить, что при раскопках большего масштаба при однородности и скудности керамического материала не всегда возможна более точная датировка.

² Тимощук Б. А., Русанова И. П., Михайлина Л. П. Итоги изучения славянских памятников Северной Буковины V—X вв.—СА, 1981, 2, с. 90, 91.

³ Дворами принято называть площадки общего пользования жителей, которые вели общее хозяйство (см.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, I, с. 422).

⁴ Русанова И. П. Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом.—САИ, 1973, вып. Е1-25, табл. 25; Рафалович И. А. Славяне

VI—IX вв. в Молдавии. Кишинев, 1972, с. 57.

⁵ Тимощук Б. А., Русанова И. П., Михайлина Л. П. Итоги изучения..., с. 89.

⁶ Местность, где расположен могильник, называется Баба. Так на Буковине называют места, где в древности стояли идолы. Может быть, и здесь находилось общее для черновского гнезда поселений святилище.

⁷ Тимощук Б. А., Русанова И. П., Михайлина Л. П. Итоги изучения..., с. 87, 88.

⁸ Тимощук Б. О. Слов'яни Північної Буковини V—IX ст. Київ, 1976, с. 109—111.

⁹ Русанова И. П. Славянские древности VI—IX вв. ..., с. 9.

¹⁰ Costăchescu M. Documentele lui Stefan cel Mare. Jasi. 1931, 1, p. 98.

¹¹ Советов П. В. Развитие феодализма и крестьяне Молдавии. Кишинев, 1980, с. 89, 90; Бырня П. П. Сельские поселения Молдавии XV—XVII вв. Кишинев, 1969, с. 56—59.

ПОСЕЛЕНИЯ МЕРИ И СЛАВЯН НА ОЗ. НЕРО

До недавнего времени на берегах оз. Неро было известно только два раннесредневековых поселения: Ростов и Сарское городище. При сплошном обследовании озерного бассейна, проведенном Волго-Окской ново-строечной экспедицией Института археологии АН СССР в 1975—1981 гг., выявлено около 20 поселений второй половины I — начала II тысячелетия (рис. 1). Полученные данные позволяют уточнить некоторые моменты этнической истории края в тот период.

Рекогносцировочные исследования показали, что некоторые поселения идентичны по материальной культуре и, очевидно, синхронны Сарскому городищу, т. е. принадлежат мере. Определяющими являются находки керамики, изготовленной в традиционной для мери и большинства финно-угорских племен Поволжья технике. Это сосуды приземистых форм с чуть шероховатой, часто гладкой или подлощенной поверхностью, с прямо срезанным или округло заглаженным тонким венчиком (рис. 2, 1—12). Основной примесью в глиняном тесте служит песок или мелкая дресва. Типичность подобных форм для мери отмечена Е. И. Горюновой¹. Свойственная этим сосудам тщательность обработки поверхности позволяет выделять их фрагменты в массе керамики. В раскопках посада Сарского городища такая керамика составляет от 50 до 80% общего числа находок. Сходные данные получены и на других поселениях. Так, на селище Львы II количество гладкостенной керамики доходило до 75% (раскоп 1)². На селище Шурскол III из 276 единиц подъемного материала обломки гладкостенной керамики представлены 157, т. е. составляют около 57%. Аналогичные результаты получены на селище Дубник. На других памятниках мерянская керамика достаточно хорошо маркирует слой, однако небольшое количество подъемного материала не дает возможности провести убедительные подсчеты.

Приводим сводку мерянских поселений района оз. Неро. Названия даны по ближайшим населенным пунктам.

1. Сарское городище — единственное укрепленное поселение. Расположено в излучине правого берега р. Сара, в 2 км к юго-западу от с. Деболовское (Деболы). Занимало вершину узкого холма высотой до 20 м. Поперечные валы делили городище на три части общей площадью 2,5 га. Во второй половине X в. у подножия холма возник посад (0,5 га). Общая датировка поселения — конец VII — начало XI в.³ В настоящее время сохранилась только неукрепленная часть поселения.

2. Селище Львы II (рис. 3, IV) — расположено на правом берегу р. Кучебыш на первой надпойменной террасе озера, в 2 км к югу от с. Львы. Площадь не менее 6 га. В 1980 г. на селище проведены рекогносцировочные раскопки, общая площадь двух раскопов и восьми шурфов 134 кв. м. Выяснилось, что мощность культурного слоя, испорченного старой распашкой, составляет в среднем 0,3 м. Из индивидуальных находок встречены обломки характерных для мери ножей с прямой спинкой, льячка, пряслица, оселки. Очевидные остатки построек обнаружить не удалось.

3. Селище Шурскол III (рис. 3, III, 1) — расположено на западном коренном берегу озера, в 1 км к юго-востоку от деревни. Занимает край Шурскольского оврага по правому берегу р. Мазиха. Высота над уровнем ручья от 21 до 34 м. Ближайший источник воды — ключ на склоне оврага. Размеры поселения 480×220 м, площадь — не менее 8 га. Толщина культурного слоя в исследованных местах до 0,4 м. Поверхность распашивается.

4. Селище Дубник (рис. 3, III, 3) расположено на 0,25 км юго-восточнее предыдущего поселения, на краю западного коренного берега озера. Занимает южный склон невысокого пологого всхолмления. Пло-

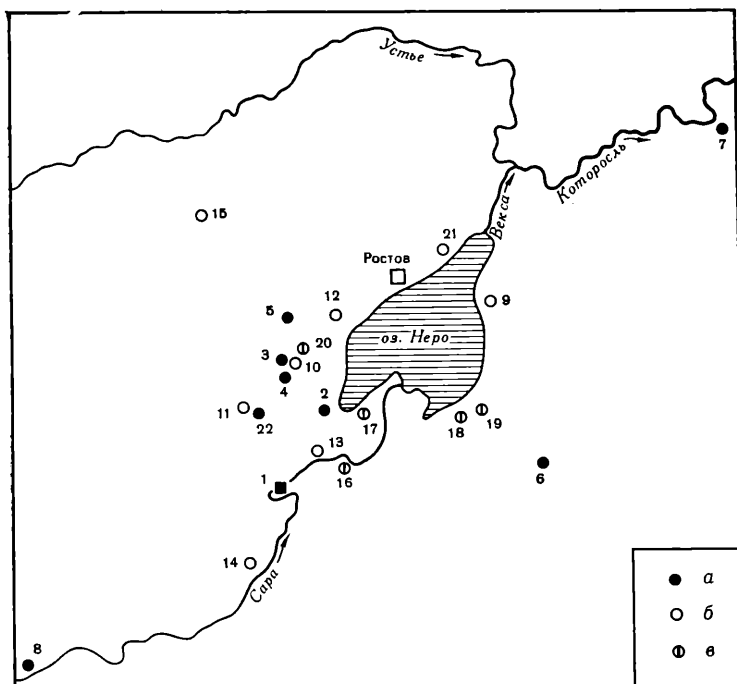

Рис. 1. Поселения VIII—XI вв. в бассейне оз. Неро

1 — Сарское городище; 2 — Львы II; 3 — Шурскол III; 4 — Дубник; 5 — Пужбол; 6 — Новоселки; 7 — Черная; 8 — Новотроицкое; 9 — Угодичи; 10 — Шурскол II; 11 — Кустерь; 12 — Богослов; 13 — Деболовское I; 14 — Деревни; 15 — Шулец; 16 — Деболовское II; 17 — Варус (Поречье); 18 — Вексицы I; 19 — Вексицы II; 20 — Шурскол I; 21 — Петровская слобода; 22 — Козарка; а — мерянские поселения; б — славянские поселения; в — поселения неясной принадлежности и датировки

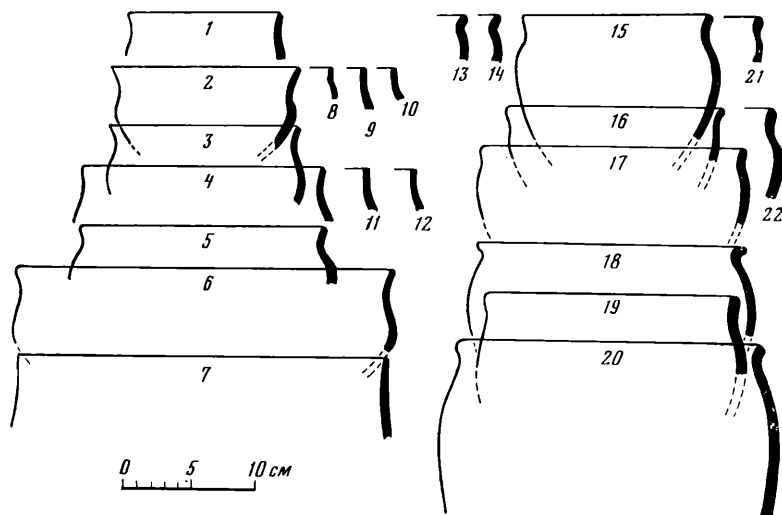

Рис. 2. Лепная керамика ростовских селищ

1—12 — керамика мерянских памятников; 13—22 — керамика славянских памятников; 1, 4, 7 — Львы II; 2, 3, 5, 6 — Сарское; 8—10 — Шурскол III; 11, 12 — Дубник; 13, 14 — Деболовское I; 15—20 — Шурскол II; 21, 22 — Угодичи

щадь селища не менее 2 га. Культурный слой толщиной до 0,3 м. Поверхность распаивается.

5. Селище Пужбол расположено в 0,75 км к северо-западу от села, на правом берегу ручья Подрощенки, правого притока р. Ишня. Памятник уничтожен карьером. Культурный слой мощностью до 0,4 м сохра-

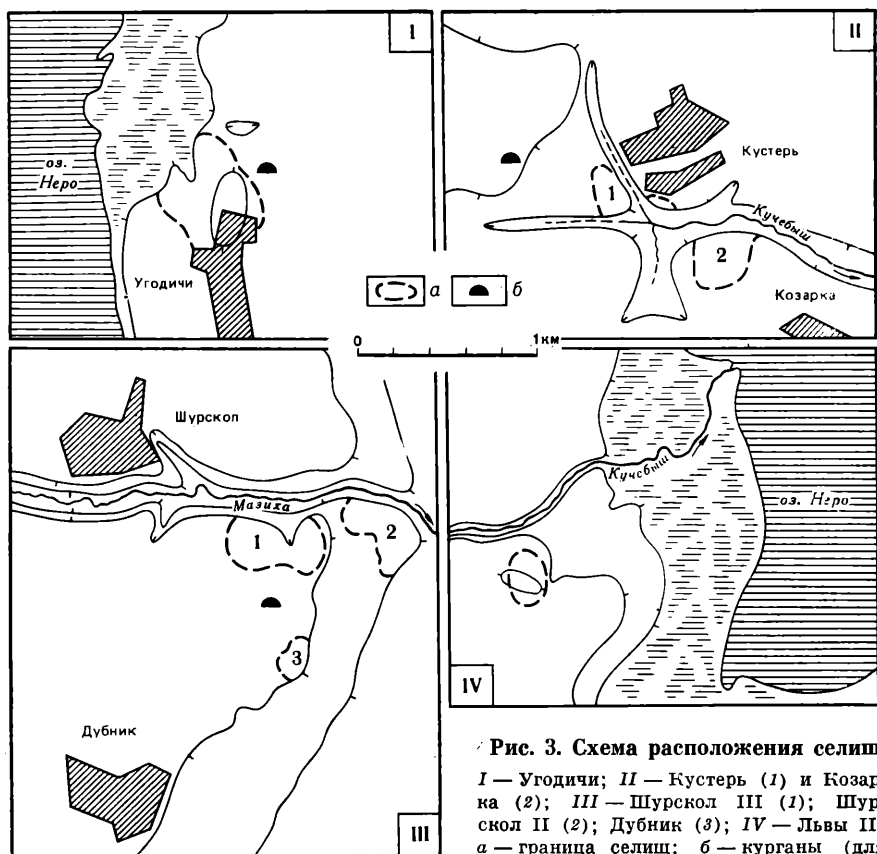

Рис. 3. Схема расположения селищ
 I — Угодичи; II — Кустерь (1) и Козарка (2); III — Шурскол III (1); Шурскол II (2); Дубник (3); IV — Львы II; а — граница селищ; б — курганы (для Угодичей и Шурскола местоположение условно)

нился лишь местами. Кроме лепной керамики, найден пластинчатый бронзовый неорнаментированный браслет.

6. Селище Новоселки расположено на восточной окраине деревни, на обрывистом левом берегу р. Чучерка. Поверхность занята усадьбами. Площадь поселения не менее 1 га, толщина культурного слоя в обрыве берега до 1 м.

7. Селище Черная расположено на пологом мысу правого коренного берега р. Которосль, в 1 км к востоку от деревни. Высота мыса над уровнем реки до 10 м. Площадь не менее 1 га. Культурный слой толщиной до 0,4 м. Поверхность распахивается.

8. Селище Новотроицкое расположено на мысу левого коренного берега р. Сара, в 0,8 км к югу от села. Площадь поселения не менее 6 га (300×250 м). Толщина культурного слоя в среднем 0,25–0,3 м, близ берегового склона до 0,6 м. Поверхность распахивается.

9. Селище Козарка (рис. 3, II, 2) расположено в 0,3 км к северо-западу от деревни, на правом обрывистом берегу р. Кучебыш. Занимает пологий восточный склон коренного озерного берега. Площадь не менее 5 га. Толщина культурного слоя в среднем 0,2–0,3 м. Поверхность распахивается.

Большинство перечисленных поселений находится недалеко друг от друга, расстояние между соседними не превышает нескольких километров. Исключение представляют селища у деревень Черная и Новотроицкое, но их историческая связь с памятниками побережья оз. Неро лишь предположительна.

Таким образом, выявляется район расселения мери на «Ростовском озере», полностью соответствующий летописной характеристике. По рекам Устье и Которосль, за пределами нижнего течения озерных прито-

ков, поселений интересующей нас эпохи нет. Окружающая территория изучена достаточно подробно, и возможное открытие новых памятников общей картины не изменит.

Мерянские селища необычны по археологическим характеристикам. Причина их долгой «неизвестности» заключалась в непривычных условиях расположения — или на низких пойменных террасах, что обычно для стоянок эпохи камня и бронзы, но не для поселений позднего железного века; или на коренных берегах, как средневековые и современные деревни. Отличительная черта их — крупные размеры, необычные для сельских поселений не только финно-угорских, но и славянских племен Северной Руси IX—X вв.: площади всех селищ исчисляются в гектарах, а такие «гиганты», как Шурскол III (8 га) и Новотроицкое (6 га), сопоставимы с наиболее крупными неукрепленными древнерусскими поселениями указанного периода.

И еще одна особенность — незначительная мощность культурного слоя на всех памятниках (в среднем 0,3 м), что указывает на сравнительно недолгий срок их существования и косвенно свидетельствует о принадлежности всех селищ одному периоду.

Слабая изученность памятников не позволяет пока уточнить их датировку. Однако вполне обоснованно определить время их существования концом VII — началом XI в. — в хронологических рамках жизни Сарского городища. Возможность возникновения столь крупных поселений в более раннюю эпоху исторически недостоверна. Что касается поздней даты, то она достаточно хорошо подтверждена материалами Сарского городища. Гончарная керамика на всех селищах отсутствует, на городище она найдена в единичных фрагментах.

Среди всех поселений лишь одно укрепленное — Сарское городище. Выбор места в узкой излучине реки, зафиксированная раскопками изначальность укреплений (валы центральной площадки насыпаны на материке) подтверждают особое значение городища с момента его возникновения.

Выявленная территориальная структура должна соответствовать существовавшей социальной системе. Перед нами — одно из мерянских племен. Несомненный племенной центр — Сарское городище, отличающееся не только наличием укреплений, но и характером археологического материала, не свойственного рядовым поселениям. Определяемая по расположению селищ племенная территория невелика — примерно 20×20 км, что сопоставимо с предполагаемыми областями славянских «малых племен»⁴. Концентрация крупных поселений на небольшой площади, их расположение в не традиционных для расселения местах являются косвенным показателем высокого для рассматриваемого периода уровня социального развития. Другие районы с такой плотностью населения в Северо-Восточной Руси неизвестны.

До сих пор нельзя с уверенностью определить первые славянские поселения на оз. Неро. Летопись указывает Ростов (862 г.), отмечая, впрочем, что «перви насельницы» — меря; местные легенды называют еще и Угодичи (Угожь)⁵. Несомненно, этот список должен быть дополнен, однако археологические критерии, которые могли бы помочь в поисках первых славянских поселений, нуждаются в разработке.

Определить достоверную принадлежность того или иного памятника древнерусскому населению нетрудно по массовым находкам круговой керамики характерных форм с линейным и волнистым орнаментом. Но в Северо-Восточной Руси гончарный круг получает широкое распространение только в конце X в. — по крайней мере на сто лет позже появления первых переселенцев в земли меря. Лепная керамика — основной массовый материал IX—X вв. — остается пока недостаточно изученной, хотя первые интересные результаты уже получены при обработке материалов Тимеревского селища⁶.

Наблюдения последних лет указали возможный путь поиска. На берегах озера встречены остатки поселений, основанных в IX—X вв. Они

переживают известные мерянские селища, продолжая существовать и позже XI в. К ним тяготеют ранние курганные группы, где встречаются захоронения по обряду трупосожжения. Такие особенности позволяют считать эти памятники первоначальными славянскими поселениями. Показателен состав обнаруженной на селищах керамики. Преобладают обломки сосудов, изготовленных из теста с примесью дресвы. В отделке поверхности нет характерной для мерянской посуды тщательности, поиному формируются венчики, сосуды отличаются более вытянутыми пропорциями (рис. 2, 13—22). К числу поселений с отмеченными особенностями относятся следующие:

1. Угодичи (рис. 3, I). Селище расположено на северной окраине села. Занимает пологий выступ первой озерной террасы. Площадь древнейшей части памятника, где преобладает лепная и раннегончарная керамика, не менее 12,8 га. Толщина культурного слоя в исследованных местах колеблется от 0,25 до 0,45 м. Поверхность частично занята огородами. Курганная группа у с. Угодичи отмечена еще в Тверской летописи⁷ и значится на карте А. С. Уварова как содержащая захоронения по обряду кремации⁸. Очевидно, именно с древнейшей частью Угодичей следует связывать найденный близ села клад, состоящий из куфических монет и двух серебряных браслетов, зарытый в 813 г.⁹, что дает возможность датировать основание поселения временем не позднее начала IX в.

2. Селище Богослов расположено в 0,3 км к юго-западу от села, на правом берегу р. Гороховка, правого притока р. Ишня. Площадь памятника около 0,5 га. Толщина культурного слоя 0,15—0,3 м. Поверхность распахивается. Курганы у с. Богослов раскопаны П. С. Савельевым в 1854 г.¹⁰

3. Селище Шурскол II (рис. 3, III, 2) расположено в 1 км к востоку от деревни, на пологом склоне западного коренного берега озера. С севера ограничено р. Мазиха. На 0,25 км западнее и выше по склону находится мерянское селище Шурскол III. Площадь памятника не менее 6 га. Толщина культурного слоя до 0,5 м. В 1978 г. на селище были заложены рекогносцировочные раскопы общей площадью 200 кв. м. Полученные данные позволяют датировать памятник X — началом XIII в.¹¹ Курганы у деревни исследованы П. С. Савельевым в 1854 г.¹²

4. Селище Кустерь (рис. 3, II, 1) расположено на западном коренном берегу озера, примыкает с юго-запада к современной деревне. Ручьем Кучебыш и оврагом разделено на три части. Площадь древнейшей из них, занимающей мыс между двумя отрогами оврага, 1,25 га. Толщина культурного слоя 0,2—0,35 м. Поверхность распахивается. Данные шурфовки позволяют датировать ранние напластования X—XI вв. В 0,5 км к северо-западу от селища в урочище Святье (Святное) находится курганная группа, раскопанная П. С. Савельевым¹³, — единственная уцелевшая до наших дней.

5. Селище Деболовское I расположено на левом берегу р. Сара, на юго-восточной окраине села. Культурный слой почти полностью уничтожен при строительстве и смыт рекой. Отдельные участки сохранились только у береговой кромки. По встречающимся среди лепной керамики фрагментам раннегончарных сосудов памятник можно датировать X — началом XI в.

6. Селище Деревни расположено в 0,25 км к западу от села. Занимает всхолмление на мысу правого берега р. Иринка, близ ее впадения в р. Кось — левый приток р. Сара. Площадь поселения около 1,5 га. Толщина слоя до 0,4 м. По подъемному материалу селище можно отнести к периоду IX/X—XIII вв. Поверхность распахивается.

7. Селище Шулец расположено на правом берегу р. Шула. Занимало пологое всхолмление. Площадь не менее 2 га. Ныне почти полностью уничтожено. Остальная поверхность распахивается. Вероятная дата памятника — X—XIII вв. Курганы раскопаны П. С. Савельевым¹⁴.

Отдельные фрагменты грубой лепной неорнаментированной керамики найдены и на территории других населенных пунктов округа Ростова,

где имеются средневековые, в том числе и домонгольские, отложения,— Юрьевской слободы, Варниц, Поречья, Сулости, Белогостиц и т. д. Однако сохранность культурного слоя, как правило перетолченного, не дает возможности связать эти находки с интересующей нас эпохой. Ранняя история самого Ростова требует специального изучения, что выходит за рамки данной статьи. Можно лишь отметить, что принадлежность раннего горизонта культурного слоя мерянскому поселку и его широкая датировка (VIII—X вв.)¹⁵, судя по материалам раскопок Н. Н. Воронина 1955—1956 гг., небесспорна.

Картографирование селищ показывает, что мерянские и славянские поселения находились поблизости друг от друга, не образуя обособленных территорий. При неразработанности относительной хронологии памятников отмеченный факт дает лишь общее представление об исторической ситуации IX—начала XI в. С большей определенностью можно говорить о сосуществовании в начале IX в. мерянского Сарского городища и славянской Угожи — в обоих пунктах найдены клады этого времени. Большинство остальных славянских селищ сложилось скорее всего не ранее конца IX в. Появление нового населения нашло отражение в возникновении курганных могильников в Ростовской земле.

На протяжении полутора—двухсот лет шло постоянное увеличение количества славянских поселений, постепенно вбивавших в число своих жителей и мерю. Показательно в этом отношении близкое соседство двух крупных для своего времени населенных пунктов: Шурскола II и III. Селища практически смыкаются своими границами, невдалеке находится и третье поселение — Дубник, по подъемному материалу идентичное Шурсколу III. Шурскол II не относится к наиболее ранним славянским памятникам: материалы раскопок позволяют датировать ранний культурный слой X в.¹⁶, скорее всего второй половиной столетия. Оба поселения, если не сосуществовали какое-то время, то по крайней мере хронологически близки друг к другу. В коллекции Шурскола II есть вещи мерянского происхождения. Имеется и мерянская керамика характерных форм и отделки¹⁷. Примечательно, что последняя, встречаясь и в слое X в., наибольшее распространение получает с XI в. В слое конца XI—начала XII в. найдены круглая бронзовая бляха с шумящими привесками и несколько типичных мерянских ножей с прямыми спинками. Приведенные данные можно рассматривать как свидетельство появления мери среди жителей древнерусского поселка. Происходит это после прекращения существования в начале XI в. собственно мерянских поселений, в частности, и Сарского городища, т. е. после разрушения мерянской этносоциальной общности¹⁸. Следует отметить, что при близком соседстве славянских и мерянских поселений невозможно ожидать большой «этнической чистоты» жителей поселков и в более раннее время¹⁹. Дальнейшие исследования селищ Шурскол II и III позволят более подробно осветить процесс ассимиляции мери.

Кроме поселений с достаточно определенной этнической атрибуцией, на берегах озера есть ряд селищ с лепной неорнаментированной керамикой, хронологическая и этническая принадлежность которых недостаточно ясна: Деболовское II, Варус (Поречье), Вексицы I и II, Петровская слобода, Шурскол I (рис. 1, 16—21). Бедность и плохая сохранность культурного слоя затрудняют определение памятников. Сравнительно небольшие размеры (до 2 га), находки в слое отдельных фрагментов сетчатой керамики позволяют относить их к более раннему времени, предшествовавшему образованию крупных мерянских селищ.

¹ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, 1964, 94, с. 86, 107, 108, рис. 38; 47; 59.

² Леонтьев А. Е. Отчет о работах Волго-Окской экспедиции ИА в 1980 г. Архив ИА, р-1.

³ Леонтьев А. Е. О времени возникновения Сарского городища.— Вестник МГУ, сер. История, 1974, 5, с. 68—74.

⁴ Рыбаков Б. А. Союзы племен и проблема генезиса феодализма на Руси.— В кн.: Проблемы возникновения феодализма на Руси. М., 1969, с. 27.

- ⁵ Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А. Этапы и формы ассимиляции летописной мери.— СА, 1980, 2, с. 70.
- ⁶ Седых В. Н. Керамика Тимеревского поселения (предварительное сообщение)— В кн.: Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982, с. 111—117.
- ⁷ ПСРЛ, 1863, т. XV, с. 337. Указанные близ различных сел могилы врагов Александра Поповича по расположению совпадают с раскопанными П. С. Савельевым курганными группами.
- ⁸ Атлас к трудам I АС М., 1871, табл. XXIV.
- ⁹ Корзугина Г. Ф. Русские клады. Л., 1954, с. 82, табл. II, 2.
- ¹⁰ Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам.— В кн.: Труды I АС. М., 1871, II, с. 663, 806.
- ¹¹ Исланова И. В. Селище Шурскол II близ Ростова Великого.— СА, 1982, 2, с. 185—195.
- ¹² Уваров А. С. Меряне и их быт..., с. 663.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Горюнова Е. И. Этническая история..., с. 109, 198.
- ¹⁶ Исланова И. В. Селище Шурскол II... Там же, рис. 4, 3—6; с. 192.
- ¹⁷ Там же, рис. 4, 3—6; с. 192.
- ¹⁸ Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А. Этапы и формы ассимиляции..., с. 77, 78.
- ¹⁹ Там же, с. 76.

В. В. СЕДОВ

ПРЕДМЕТЫ ДРЕВНЕРУССКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ФИНЛЯНДИИ И КАРЕЛИИ

В начале II тысячелетия н. э. на смену языческому мировоззрению в северной части Европы постепенно распространяется религия европейского феодального общества — христианство. Начало крещения финских племен датируется обычно 1155 г., когда состоялся первый крестовый поход во главе со шведским королем Эриком Святым, приведший к захвату юго-западного побережья Финляндии. В начале XII в. в сферу шведских интересов попадает и территория, заселенная емью. Результатом второго крестового похода 1249 г. под водительством Биргера было подчинение шведам этого племени. Шведское господство в Финляндии утверждалось с помощью католической церкви посредством насильственной христианизации местного населения.

Что касается корелы, то христианизация ее относится к 1227 г., когда, как сообщают русские летописи, новгородский князь Ярослав Всеволодович для закрепления корелы под властью Новгорода произвел массовое крещение этого племени¹.

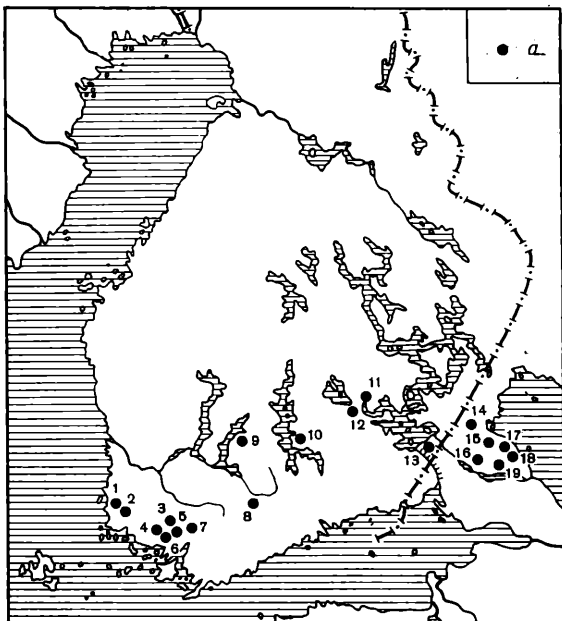
Приобщение населения Финляндии и Карелии к христианству позволяют осветить археологические материалы. Этой теме специально были посвящены интересные статьи финских археологов Н. Клеве² и Э. Кивикоски³, в которых показано, что христианство начало проникать в среду финского населения на столетие ранее первого крестового похода шведских королей.

В могильниках Финляндии второй половины I тысячелетия н. э. наряду с захоронениями по обряду кремации умерших спорадически встречаются труположения. Однако все они ориентированы по линии север — юг, что типично для финно-угорских племен и связано с их языческим мировоззрением. С XI в. в Финляндии постепенно получает распространение обычай хоронить умерших головой к западу. Такие захоронения, относящиеся к XI — первой половине XII в., открыты и исследованы, в частности, в могильниках Хумиккала и Сарамяки⁴. Как показали Н. Клеве и Э. Кивикоски, эти могильники в целом были еще языческими. Однако ориентировка умерших головами на запад является христианским ритуалом и, следовательно, отражает проникновение христианского мировоззрения в среду финских племен.

В XII в. в Финляндии появляются и собственно христианские кладбища (например, Мыллымяки и Ристинпелто), при раскопках которых открыты остатки четырехугольных деревянных строений, может быть, малых церквей и часовен. В погребениях этих могильников сохраняются

Рис. 1. Распространение предметов древнерусского происхождения на территории Финляндии и Карелии

- a* — местонахождения;
- 1 — Унтала;
- 2 — Хейниккала;
- 3 — Таскула;
- 4 — Хаймионмяки;
- 5 — Вирусмяки;
- 6 — Лоукинайнен;
- 7 — Ристимяки;
- 8 — Кевола;
- 9 — Вилусенхарю;
- 10 — Войпала;
- 11 — Юоненурми;
- 12 — Висулахти;
- 13 — Каппелинмяки;
- 14 — Некомаки;
- 15 — Суотниemi;
- 16 — Ховинсаари;
- 17 — Хенномяки;
- 18 — Лепясенмяки;
- 19 — Патья

различные языческие пережитки⁵. С XIII в. на территории Финляндии уже господствуют христианские захоронения.

В земле корелы еще в XIII в. большую часть умерших хоронили согласно языческой обрядности, т. е. в направлении север — юг. И только позднее в тех же могильниках появляются погребенные, ориентированные, согласно христианскому ритуалу, головами на запад.

Для финских археологов представляется несомненным, что христианство среди финских племен распространялось с Запада, откуда организовывались крестовые походы. Для изучения вопроса, откуда и каким образом распространялось христианство в среде еми и суми в раннее время, существен анализ вещевых находок — символов христианского культа. Оказывается, что большая часть их принадлежит к изделиям древнерусского происхождения (рис. 1).

В погребениях могильников Хаймионмяки и Лоукинайнен обнаружены крестики с выемчатой эмалью (рис. 2, 1)⁶. Они принадлежат к типу круглоконечных двусторонних. Одна сторона средокрестия разделена косым крестом на четыре сектора, которые и заполнены эмалью. Обратная сторона средокрестия имеет две орнаментальные концентрические окружности, пространство между которыми заполнялось эмалью.

Такие крестики в большом количестве представлены в памятниках древней Руси. Значительная часть их найдена в Среднем Поднепровье, что дало основание В. А. Мальм предполагать изготовление их в Киеве или «в других городах, расположенных в его ближайшем окружении»⁷. Из Киевского Поднепровья крестики с эмалью широко распространились по всей древнерусской территории. Известны они и за ее пределами — в области расселения литовско-латышских и эстских племен⁸, а единичные — в Прикамье⁹, в Бирке на острове Готланд¹⁰ и в Лапландии¹¹. Согласно исследованиям Э. С. Мугуревича, нижнее течение Западной Двины (Даугава), где встречено значительное количество подобных крестиков с эмалью, могло быть вторым центром их производства¹². Датируются крестики с эмалью по древнерусским и прибалтийским материалам XI—XII вв. Древнерусское происхождение крестиков из могильников Финляндии представляется несомненным.

Вторую группу составляют равноконечные крестики с рельефным орнаментом на лицевой стороне. Концы их расширены и имеют по три выпуклых диска, различными узорами орнаментировано и средокрестие (рис. 2, 2). В Финляндии такие крестики найдены в пяти могильниках:

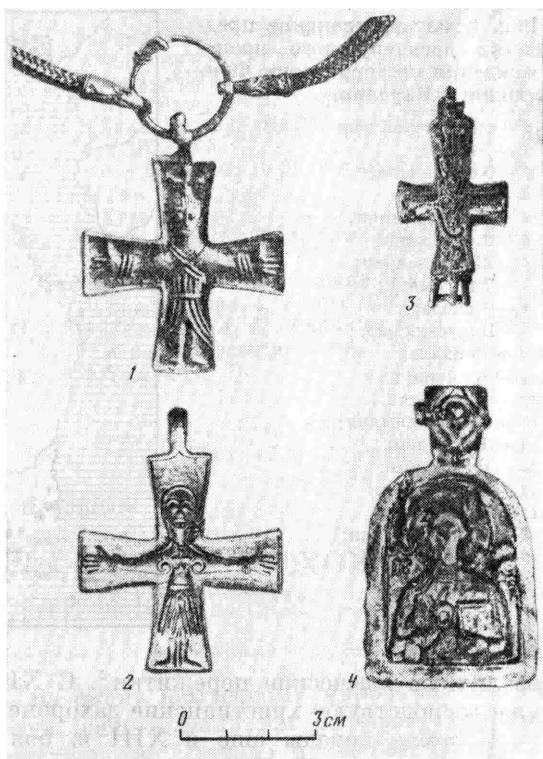
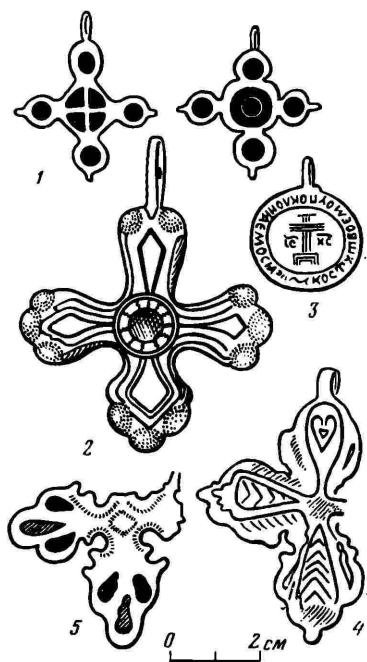

Рис. 2. Крестики и привеска древнерусского происхождения

1 — Хаймюняки; 2 — Кекомьяки; 3 — Хенномьяки; 4 — Ховинсаари; 5 — Леппясенмяки

Рис. 3. Крестики и иконка древнерусского происхождения

1, 2 — Таскула (лицевая и обратная стороны); 3 — Кевола; 4 — Патья

Таскула и Вирусмяки¹³, Ристимьяки, Вилусенхарю и Висулахти¹⁴. Три крестика этого же типа обнаружены в корельском могильнике Кекомьяки¹⁵.

Еще в начале XX в. А. А. Спицын назвал эти привески «крестиками скандинавского типа»¹⁶. Позднее исследователи обратили внимание на то, что преобладающая масса этих предметов встречена на поселениях и в курганах древней Руси, а не в Скандинавии. По-видимому, где-то на территории Северной Руси было налажено их изготовление, отсюда они распространялись в различные русские земли, а также за их пределы¹⁷. Шведский археолог М. Стенбергер высказал предположение, что местом выделки этих крестиков мог быть Новгород или какой-то другой центр Северо-Западной Руси¹⁸. По мнению Э. Кивикоски, рассматриваемые крестики имеют византийское начало и изготавливались на Руси в нескольких пунктах¹⁹.

Датируются эти крестики-привески в основном XI — первой половине XII в. К XI в. относятся находки в одном из кладов и в женском погребении на Готланде. На Руси наибольшее количество рассматриваемых крестиков связано с первой половиной XII в.²⁰ Крестики из финских могильников Таскула и Вирусмяки датируются XI—XII вв.²¹ Карельскую находку такого крестика К.-А. Нордман относит к XIII в.²²

Вне территории древней Руси крестики характеризируемого типа встречаются, как уже говорилось, в Финляндии и Карелии, а также на территории Эстонии, Латвии и Литвы²³ и, в многочисленных экземплярах, в Прикамье²⁴, Швеции и Норвегии²⁵.

В погребении 10 финского могильника Таскула, датируемом XI в., найден серебряный двусторонний крестик²⁶. На лицевой стороне его

имеется рельефное изображение распятого Христа, одетого в длинный хитон, на груди — крестовидная перевязь (рис. 3, 1, 2). Кисти рук переданы отчетливо, несколько преувеличенно, на запястьях — спиральный орнамент. На оборотной стороне — женская фигура в рост — очевидно, дева Мария.

Аналогичные кресты встречены и в других могильниках Финляндии (Вирусмяки²⁷, Унтала²⁸, Хейниккала²⁹, Юоненнурми³⁰), в двух памятниках Готланда³¹, на острове Эланд и в одном из северонорвежских кладов³².

Б. Салин, анализируя эти крестики, высказал предположение, что они являются подражанием византийским энколпионам и возникли в Северной Европе³³. С ним согласились Э. Кивикоски и другие исследователи³⁴.

К сожалению, западноевропейским ученым остались почти не известны многочисленные находки крестиков того же типа на поселениях и в курганных могильниках древней Руси. Они найдены в городах Новгороде Великом³⁵, Демяне (городище Княжая Гора)³⁶, Юрьеве (современный Тарту)³⁷, Старой Рязани³⁸, Родени (Княжа Гора)³⁹, Новгороде Малом (городище Заречье на Стугне)⁴⁰, под Любечем. Такие крестики встречены при раскопках курганов у д. Глинники на верхней Волге⁴¹, в радиальных курганных могильниках близ деревень Шапчицы и Колодезная⁴², а также в Гочевском могильнике в земле северян⁴³.

Древнерусские крестики рассматриваемого облика в целом синхронны северноевропейским, но среди них имеются и более ранние. Так, при раскопках Новгорода обнаружен крестик подобного типа, относящийся к концу X в.⁴⁴ К этому столетию, возможно, относится и находка на городище Заречье. Крестик, наиболее близкий по форме и изображениям к находке из финского могильника Таскула, встречен в Новгороде в слоях 30–40-х годов XI в.⁴⁵

Имеются все основания полагать, что древнерусские крестики исследуемого типа ведут свое происхождение от византийско-подунайских. Крестики, подобные по форме и с аналогичными изображениями распятого Христа, но более ранние, чем в древней Руси, найдены в Среднем и Нижнем Подунавье, в том числе на памятниках Великой Моравии⁴⁶. Эти крестики можно считать прототипами древнерусских.

Б. Салин полагал, что изображение спирали на запястьях распятого Христа, характерное для шведско-финляндских крестиков, является признаком собственно нордического стиля, поскольку оно известно и на других, в том числе и более ранних, украшениях Скандинавии. Между тем, подобная спиральная орнаментация на запястьях Христа имеется и на некоторых дунайских крестиках — например, на крестике, найденном при раскопках одноапсидной трехнефной базилики IX в. в Микульчицах⁴⁷. Проникновение этих крестиков на север Европы непосредственно из Моравии не представляется вероятным по хронологическим мотивам. Скорее всего византийско-дунайские крестики послужили прототипами для аналогичных христианских символов восточных славян, а в Фенно-Скандинавии крестики рассматриваемого типа появились в XI в. из древней Руси.

Из области расселения еми (могильник Кевола) происходит серебряный двусторонний энколпион, на лицевой стороне которого имеется рельефное изображение Христа, а на оборотной — неопределенная фигура, скорее всего Богоматерь. Лицевое изображение выполнено чернью (рис. 3, 3)⁴⁸. Древнерусское происхождение этой находки не подлежит сомнению. Подобные энколпионы широко известны на Руси. Найдены они и при раскопках Новгорода, где датируются XII в.⁴⁹

Еще один крестик с рельефным изображением Христа на лицевой стороне найден в погребении 14 могильника Таскула⁵⁰. В том же захоронении обнаружена монета Генриха III (1039–1056), на основании чего Э. Кивикоски датирует этот крестик второй половиной XI в. Он не имеет аналогий в Фенно-Скандинавии, тогда как на Руси подобные ему встречены в десятках памятников.

Рис. 4. Медальон из Кекомяк

жи и помещены монограммы ІС и ХС под титлами, а по ободку древнерусскими буквами сделана надпись: КОСТУ ТВОЕМОУ ПОКЛОН ЕМОС (рис. 2, 3).

В женском погребении 6 корельского могильника Кекомяки среди прочих украшений обнаружен серебряный круглый медальон с резным изображением Богоматери Оранты (рис. 4)⁵⁴. Его древнерусское происхождение отмечено финскими исследователями⁵⁵. Этой находке была специально посвящена статья польского археолога В. Антоневича⁵⁶, который показал, что изображение на медальоне из Кекомяк имеет аналогии на древнерусских вещах, в частности, на золотом и серебряном медальонах, входящих в рязанские клады. Исследователь полагает, что корельский медальон, изготовленный в одном из городских ювелирных центров северной части древней Руси, тесно связан с художественным стилем, господствовавшим в XII — начале XIII в. в Киеве.

В погребении 2 могильника Суотниemi найдено шейное украшение из серебряных цепей, плетеных из нескольких проволок и заканчивающихся золочеными змеиными головками, которые держат кольцо. На кольцо надеты серебряные бусы и крестики-привески оригинальной формы. Последние имеют округлые и шестиугольные пластинчатые расширения. На шестиконечном расширении средокрестия нижнего крестика чернью выполнен мальтийский крест. Э. Кивикоски полагает, что привески-крестики принадлежат к произведениям византийских или древнерусских мастеров, а цепочка сделана в Северной Европе⁵⁷. С этим нельзя не согласиться. Крестики-привески, вероятно, происходят из древней Руси. Наиболее близкие к ним крестики найдены при раскопках Новгорода⁵⁸.

В корельских могильниках Кекомяки и Ховипсаари, а также в финском могильнике Таскула найдены крестики с пальметкообразной орнаментацией (рис. 2, 4)⁵⁹. Они не имеют аналогий ни в Скандинавии, ни в Западной Европе. По-видимому, они производны от крестиков, описанных выше и названных А. А. Спицыным «скандинавскими». Форма и орнаментация этих крестиков, очевидно, выработались в местной среде под воздействием корельского орнаментального стиля.

Оригинален бронзовый ажурный крестик из погребения 4 корельского могильника Лешпясенмяки (рис. 2, 5)⁶⁰. По происхождению он скорее всего связан с ажурными привесками, хорошо известными по убранству женского костюма корелы.

Таким образом, анализ предметов христианского культа с территории Финляндии и Карелии свидетельствует о том, что первоначальное распро-

Целый ряд предметов христианского культа древнерусского происхождения найден в земле корелы. Так, в погребении 23 могильника Патъя обнаружена бронзовая иконка-подвеска (рис. 3, 4)⁵¹. Она имеет закругленный верх и прямые нижние углы, для привешивания сверху сделана многогранная головка. На лицевой стороне иконки невысоким рельефом изображен Христос. Левой рукой он придерживает Евангелие, а правой благословляет. Над правым плечом — буквы ІС под титлами, над левым — ХС под титлами. Эта иконка, несомненно, древнерусская. Подобные имеются в коллекции Загорского музея и датируются XIV в.⁵²

Интересна бронзовая круглая привеска из могильника Хенномяки⁵³. На ее лицевой стороне в середине изображен восьмиконечный крест на подно-

странение христианства в землях еми и суми связано не с Западом, а с древнерусским влиянием и относится к XI—XII вв. В пользу этого говорят и отдельные лингвистические факты. Так, финские *risti* и *ristiä* (крест и крестить) являются древнерусскими заимствованиями. Из древнерусского языка заимствованы финские слова *rappi* 'священник, поп', *ikonii* 'икона', *rakana* 'поганый, язычник', *gaamattu* 'библия' (от грамоты), *öliu* 'олеи, оливковое масло' и, может быть, другие. На этот факт исследователи неоднократно обращали внимание⁶¹. Очевидно, финская знать первоначально осваивала христианство от восточных славян. О появлении христианства в Финляндии из древней Руси, еще до шведского завоевания, говорят и шведские авторы XVI—XVII вв. Циглер и Мессений⁶².

Этот вывод соответствует исторической ситуации XI—XII вв. в южной Финляндии, которая находилась в какой-то зависимости от Руси уже при первых русских князьях. В Повести временных лет среди народов, плативших дань Руси, названа еми⁶³. Позднее киевские князья, как можно полагать по отрывочным свидетельствам летописей, поддерживали власть над ней⁶⁴. В середине XII в. управление землей еми перешло к Новгороду. С еми регулярно собирались оброки и дани, что предполагает создание в ее землях административных погостов. Во главе администрации находились не только новгородцы, но и представители местной знати. Емская знать была связана с новгородским боярством, через нее, очевидно, и распространялось в южной Финляндии православие. Выходец из еми Семен Емин был избран в 1218 г. новгородским тысяцким⁶⁵.

Начавшиеся в середине XII в. крестовые походы шведских королей были вторым этапом христианизации финских племен еми и суми. Они сопровождались захватом земель, распространением католичества и шведской колонизацией. Крестов и других предметов западноевропейских типов в археологических материалах Финляндии очень немного. Можно назвать только кресты из клада XII в., найденного в Ионсуу в юго-западной Финляндии. Как утверждает К.-А. Нордман, они имеют готландское происхождение⁶⁶.

Что касается земли корелы, то она безраздельно входила в орбиту древнерусского культурного влияния, и поэтому распространение здесь христианской религии целиком связано с историей и политикой древней Руси⁶⁷.

¹ ПСРЛ, 1962, т. 1, стб. 449.

² Cleve N. Spår av tidig kristendom i västra Finland.— In: Finskt museum. Helsingfors, 1948, 59/60, s. 67—85.

³ Kivikoski E. Suomen varhaisin kristillisyys muinaistieteellisen aineiston valossa.— In: Suomen kirkkohistoriallisen seuran toimituksia, 1955, 56, s. 21—41; Eadem. Christliche Einflüsse in dem archäologischen Material der Wikingerzeit und der Kreuzzugszeit Finnland.— In: Acta Visbyensia, 1969, III, S. 31—41.

⁴ Kivikoski E. Die Eisenzeit im Auraf-lüssgebiet.— SMYA, 1939, LXIII, S. 14—18; Eadem. Christliche Einflüsse..., S. 32.

⁵ Kivikoski E. Die Eisenzeit im Auraf-lüssgebiet, S. 20, 21; Eadem. Christliche Einflüsse..., S. 32—35.

⁶ Herviluoto A.-L. Ett bysantiskt kors-mucke från Haimionmäki i Lundo.— In: Finskt museum, 1970, 77, S. 17—23.

⁷ Мальм В. А. Крестики с эмалью.— В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 113.

⁸ Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965, с. 63.

⁹ Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых. Атлас рисунков

с предисловием А. А. Спицына.— МАР, 1902, 26, табл. VIII, 11.

¹⁰ Stenberger M. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Stockholm, 1958, I, S. 178.

¹¹ Serning I. Lapska offerplatsfund från järnålder och medeltid i de svenska lappmarkerna. Stockholm, 1956, Taf. 19, 3.

¹² Мугуревич Э. С. Восточная Латвия..., с. 63.

¹³ Kivikoski E. Die Eisenzeit im Auraf-lüssgebiet. S. 166—168.

¹⁴ Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973, S. 140, Abb. 1143.

¹⁵ Schwandt Th. Tietoja Karjalan rautakaudesta.— SMYA, 1893, XIII, fig. 225, 226; Кочуркина С. И. Археологические памятники корелы. Л., 1981, с. 101, табл. 19, 18.

¹⁶ Спицын А. А. Владимирские курганы.— ИАК, 1905, 15, с. 117.

¹⁷ Фезнер М. В. Крестовидные привески «скандинавского» типа.— В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 210—214. Карта распространения этих крестиков на территории Руси (там же, рис. 2) весьма неполная.

- ¹⁸ *Stenberger M.* Die Schatzfunde Gotlands..., I, S. 178—181.
- ¹⁹ *Kivikoski E.* Christliche Einflüsse..., S. 36.
- ²⁰ *Фехнер М. В.* Крестовидные привески..., с. 213, 214.
- ²¹ *Kivikoski E.* Die Eisenzeit im Auraflüssgebiet, S. 168.
- ²² *Nordman C. A.* Karelska Järnåldersstudier.— SMYA, 1924, XXXIV, S. 173.
- ²³ *Мугуревич Э. С.* Восточная Латвия..., с. 65, табл. IX, 1—4; *Selirand J.* Von der Verbreitung der ersten Elemente des Christentums bei den Esten.— In: Rapports du IIIe Congrès International d'archéologie slave. Bratislava, 1979, I, S. 716, 717, Abb. 2, 6, 7.
- ²⁴ Древности камской чуди..., табл. VIII, 5.
- ²⁵ *Stenberger M.* Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Stockholm, 1947, II, Taf. 255, 2; 256, 1; 260, 1; I, S. 178—180.
- ²⁶ *Kivikoski E.* Die Eisenzeit im Auraflüssgebiet, S. 169, 170, Taf. XXXII.
- ²⁷ *Kivikoski E.* Die Eisenzeit im Auraflüssgebiet, S. 168, 169, Taf. XXXIII, 1.
- ²⁸ *Itkonen K.* Ruumishautalöytö Vakka-Suomesta.— In: Suomen museo. Helsinki, 1964, LXXI, S. 40—48.
- ²⁹ *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands, S. 141.
- ³⁰ *Nordman C. A.* Smyckefundet från Sipilämäki i Sakkola.— SMYA, 1930, XLV, S. 236.
- ³¹ *Stenberger M.* Die Schatzfunde Gotlands..., I, Abb. 43; II, S. 183, Taf. 255, 1.
- ³² *Kivikoski E.* Christliche Einflüsse..., S. 37.
- ³³ *Salin B.* Några krucifix och kors i Statens Historiska Muséum.— In: Svenska fornminnesföreningens tidskrift, 1893, 28, S. 277—279.
- ³⁴ *Kivikoski E.* Christliche Einflüsse..., S. 37; *Racz I.* Early finnish Art. Helsinki, 1961, N 150.
- ³⁵ *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981, с. 49, 50.
- ³⁶ *Репников Н. И.* Отчет о раскопках в Бежецком, Весьегонском и Демянском уездах в 1902 г.— ИАК, 1904, 6, с. 19, табл. III, 17.
- ³⁷ *Schmiedechelm M.* Ein Depotfund aus Tartu.— In: Eurasia septentrionalis Antiqua, 1929, IV, S. 263—266, Abb. 2. Этот крестик имеет изображение Христа, аналогичное описываемым, но форма его несколько отлична.
- ³⁸ *Монгайт А. Л.* Старая Рязань.— МИА, 1955, 49, с. 187, рис. 138, 23.
- ³⁹ *Ханенко Б. И.* и *В. Н.* Древности русские. Кресты и образки. Киев, 1899, I, табл. XVIII, 218.
- ⁴⁰ Отождествлено Б. А. Рыбаковым. См.: *Рыбаков Б. А.* Владимировы крепости на Сугуне.— КСИА, 1965, 100, с. 127, 128.
- ⁴¹ *Гендуне Ю.* О раскопках в Корчевском уезде Тверской губернии и Лихвинском уезде Калужской губернии. Архив ЛОИА, д. ИАК, № 1906/30; *Равдина Т. В.* Древнейшие семилепестные височные кольца.— СА, 1975, 3, с. 223.
- ⁴² В Колодезной найдено четыре креста, отлитых в одной форме (см.: *Рур Я. Г.* Изучение курганов в Могилевском Поднепровье.— СА, 1976, 2, с. 188—191, рис. 8; 9), в Шапчицах — семь (не опубликованы, раскопки Г. Ф. Соловьевой).
- ⁴³ *Самоковасов Д. Я.* Атлас гочевских древностей. М., 1915, табл. XVI, 16.
- ⁴⁴ *Седова М. В.* Ювелирные изделия..., с. 49.
- ⁴⁵ Там же, с. 49, 50, рис. 13, 3.
- ⁴⁶ *Poulik J.* Mikulčice. Sidlo a pevnost knížat velkomoravských. Praha, 1975, tab. 73, 2, 3; *Dekan J.* Velka Morava. Doba a umenie. Bratislava, 1976, obr. 124, 126.
- ⁴⁷ *Poulik J.* Mikulčice..., S. 73—81, tab. 73, 3.
- ⁴⁸ *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands, S. 141, Abb. 1147.
- ⁴⁹ *Седова М. В.* Ювелирные изделия..., с. 57, рис. 18, 2.
- ⁵⁰ *Kivikoski E.* Die Eisenzeit im Auraflüssgebiet..., S. 170. Taf. XXXIII, 4; *Eadem.* Die Eisenzeit Finnlands, S. 141, Abb. 1145.
- ⁵¹ *Kivikoski E.* Lisiä karjalan ristiretkikauden ajanmääräykseen.— In: Kalevalaseuran vuosikirja. Porvoo; Helsinki, 1942, 22, S. 79—91; *Eadem.* Die Eisenzeit Finnlands, S. 141, Abb. 1148; *Кочуркина С. И.* Археологические памятники..., с. 89, табл. 13, 6.
- ⁵² Произведения мелкой пластики XIII—XVII вв. в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск, 1960, с. 127, 128, 135, рис. 24а; 28; *Николаева Т. В.* Древнерусская мелкая пластика XI—XVI вв. М., 1968, рис. 29.
- ⁵³ Национальный музей Финляндии (Хельсинки), № 7754:70.
- ⁵⁴ *Nordman C. A.* Karelska Järnåldersstudier, S. 19—24, Abb. 5.
- ⁵⁵ *Nordman C. A.* Karelska Järnåldersstudier, S. 21—23; *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands, S. 138, Abb. 1122; *Eadem.* Suomen esihistoria. Porvoo; Helsinki, 1961, S. 270—272, 278—281, kuva 232.
- ⁵⁶ *Antoniewicz W.* Ein Medaillon mit der Darstellung der betenden Mutter Gottes (Maria Orans) aus Kekomäki in Karélien.— In: Studia archaeologica in memoriam Harri Moora. Tallinn, 1970, S. 50—56.
- ⁵⁷ *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands, S. 141, Abb. 1150.
- ⁵⁸ *Седова М. В.* Ювелирные изделия..., с. 54, рис. 16, 15.
- ⁵⁹ *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands, S. 140, 141, Abb. 1144.
- ⁶⁰ Национальный музей Финляндии, № 2494:10.
- ⁶¹ *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978, с. 25, 26.
- ⁶² *Шаскольский И. П.* Емь и Новгород в XI—XIII вв.— Уч. зап. ЛГУ, Сер. ист. наук, 1941, 10, с. 112.
- ⁶³ Повесть временных лет. М.; Л., 1950, I, с. 13.
- ⁶⁴ *Пашуго В. Т.* Внешняя политика древней Руси. М., 1968, с. 31.

⁶⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 59.

⁶⁶ Nordman C. A. Gotländisch oder Deutsch — ein Silberkruzifix von Hallikko im Eigentlichen Finnland.— In: Acta Archaeologica. København, 1945, 15, S. 29—62; Kivikoski E. Suomen esihistoria, kuva 216.

⁶⁷ В одном из погребений могильника

корелы Кекомьяки найдена серебряная кольцевая фибула с латинской надписью по ободку «AVE MARIA G T». Вряд ли эта единичная находка может быть свидетельством проникновения католичества в среду корелы. Скорее всего она отражает торговые контакты корелы с южными землями Финляндии или с западноевропейским миром.

Н. В. ХВОЩИНСКАЯ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О МУЖСКОЙ ОДЕЖДЕ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНЫХ ОКРАИН НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

Одежда представляет собой один из наиболее ярких и устойчивых элементов материальной культуры. У каждого народа исторически сложились свои специфические формы национального костюма, в покрое и орнаментации которого отразились этнические, половозрастные и социальные особенности структуры древних коллективов. Изучение одежды по археологическим материалам сопряжено, однако, с большими трудностями. Дело в том, что в древних захоронениях, являющихся основным источником при реконструкции одежды, как правило, сохраняются лишь металлические детали костюма (фибулы, пряжки, булавки и т. д.), а сами ткани встречаются чрезвычайно редко, причем обычно в фрагментарном виде. Для конца I — начала II тысячелетия исключение составляют могильники, исследованные на территории Прибалтийских республик, Скандинавии и Финляндии, где благодаря окислам от значительного количества бронзовых украшений, находившихся на погребенных, сохранились большие куски тканей, позволяющие в деталях проследить покрой древней одежды¹.

Большинство сделанных реконструкций основано на материалах женских захоронений, в то время как облик мужского костюма восстанавливается в редких случаях. Именно поэтому большой интерес представляют материалы могильника у д. Залахтове, расположенного на восточном берегу Чудского озера. Это наиболее крупный погребальный памятник второй половины I — начала II тысячелетия из известных на западной окраине Новгородской земли. Могильник насчитывал более 200 курганов и грунтовые погребения.

Материальная культура, представленная в захоронениях X—XII вв., сближает Залахтове с памятниками прибалтийских финнов². Как и в прибалтийских древностях, здесь была широко распространена традиция расшивания тканей мелкими бронзовыми пронизками, что способствовало сохранению самих тканей.

Фрагменты тканей были встречены еще при дореволюционных раскопках Залахтове, проведенных в начале XX в. К. Д. Трофимовым, А. А. Спицыным и К. В. Кудряшовым³. Частично они рассмотрены в работе М. Н. Левинсон-Нечаевой⁴. К сожалению, на основании описаний невозможно установить, к каким частям одежды относились фрагменты тканей, найденные в погребениях. В последние годы при наших исследованиях могильника был получен значительный материал, позволяющий подробно рассмотреть характер мужской одежды населения Залахтове.

Наибольший интерес представляет погребение 186. По найденным в нем дротовым и узкомассивным браслетам, перстням с волютами, лировидной пряжке, массивной подковообразной фибуле с воронкообразны-

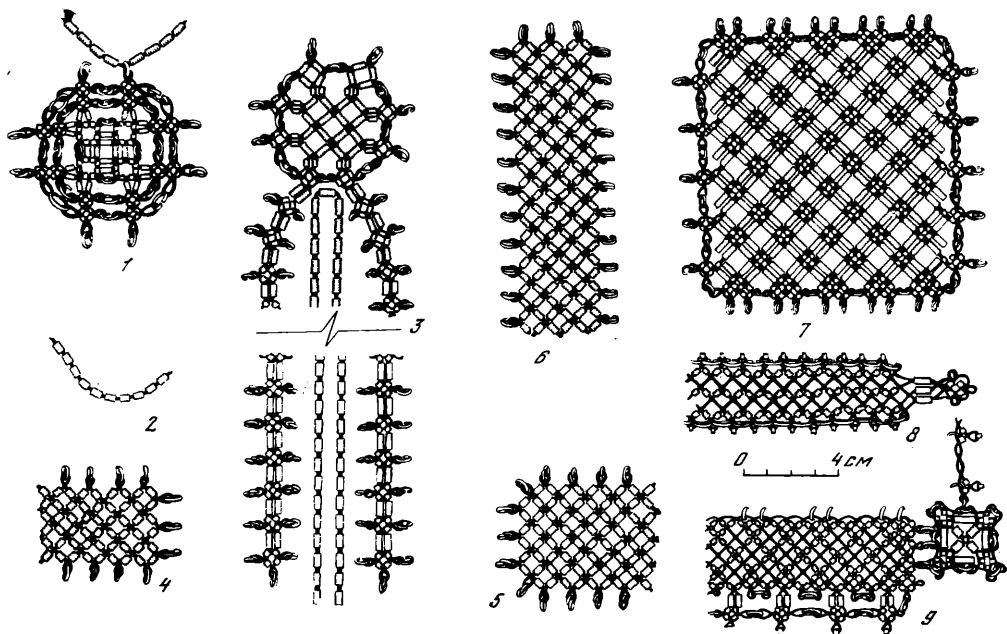

Рис. 1. Типы орнаментов на тканях из мужского погребения 186 могильника Залаховья

1—7 — украшения на верхней рубаше (см. рис. 2); 8, 9 — украшения на онучах

ми головками и наконечнику копья захоронение может быть датировано XI в.⁵

При разборке погребения было выявлено два слоя толстых шерстяных тканей, причем нижняя ткань была орнаментирована большим количеством мелких бронзовых спиралек. Именно окислы от этих украшений законсервировали и ткань, на которую они были нашиты, и ткань, которой они были покрыты. Нижний слой шерстяных тканей с украшениями относился к верхней парадной рубаше, а верхний — к накидке. Обе ткани саржевого плетения, сотканы в четыре ремизки с мешкообразной кромкой. В 1 кв. см ткани — шесть нитей основы и пять нитей утка, т. е. нити основы несколько тоньше нитей утка, что обычно для тканей такого рода. Нити основы и нити утка имеют разные направления крутки: нити основы скручены влево (S), а нитка утка — вправо (Z)⁶.

Судя по отдельным сохранившимся деталям, рубаша имела туникообразный покрой. Она была сшита из цельного полотнища, перегнутого по утку пополам, ворот и пазуха вырезаны на сгибе, рукава сшиты из отдельных полотнищ. Ширина рубахи равна ширине полотнища — 75 см, длина — около 85 см, нижний край рубахи находился на 20 см выше колен погребенного. Боковые швы не были зашиты до конца, а поэтому рубаша имела два выреза внизу, по 23 см длиной. Низ рубахи заканчивался каймой, выполненной в технике плетения на дощечках. Утком для каймы служили нити основы ткани, разделенные на связки по восемь нитей и сплетенные в косички, которые спускались ниже каймы, образуя бахрому длиной 11 см, а концы их были распущены. Нити основы каймы по краям также были связаны в кисти по 8 см длиной.

Рубаша была богато орнаментирована целым комплексом украшений из бронзовых спиралек. Основа этих украшений сплетена из толстого шнура, на который в строго определенном порядке были нанизаны мелкие бронзовые спиральки. По краям украшений при повороте шнура оставлены небольшие петельки, за которые с помощью маленьких колечек украшения прикреплялись к тканям.

Сплошной полосой в виде ряда ромбов был украшен низ рубахи вдоль каймы, причем полоса на заднем полотнище была несколько шире,

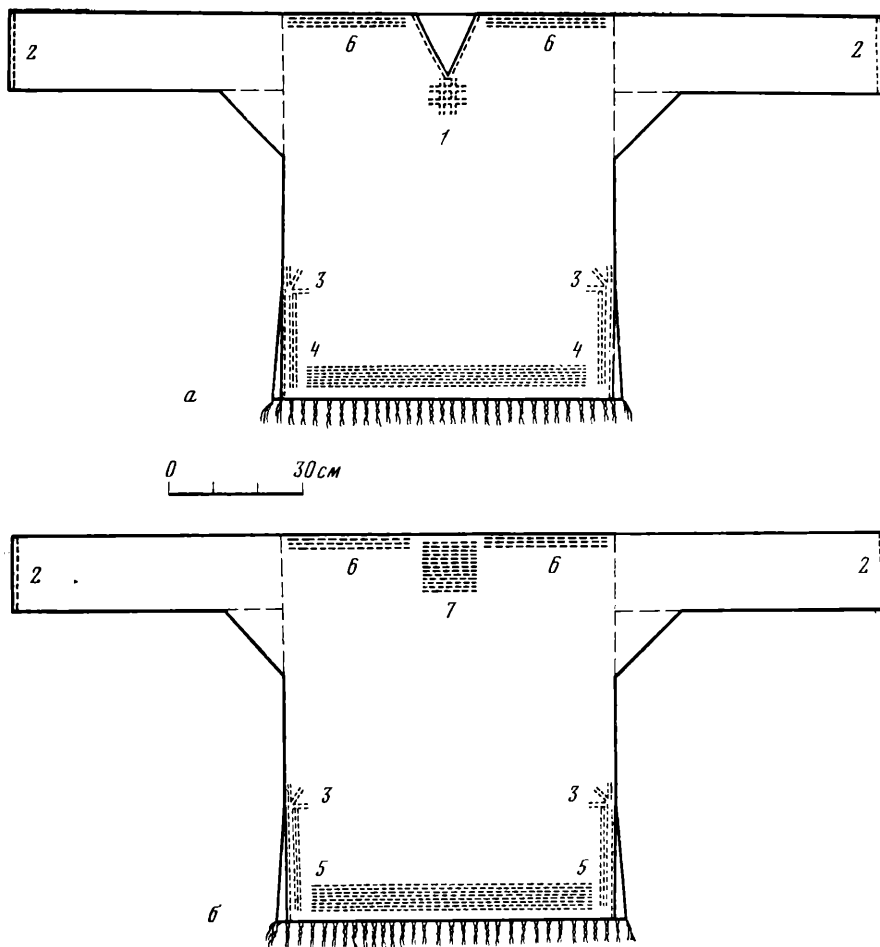

Рис. 2. Схема расположения орнаментов на рубахе (цифры соответствуют цифрам на рис. 1)

а — вид спереди; б — вид со спины

чем на переднем, вследствие увеличения числа рядов ромбов (рис. 1, 4, 5). Аналогичные по характеру орнаментации полосы длиной 28 см украшали плечи рубахи (рис. 1, 6). На спине сразу под воротом располагалось квадратное украшение, представлявшее собой также правильную, но более редкую, за счет использования бóльших по размеру спиралек, сетку ромбов (рис. 1, 7). Под пазухой рубахи на груди было прикреплено крестообразное украшение из спиралек (рис. 1, 1), а над боковыми разрезами — округлые по общей конфигурации украшения с двумя ответвлениями вниз вдоль разрезов (рис. 1, 3). Сами вырезы, а также края рукавов и ворот с пазухой были обшиты крупными спиральками (рис. 1; 2). Левый рукав рубахи был сверху стянут бронзовым браслетом. Рубаху носили с поясом, от которого сохранились только металлические детали — лировидная пряжка и два разделительных кольца. К поясу на цепочке был подвешен нож в кожаных ножнах.

Поверх рубахи на погребенном находилась накидка. Она сохранилась фрагментарно, однако, судя по расположению кусков тканей, а также по месту находки массивной подковообразной фибулы, скреплявшей накидку на правом боку около таза (зафиксированы сколотые фибулой края накидки), можно предполагать, что она покрывала только левое плечо погребенного, а затем по диагонали спускалась вниз и застегивалась на боку под правой рукой, которая оставалась неприкрытой.

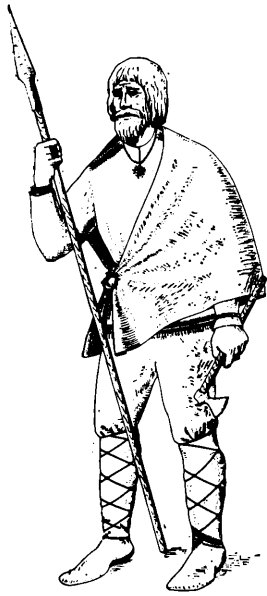

Рис. 3. Реконструкция мужского костюма XI в. по материалам погребения 186

В ногах у погребенного были встречены кусочки тканей от обмоток ног (онучей). В отличие от накидки и рубахи, онучи изготовлены из более тонкой шерстяной ткани саржевого плетения не с диагональным, а с зигзагообразным рубчиком (так называемая ломаная саржа). В 1 кв. см ткани насчитывается 14 нитей основы и 10 — утка. Нити основы скручены влево (S), а нити утка — вправо (Z). Ширина онучей 14 см, длину их установить невозможно. Поперечные края обмоток орнаментированы геометрическими узорами из спиралек, а к продольным краям с помощью колечек был прикреплен толстый двойной шнурок, загнутый через равные интервалы в петельки с напизанными на них спиральными пронизками (рис. 1, 8, 9). На ноге онучи закреплялись тесьмой шириной 0,8 см, сотканной на дощечках.

Таким образом, на основании материалов погребения 186 документально восстанавливаются покрой верхней шерстяной рубахи, характер наплечной накидки и онучей (рис. 3). К сожалению, нет никаких данных о покрое тонкой нательной рубахи, которая, без-

условно, находилась под толстой шерстяной рубахой, а также ничего нельзя сказать о покрое штанов и характере головного убора, если он был.

Изготовленные на ткацком станке ткани саржевого плетения, как и техника плетения на дощечках при изготовлении поясов, тесемок и каемок, имеют самые широкие аналогии в Европе⁷. Высказывалось мнение, что финно-угорскими по происхождению являются ткани типа «ломаная саржа»⁸, однако, на наш взгляд, этот вывод недостаточно обоснован. Укажем, что ткани саржевого плетения с зигзагообразным рубчиком (в виде елочки или ромбов) были распространены далеко за пределами финно-угорского мира (например, в Дании)⁹.

Сравнительный материал для сопоставления одежды из погребения 186 крайне ограничен, но все же определенные параллели рубахе, онучам и накидке имеются в памятниках конца I — начала II тысячелетия прибалтийско-финского и балтского населения. Так, короткие глухие кафтаны реконструируются А. Э. Зариней по материалам ливских и латгальских могильников. Отличие состоит лишь в том, что они по сравнению с рубахой из Залахтовья вместо вырезов по бокам имели вставные косые клинья¹⁰. В редких случаях мужские ливские и латгальские кафтаны расшивались бронзой. На острове Сааремаа в погребении мальчика в могильнике Карья также была обнаружена глухая суконная одежда, доходившая до колен и расшитая по подолу спиральками¹¹.

Онучи и накидки были характерными элементами одежды всех прибалтийских народов. Онучи, расшитые бронзой, известны у латгалов и ливов¹².

Как мы уже отмечали, в Залахтовье накидка покрывала только одно плечо погребенного. Аналогичный способ ношения накидки реконструируется у древних викингов. Исследователи полагают, что накидка, перекинутая через одно плечо и сколотая на боку фибулой, была наиболее удобна при верховой езде. В иных ситуациях ее можно было носить и по-другому¹³. В целом у большинства финно-угорских и балтских племен (эстов, ливов, финнов, карел, латгалов, земгалов, литовцев) по археологическим данным обычно реконструируется традиционный способ ношения накидки, когда покрывались оба плеча. Однако, например, в одном из мужских погребений могильника Леясдопелес две массивные фибулы располагались, как и в залахтовском погребении, ниже

пояса. При реконструкции одежды А. Э. Зариня помещает их на груди, относя одну к вороту кафтана, а другую — к накидке¹⁴, хотя, возможно, здесь была представлена накидка, подобная залахтовской. В этнографических материалах на территории Латвии, в частности в юго-западных районах Курземе, встречаются накидки (правда, женские), закрепленные фибулой на одном плече таким образом, что вторая рука оставалась непокрытой¹⁵ — способ ношения, близкий зафиксированному в Залахтовье. По мнению М. Славы, курземский костюм принадлежит к числу наиболее архаичных этнографических костюмов на территории Латвии¹⁶.

Итак, мужской костюм населения Залахтовья по общему облику восходит к балто-финскому типу одежды. Характер орнаментации костюма позволяет сузить круг аналогий. В конце I — начале II тысячелетия мелкими бронзовыми деталями орнаментировали свою одежду многие народы финно-угорского и балтского происхождения, однако по характеру орнаментации, технике исполнения и композиции узоров залахтовские украшения на тканях ближе всего к эстским. У эстов традиция орнаментировать одежду бронзой была особенно широко распространена в XI—XII вв., и так же, как у населения Залахтовья, узор набирался из маленьких спиралек на шнурок, который затем прикреплялся к тканям с помощью колечек. Между залахтовскими и эстонскими тканями имеются почти полные аналогии в общей композиции узоров. Так, узор на онучах из залахтовского мужского погребения 96 практически идентичен узору, украшавшему подол уже упомянутой нами глухой одежды из могильника Карья¹⁷. Несмотря на значительный территориальный и хронологический разрыв, различия между ними сводятся лишь к тому, что в карьяских украшениях при повороте шнурка нанизаны дополнительные спиральки. В аналогичной технике сделаны декоративные полосы и на одежде ливов, однако, по данным А. Э. Зарини, подобная техника орнаментации появляется у ливов несколько позже, чем у эстов и населения Залахтовья¹⁸.

Итак, одежда из мужского погребения 186 близка костюму населения Прибалтики, а орнаментация на ней характерна для древних эстов, что подтверждается общим обликом материальной культуры Залахтовья, которая находит ближайшие аналогии именно среди древностей эстов.

Погребение 186, безусловно, самое яркое среди раскопанных мужских захоронений Залахтовья. В других погребениях неоднократно бронзой украшались лишь обмотки ног. Сама же одежда не орнаментировалась. Здесь сохранились лишь металлические части костюма: пряжки, разделительные кольца, целые поясные наборы, состоящие из пряжек, колец, бляшек и наконечников, а также подковообразные фибулы. Собственно тканей не обнаружено. Укажем только на находку в кургане 165 кусков кожи от штанов.

В мужских погребениях Залахтовского могильника по характеру расположения и размерам выделяется два типа фибул. Во-первых, это фибулы диаметром 8–9 см и весом до 100 г, располагавшиеся всегда ниже пояса погребенного, чаще на боку. Они, видимо, скрепляли накидки, перекинутые через одно плечо. Во-вторых, это фибулы диаметром около 4 см и весом около 8 г, находившиеся на груди у погребенных и не сочетавшиеся в одних захоронениях с массивными фибулами. Лишь в одном случае (курган 187) на погребенном мужчине найдены две фибулы: большая — на правом боку, меньшая — у головы.

Погребение 186 — единственное захоронение в Залахтовье, в котором мужчина был одет в столь роскошную одежду. Достаточно сказать, что для ее орнаментации потребовалось использовать около 4 тыс. мелких бронзовых спиралек и колечек, искрившихся золотистым блеском.

В других прибалтийских могильниках мужская одежда, украшенная бронзой, встречается чрезвычайно редко. Такая одежда, даже с гораздо меньшим количеством украшений, чем в Залахтовье, обычно рассматривается исследователями как социальный признак. Эта мысль представ-

ляется в целом справедливой. Она подтверждается и составом погребального инвентаря данного залахтовского захоронения. В него входят украшения (пять браслетов, четыре перстня, фибула), оружие (наконечник копья и топор), орудия труда (скобель, ложкарь, тесло), гончарный сосуд и берестяной короб. Это достаточно стабильный для залахтовских мужских захоронений инвентарь, наличие которого было обусловлено определенными требованиями к погребальному ритуалу. Однако, в отличие от других погребений мужчин, где обычно встречаются так называемые универсальные топоры, в данном захоронении найден маленький боевой топорик. Вряд ли это случайно. Кроме того, погребенный был положен на специальную меховую подстилку (из овчины), что также выделяло его среди прочих умерших.

Можно полагать, что в кургане 186 был похоронен представитель социальной верхушки коллектива, обитавшего на рубеже I—II тысячелетий на берегу Чудского озера.

- ¹ Zariņa A. Seno latgaļu apgērbs 7.—13. gs. Rīgā, 1970; Зарина А. Э. Некоторые общие с ливами элементы украшения одежды латгалов и селов XII—XIII вв.— В кн.: Из древнейшей истории балтских народов по данным археологии и антропологии. Рига, 1980, с. 125—131; Моора Х. А. Из истории развития эстонской народной одежды.— В кн.: Эстонская народная одежда. Таллин, 1960, с. 15—19; Laul S. Tagapõll muinaseesti naise rõivastuses.— In: Eesti ajaloo probleeme. Tallinn, 1981, lk. 76—88; Lehtsalo-Hilander P.-L. Common Characteristic Features of Dress-Expressions of Kinship of Cultural Contacts.— In: Fenno-ugri et slavi 1978. Helsinki, 1980, p. 243—260; Geijer A. Birka III. Die Textilfunde aus den Gräbern. Uppsala, 1938; Qinters V. Tracht und Schmuck in Birka und im ostbaltischen Raum. Eine vergleichende Studie. Stockholm, 1981.
- ² Хвощинская Н. В. Западные районы Новгородской земли в начале II тысячелетия н. э. (по материалам погребальных памятников). Автореф. канд. дис. Л., 1978, с. 16—19.
- ³ Трофимов К. Д. Раскопки курганов при д. Залахтове-Кувшиново С.-Петербургской губернии Гдовского уезда. М., 1909; О раскопках Московского археологического института в Гдовском и Лужском уездах С.-Петербургской губернии. Архив ЛОИА, ф. 1, 1909, д. 31, л. 50, 51; Кудряшов К. В. Отчет о раскопках 1911 г. в Гдовском уезде С.-Петербургской губернии.— ЗОРСА, 1913, IX, с. 255—263; О раскопках члена комиссии А. А. Спицына в 1911 г. Архив ЛОИА, ф. 1, 1911, д. 89, л. 197—200; Производство археологических раскопок. Петербургская губерния.— ОАК за 1911 г., с. 67, 68.
- ⁴ Левинсон-Нечаева М. Н. Ткачество.— В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ, 1959, 33, с. 16.
- ⁵ Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ, 1967, 43, с. 162, 163, 242, 243; Нукшинский могильник. Рига, 1957, с. 26, табл. V, 3; Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, т. 2.— САИ, 1966, вып. E1-36, с. 12—14; Selirand J. Eestlaste matmis-kombed varafeodaalsete suhete tärkamise perioodil (11.— 13. sajand). Tallinn, 1974, lk. 344, 345, 352, 353, tahv. XXXIX, 7; XL, 4.
- ⁶ Автор статьи приносит свою глубокую благодарность А. Э. Зарине за любезную консультацию при изучении тканей Залахтовыя.
- ⁷ Назлик А. Ткани Новгорода.— МИА, 1963, 123, с. 254—258; Geijer A. Birka III..., S. 22—39; 74—98; Zariņa A. Seno latgaļu apgērbs..., 22—44 lpp.; Hald M. Ancient Danish Textiles from Bogs and Burials. Copenhagen, 1980, p. 148—154, 225—237.
- ⁸ Ефимова Л. В. Ткани из финно-угорских могильников I тысячелетия н. э.— КСИА, 1966, 107, с. 130—132.
- ⁹ Hald M. Ancient Danish Textiles..., fig. 79, 87, 141.
- ¹⁰ Zariņa A. Seno latgaļu apgērbs..., 153—155 lpp.
- ¹¹ Моора Х. А. Из истории развития..., с. 18.
- ¹² Нукшинский могильник, с. 38; Зарина А. Э. Некоторые общие с ливами элементы..., с. 126.
- ¹³ The Viking. Gothenburg; Sweden, 1966, p. 204, 205.
- ¹⁴ Latvijas PSR arheologija. Rīgā, 1974, 67, 3 att.
- ¹⁵ Slava M. Latviešu tautas tērpi. Rīgā, 1966, 41, 1 att.; 38, 3 tab.
- ¹⁶ Ibid., 157 lpp.
- ¹⁷ Kustin A. Kalmistu XIII—XIV sajandist Karjas, Saaremaal.— Изв. АН ЭССР, Общест. науки, 1958, 1, табл. VI.
- ¹⁸ Зарина А. Э. Некоторые общие с ливами элементы..., с. 127.

ГОРОДИЩА ВОДСКОЙ ЗЕМЛИ

Вплоть до настоящего времени основным и почти единственным видом археологических источников, документирующих средневековую историю северо-западной окраины Новгородской земли, остаются многочисленные курганно-жальничные могильники, сконцентрированные на Ижорской возвышенности. Единственным исключением для XI—XIV вв. является лишь Копорская крепость, где в 1970—1973 гг. О. В. Овсянниковым были обнаружены и изучены остатки культурных отложений древнерусского времени¹.

В ходе разведочных работ Ижорской экспедиции ЛОИА АН СССР в западных районах Ленинградской обл. проведены обследование и съемка планов городищ у д. Воронино на р. Воронка (Ломоносовский р-н) и между деревнями Сосницы и Черное на р. Лемовжа (Волосовский р-н). Кроме того, на городище близ д. Кайболово (Кингисеппский р-н) предприняты рекогносцировочные раскопки, принесшие интересную информацию о типе построек и быте средневекового населения Водской земли (рис. 1)².

Городище на р. Лемовжа (местное название «Городок») было впервые осмотрено в 1896 г. Н. К. Рерихом³. Памятник расположен на левом берегу Лемовжи, примерно посредине расстояния между деревнями Сосницы и Черное. Городище занимает возвышенность, с запада примыкающую к крутому берегу Лемовжи (высота над уровнем реки 8—10 м), а с северо-востока ограниченную глубоким (до 8—10 м) оврагом, по дну которого протекает ручей. С напольной стороны прослеживаются остатки вала и рва (рис. 2, 1).

По сведениям местных жителей, площадка городища была ранее занята постройками, а сама территория памятника распахивалась. Многолетняя распашка привела к деформации и частично уничтожению земляных укреплений. Вал, имевший в плане дугообразную форму, сохранился на протяжении 60 м, ров — 100 м. Высота вала со стороны площадки городища составляет в настоящее время 0,3—0,5 м, ширина его основания 5—6 м; ширина рва 6 м, его глубина 0,8—1 м. Обследование разрушенных участков вала показало, что он был сооружен из супесчаного грунта без использования камня. Протяженность городища, имеющего в плане треугольную форму, составляет 140 м, его ширина в привальной части около 115 м, исчисляемая площадь памятника 0,65 га.

Стратиграфия памятника, судя по серии шурфов, заложенных на городище, такова: дерн мощностью до 0,08 см; серый гумусированный слой с включениями угля толщиной 0,1—0,12 м; материковая желтая супесь. Никаких находок в слое не встречено.

Городище у д. Воронино расположено на северной окраине Ижорского плато, в верхнем течении р. Воронка, впадающей в Финский залив. В 1927 г. оно было осмотрено Б. А. Коишевым и Г. Ф. Дебецом, оставившими первое описание этого памятника⁴.

Высокий и крутой левый берег Воронки в окрестностях деревни состоит из ряда возвышенностей, разделенных глубокими оврагами и известными у местного населения под названием «городков». Один из таких «городков» и был превращен в земляную крепость (рис. 2, 2). Городище занимает прибрежный участок в излучине реки, ограниченный с запада оврагом. Берег на этом участке крутой и обрывистый, достигает при ширине склона 2—3 м высоты 10—15 м. Глубина оврага, также имеющего крутые склоны, составляет 15 м. С южной стороны площадка городища защищена дугообразным в плане валом шириной 7,5—10 м и высотой до 1,8 м. Его продолжение прослеживается и вдоль края оврага, причем эта часть укреплений характеризуется значительно меньшими размерами, не превышая по высоте 0,8 м. Протяженность вала состав-

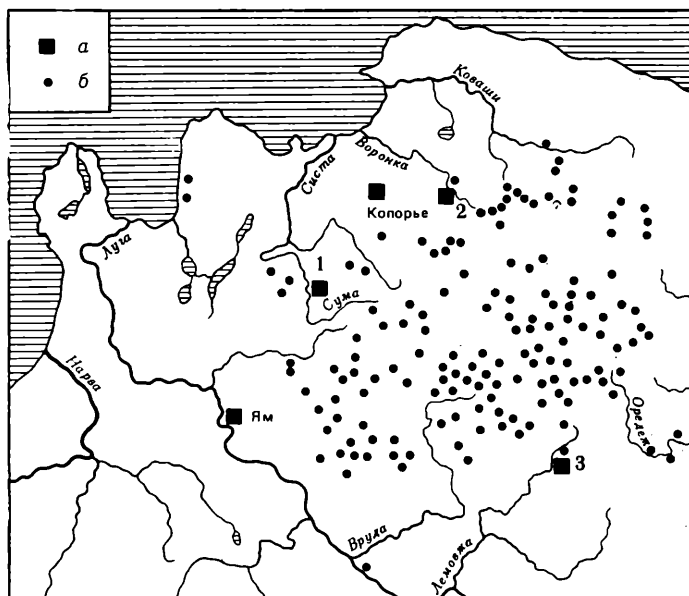
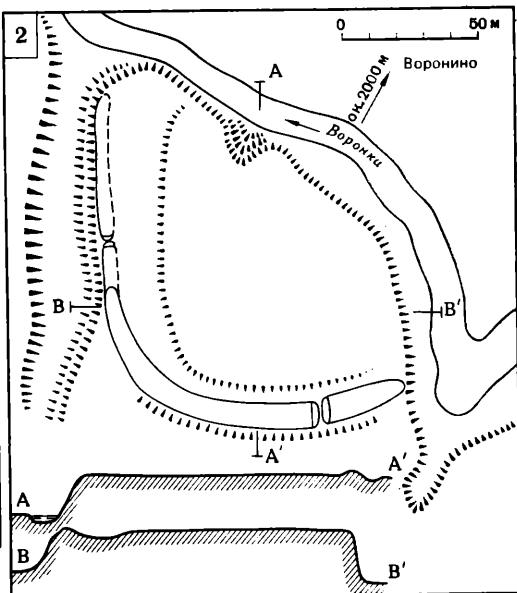
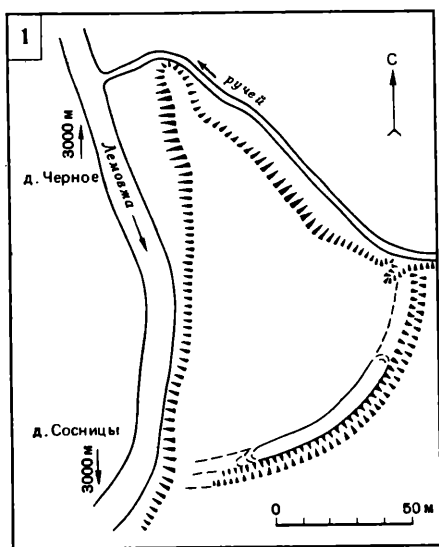

Рис. 1. Водская земля в XI—XV вв.

- 1 — Кайболовское городище на р. Сума;
 2 — Воронинское городище на р. Воронка;
 3 — «Городок» на р. Лемовжа;
 а — городища и каменные крепости;
 б — курганно-жальничные могильники

Рис. 2. Планы и разрезь городищ

- 1 — «Городок» на р. Лемовжа;
 2 — городище близ д. Воронино

ляет около 150 м. В его южной части сохранился проезд шириной 6 м. С напольной стороны перед валом заметны следы заплывшего рва. Наибольшие размеры городища 110×100 м, его площадь 0,88 га.

Обследование обрушившейся части вала в районе въезда и разрушенных участков земляных укреплений показало, что поверхность сооруженного из суглинка вала покрыта сплошной вымосткой из довольно крупных обломков плитнякового камня размерами $0,2 \times 0,5$ м. Плиты уложены наклонно по наружному и внутреннему скатам вала от его вершины до основания, частично налегая одна на другую и образуя внешний каменный панцирь оборонительных сооружений.

Площадка городища в целом ровная. Заметное понижение уровня наблюдается лишь в привальной части, откуда, возможно, брали землю для укреплений. Территория памятника в настоящее время густо заросла смешанным лесом, вследствие чего изучение его стратиграфии было ограничено зачисткой западин и закладкой серии мелких шурфов между

корнями деревьев в южной, наименее залесенной части городища. Зондаж южной половины памятника показал отсутствие ясных следов культурного слоя на ряде участков: под дерновым покровом сразу же начинается материковый суглинок. В некоторых зачистках ниже дерна прослежен слой серого гумуса мощностью до 0,25—0,3 м, пронизанного корнями деревьев. В нем и на залегающем ниже материке отмечены включения мелких угольков. Гумусированный слой не имеет определенной локализации на площади памятника, встречаясь, судя по данным зондажа, отдельными «пятнами». С этого уровня происходит единственный фрагмент стенки древнерусского гончарного сосуда, украшенного линейным орнаментом.

Еще одно городище Водской земли расположено на правом берегу р. Сума близ д. Кайболово. Этот памятник неоднократно обследовался и хорошо известен в археологической литературе⁵. Городище занимает мыс, образованный петлей Сумы (рис. 3, А). Со стороны реки оно ограничено крутыми склонами высотой около 10 м, с напольной стороны защищено дугообразным в плане валом длиной 180 м и высотой 2—3 м. Перед валом заметны следы заплывшего рва, в юго-восточной части имеется въезд. Размеры площадки городища составляют около 150×120 м, площадь памятника 1,4 га.

По плановой структуре Кайболовское городище близко напоминает Воронинское. О сходстве обоих памятников свидетельствует и единая конструктивная особенность земляных укреплений — покрытие поверхности вала (как с внутренней, так и с напольной стороны) сплошной вымосткой из крупных обломков плиты. Каменная облицовка хорошо прослеживается в обнажении вала в районе въезда на площадку городища, выявляется и на других участках укреплений, поврежденных перекопами и шурфами.

Вопрос о времени появления и функционирования земляных городков на северо-западной окраине Новгородской земли имеет важное историко-культурное значение, однако его решение затруднялось отсутствием датирующего материала. Памятник на Лемовже вообще не дал находок, единичный обломок керамики с Воронинского городища может указывать лишь на его существование в древнерусскую эпоху. Кайболовское городище по немногочисленным фрагментам глиняной посуды из сборов было датировано П. А. Раппопортом в широком хронологическом диапазоне XI—XIII вв. Разведочные работы на городище, проведенные в 1963 г. Э. Ю. Тыниссоном⁶, а в начале 1970-х годов О. В. Овсянниковым и автором настоящей статьи, также не принесли новых материалов. Слабовыраженный культурный слой и почти полное отсутствие в нем остатков человеческой деятельности давали основание видеть в укреплении на Суме городище-убежище, лишенное постоянного населения. Поэтому особый интерес приобретают данные, полученные в ходе рекогносцировочных раскопок Кайболовского городища, осуществленных в 1980 г. Ижорской экспедицией.

Первоначально в центре городищенской площади, в 35 м к западу от подшвы вала и в 90 м к востоку от склона к реке, была заложена разведочная траншея длиной 19 м и шириной 1 м, ориентированная по оси север—юг. В дальнейшем, при выявлении остатков построек, раскоп был расширен до 70 кв. м (рис. 3, Б).

Памятник подвергался многолетней распашке, частично затронувшей и материковую поверхность. Ниже дерна толщиной 0,10—0,12 м лежит слой серого гумусированного суглинка мощностью 0,16—0,36 м; его подстилает плотный материковый суглинок темно-желтого цвета. Наблюдается постепенное понижение уровня материка и, соответственно, увеличение с niveлированного распашкой гумусированного слоя к северному краю раскопа.

В сером мешаном суглинке встречены немногочисленные фрагменты измельченной гончарной посуды. Среди них выделяются как поздние керамические формы, так и обломки сосудов древнерусского времени.

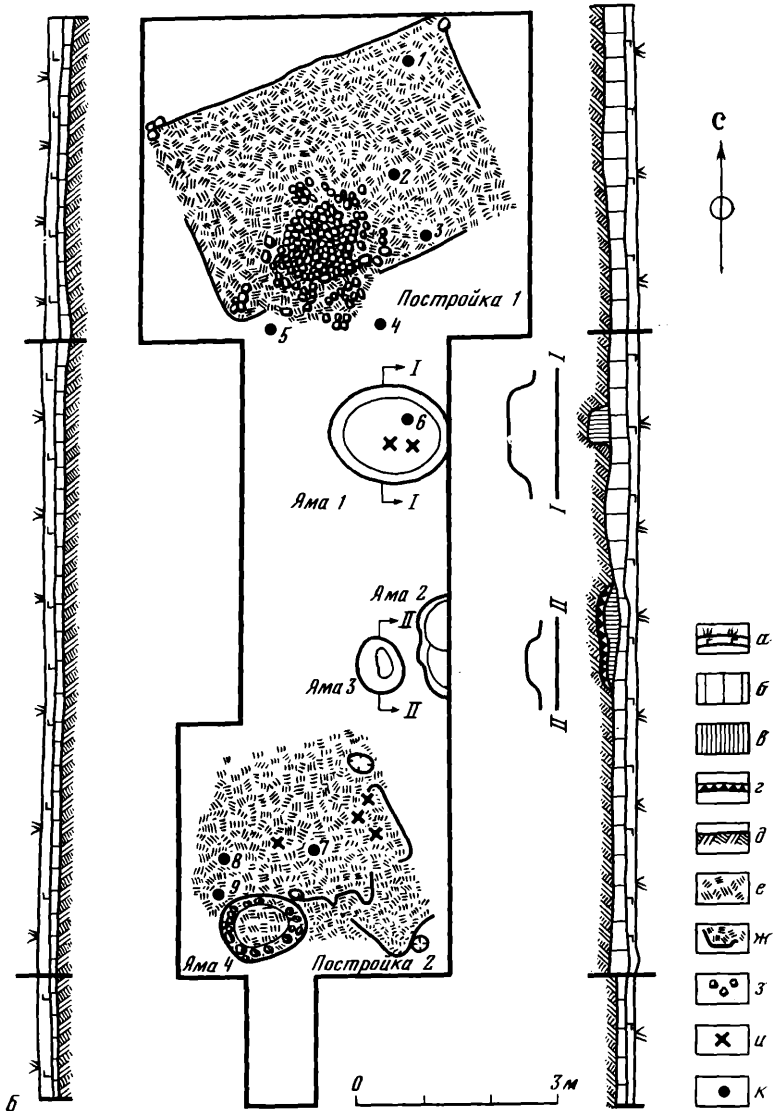
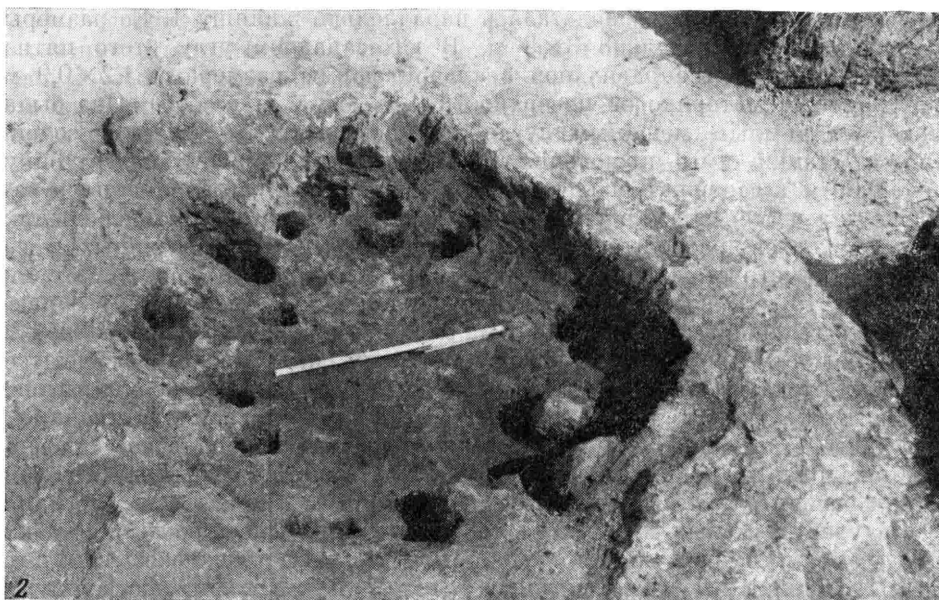
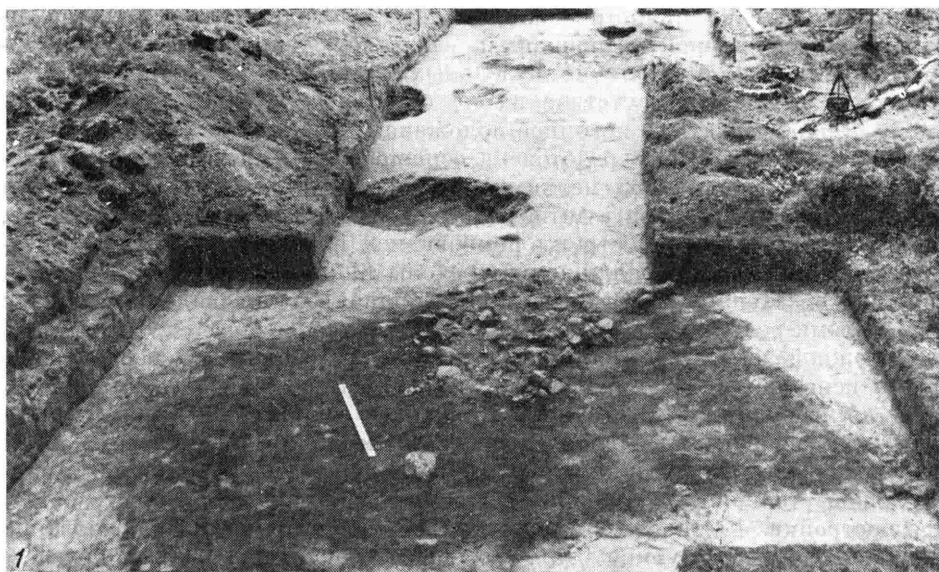

Рис. 3. Городище близ д. Кайболово

Рис. 4. Кайболовское городище

1 — вид с юга (на переднем плане основание постройки 1); 2 — яма 4 в постройке 2

При выходе на материковую поверхность и ее зачистке выявлены темные пятна, локализованные в северной и южной частях раскопа. В северной части прослежено пятно правильной прямоугольной формы, ориентированное по длинной оси с юго-запада на северо-восток (рис. 4, 1). Оно представляло собой тонкий слой утрамбованного чернозема с включениями угля — основание наземной, по-видимому жилой, срубной постройки (постройка 1). Наиболее четкие контуры сруба устанавливаются на тех участках, где темный гумус оказался углубленным, «вбитым» на 2–5 см в материк. Граница таких углублений, прослеженная при выборке чернозема, полностью совпала с контурами самого пятна. Его длина 4,6 м, ширина — 3,2 м, площадь жилища около 15 кв. м.

В южной части основания постройки, ближе к его западному краю, расчищено скопление обожженных камней, покрытых углистым налетом. Среди них встречено значительное количество угля и мелкие обломки

прокаленной до кирпичного обжига глины. Очевидно, это остатки печи-каменки, разрушенной распашкой и, вероятно, сдвинутой со своего первоначального места. Наличие отдельных камней в юго-западном углу постройки и полное отсутствие их на остальных участках жилища позволяют локализовать ее истинное положение.

В пятне постройки сосредоточена основная часть керамического материала, представленная 93 мелкими обломками древнерусской гончарной посуды. Здесь же найдены витой из трех бронзовых проволок перстень, черешковый наконечник стрелы ромбовидной формы и фрагмент железного стержня. Рядом с жилищем встречены широкосрединный бронзовый перстень с заходящими концами и серебряная бочонковидная бусина с напаянными рельефными «глазками».

В южной части раскопа на расстоянии 6,5–6,7 м от постройки 1 обнаружено еще одно темное пятно, выделявшееся на фоне материкового суглинка (постройка 2). Однако оно было значительно менее четким и имело расплывчатые, неопределенные очертания. Материк на этом участке начался на глубине 0,25 м от поверхности и, несомненно, в значительной степени был затронут распашкой. Лучшая сохранность остатков постройки 1 становится понятной, если учесть, что ее основание зафиксировано на глубине 0,40–0,45 м от уровня дернового покрова.

Судя по наиболее четко выраженной восточной границе земляного пола постройки 2, она располагалась параллельно жилищу 1. Ее размеры составляли приблизительно 3×3 м. В юго-западном углу этого пятна выявлена яма (4) неправильной овальной формы размерами 1,2×0,9 м и глубиной от материковой поверхности 0,25–0,3 м (рис. 4, 2). Она была заполнена темным мешаным суглинком, насыщенным углем и золой. Дно и стенки ямы прокалены до кирпичного обжига на глубину 0,06–0,09 м и содержат включения угля. При выборке заполнения и зачистке дна и стенок этого углубления зафиксирована система небольших ямок от кольев, расположенных по периметру ямы и врезанных в ее стенки. Диаметр столбовых ямок 0,06–0,12 м, углублены они в материк на 0,06–0,15 м, в восточной половине наклонны к центру ямы, в западной части выкопаны вертикально. Яма несомненно связана с постройкой 2.

С уровня темного пятна и из заполнения ямы происходят четыре крупных куски шлака. Еще два куски шлака найдено несколько выше, в слое серого гумуса. Кроме того, при зачистке основания постройки 2 встречены 14 мелких обломков глиняной посуды, биконическое шиферное пряслице, половинка серебряной литой бусины с рельефным узором и два фрагмента железных изделий.

На участке между наземными сооружениями зафиксированы остатки еще трех ям, причем дно и стенки двух из них прокалены, как и в яме 4. Крупная яма 1, расположенная в 2 м к югу от постройки 1, характеризуется округлыми очертаниями, имеет размеры 1,5×1,7 м и углублена в материк на 0,3 м. Она была заполнена мешаным суглинком интенсивной темной окраски с большим содержанием угля. Дно и стенки ямы прокалены до кирпичного обжига. В заполнении встречены 40 обломков керамики, зонная ярко-зеленая бусина прозрачного стекла и два куски шлака.

В 2,4 м к югу от ямы 1 прослежено основание небольшой ямы 2 диаметром 0,65–0,80 м, углубленной в материк на 0,2 м. В 0,2 м к востоку от нее зафиксирована часть ямы 3, оказавшейся в основном за пределами исследованного участка. Дно углубления ступенчатое, его длина, устанавливаемая в профиле стенки раскопа, 1,6 м. Яма заполнена темным мешаным суглинком, насыщенным крупным углем, золой и кусками красной обожженной глины. Дно покрыто прокаленным на глубину 0,06–0,09 м слоем глины с включениями угля. Тонкие углистые прослойки прослеживались ниже и выше прокаленного слоя. В заполнении встречено пять обломков древнерусской гончарной посуды.

Раскопками 1980 г. был охвачен лишь небольшой участок памятника, однако полученные результаты весьма интересны. Можно считать

доказанным, что площадка городища, во всяком случае ее исследованная часть, была избрана местом постоянного обитания. Здесь располагались жилые постройки — судя по открытому помещению, наземные, срубные, со сложенной из камней печью в углу жилища и уграмбованным земляным или дощатым полом⁷. По соседству с ними находились хозяйственные и производственные сооружения. Примечательны находки железных шлаков в пятне постройки 2, в заполнении связанной с ней ямы 4 и в яме 2. Такие находки при учете сильной прокаленности стенок ям 2, 3 и 4, насыщенности их заполнения углем и золой, очевидно, могут указывать на производственное назначение строительных остатков, тяготеющих к жилому срубам. По данным писцовых книг рубежа XV—XVI вв., известно, что северо-западные погосты Водской земли были основным районом железоделательной промышленности. Здесь добывали руду, плавили ее в домницах, обрабатывали металл в многочисленных кузницах. В частности, в бассейне р. Систа, притоком которой является р. Сума, упоминаются четыре деревни Копаницы, само название которых указывает на железоделательный промысел их обитателей. Хотя все эти сведения и относятся лишь к концу XV в., однако, по заключению В. Н. Бернадского, основа для развития железообработки в московский период «была заложена уже в новгородские времена»⁸. Кайболовские материалы служат археологическим подтверждением этого вывода.

Исследованный участок городища был заселен относительно недолго, в течение одного строительного периода. К сожалению, встреченный здесь керамический материал не может служить полноценным источником для определения хронологии памятника. Уже отмечалась крайняя измелеченность глиняной посуды, раздробленной многочисленной распушкой. Из 26 фрагментов венчиков, происходящих из «пятен» наземных построек и заполнения ям, не сохранилось ни одного профиля с переходом от горла к плечу; резко отогнутые наружу прямые венчики без закраин все без исключения имеют слом на месте изгиба. Тесто содержит примесь мелкого кварца, стенки горшков часто украшены многорядным волнистым, реже — линейным орнаментом.

Ромбовидный наконечник стрелы из постройки 1 (рис. 5, 1) относится к так называемому новгородскому типу, особенно характерному «для Новгорода и всей Новгородской земли до Прикамья включительно» и бытовавшему в X—XVI вв.⁹ Аналогичные находки встречены в слоях XI—XIII вв. Изборска¹⁰. Шиферные пряслица (рис. 5, 6), известные в Новгороде с X в., к началу XIII в. становятся немногочисленными, а к концу этого столетия полностью выходят из употребления¹¹. Яркие зеленые зонные бусы появляются в новгородских слоях после 1116 г.¹² и встречаются до яруса 13 (1268—1281 гг.) включительно¹³. По характеру орнамента (нанесенные чеканом продольные двойные линии) широкосрединный бронзовый перстень (рис. 5, 3) сближается с новгородскими находками конца XI — конца XII в.¹⁴ Аналогии перстню, витому из трех бронзовых проволок (рис. 5, 2), известны в слоях, датированных 70-ми годами XII в. — 30-ми годами XIII в.¹⁵

Металлические бусы с Кайболовского городища имеют параллели в курганных древностях Новгородской земли. Бусина из низкопробного серебра с напаянными рельефными «глазками» (рис. 5, 4) принадлежит к массовой категории деревенских украшений (представленных, правда, бронзовыми, но нередко посеребренными изделиями), широко распространенных во второй половине XII — первой половине XIII в.¹⁶ Оригинальная половинка орнаментированной серебряной бусины (рис. 5, 5) тождественна находкам из курганного захоронения 49, исследованного Ижорской экспедицией у д. Бегуницы, в 25 км от Кайболовского городища. Дата этого погребального комплекса — вторая половина XII — начало XIII в.

Таким образом, устанавливаемое по всей совокупности данных время строительного горизонта — вторая половина XII — первая половина XIII в. Прекращение жизни на исследованном участке поселения в пер-

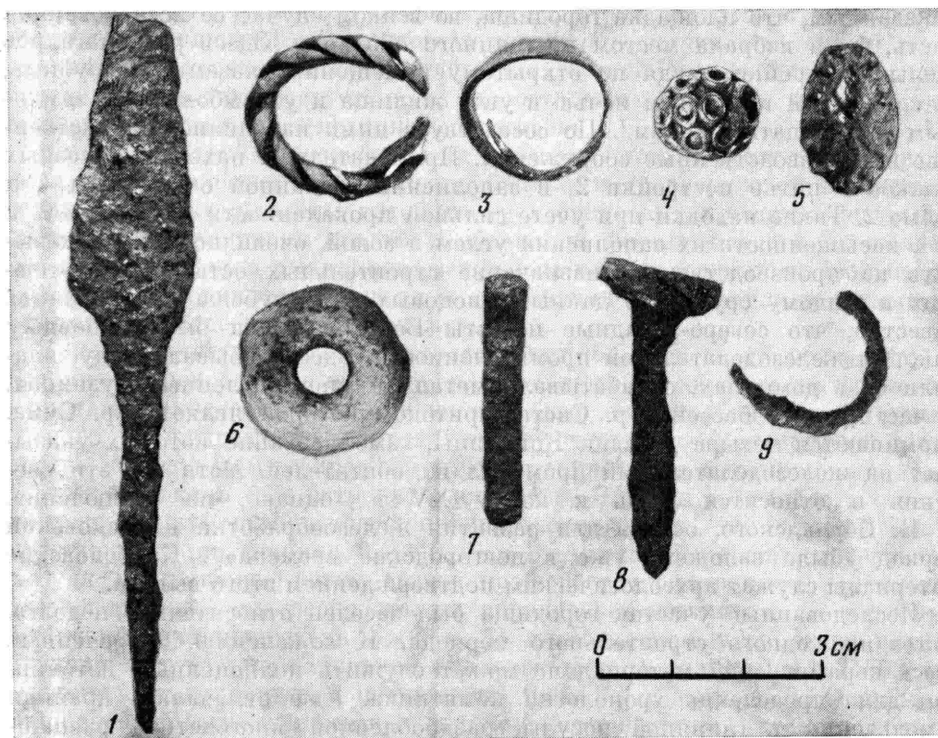

Рис. 5. Вещевой материал Кайболовского городища

1 — наконечник стрелы; 2, 3 — бронзовые перстни; 4, 5 — серебряные бусы; 6 — шиферное пряслице; 7—9 — железные изделия

вой половине XIII в. может быть поставлено во взаимосвязь с летописным сообщением о вторжении крестоносцев в Водскую землю зимой 1240—1241 гг., когда «придоша Немце на Водь с Чюдью, и повоеваша и дань на них возложиша, а город учиниша в Копорьи погосте»¹⁷. Небольшая земляная крепость, расположенная в относительной близости от захваченного немцами Копорья, могла испытать на себе удар завоевателей, приведший к гибели поселения.

Конструктивное сходство мысовых городищ на Суме и Воронке позволяет высказать предположение об их принадлежности к единому историческому этапу. Кайболовское укрепление расположено в 20 км к юго-западу от Копорья; Воронинское городище — в 15 км к востоку. Известно важное стратегическое положение Копорского погоста — центра Водской земли и места сбора новгородских ратей, превращенного в конце XIII в. в каменную крепость. Вместе с Копорьем земляные городища образуют единую и взаимосвязанную систему укреплений на северо-западе новгородских владений, уже существовавшую в XIII в.

Письменные источники, фиксирующие в Копорье «Чюдь и Вожан», рисуют его в качестве центра финно-угорского племени водь. Водскими племенными острожками, использовавшимися для убежища окрестного населения, могли служить и городища на Суме и Воронке. Курганно-жальничные могильники XI—XV вв. наряду с Копорьем оказываются не в зоне плотного древнерусского заселения, а на самой его границе, возможно, уже в районах с преобладающим финно-угорским этническим элементом. «Городок» на Лемовже, относящийся к простейшему варианту мысовых городищ, характерному для ранних оборонительных сооружений Северо-Западной Руси¹⁸, возник, вероятно, не ранее начала древнерусского освоения Ижорской возвышенности (XI в.). Более определенно судить о хронологии этого памятника не представляется возможным. Как и рассмотренные городища, укрепление на Лемовже занимает окраи-

ну плато, располагаясь на южной границе курганно-жальничного погребального массива. Не исключено его использование в качестве городища-убежища.

- ¹ *Овсянников О. В.* Копорье. Историко-архитектурный очерк. Л., 1976; *Кирпичников А. П., Овсянников О. В.* Крепость Копорье по новым данным архитектурно-археологических исследований.—СА, 1979, 3, с. 103—108.
- ² Краткую информацию об этих работах см.: *Рябинин Е. А.* Исследования в Ленинградской обл.—АО 1977 г. М., 1978, с. 32; *Он же.* Исследования в западных районах Ленинградской обл.—АО 1980 г. М., 1981, с. 27.
- ³ Дело ИАК о раскопках Н. К. Рериха в С.-Петербургской губернии. Архив ЛОИА, ф. 1, 1896, д. 55.
- ⁴ Отчет по археологической рекогносцировке в Ленинградской обл. по маршруту Детское Село—Копорье сотрудников экспедиции по палеоэтнологическому обследованию Ленинградской обл. Б. А. Кошешевского и Г. Ф. Дебеца. Архив ЛОИА, ф. 2, 1927, д. 108.
- ⁵ *Раппопорт П. А.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв.—МИА, 1961, 105, с. 35—37, рис. 22.
- ⁶ *Тыниссон Э. Ю.* Отчет о разведке ижорских и водских археологических памятников в северо-западной части Ленинградской обл., проведенной сотрудниками Института истории АН ЭССР. Архив ИА, р-1, № 2661, л. 4, 5.
- ⁷ Именно наземные жилища с печью-каменной в углу типичны и для остальных средневековых поселений Новгородской земли. См.: *Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище.—САИ, 1975, вып. Е1-32, с. 121—134, 150—154, рис. 32; 36; 52; 57.
- ⁸ *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961, с. 99, 100.
- ⁹ *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого.—МИА, 1959, 65, с. 165, рис. 13, 18.
- ¹⁰ *Артемьев А. Р.* Наконечники стрел из раскопок Изборска.—КСИА, 1978, 155, с. 68.
- ¹¹ *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей.—СА, 1958, 2, с. 111.
- ¹² *Щапова Ю. Л.* Стекланные бусы древнего Новгорода.—МИА, 1956, 55, с. 166—169.
- ¹³ *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей, с. 102—105, рис. 7.
- ¹⁴ *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981, с. 129.
- ¹⁵ Там же, с. 125.
- ¹⁶ Хронология основана на материалах раскопок 200 с лишним курганно-жальничных захоронений XI—XV вв., осуществленных Ижорской экспедицией ЛОИА в 1971—1980 гг. на территории Водской земли.
- ¹⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 295.
- ¹⁸ *Раппопорт П. А.* Очерки по истории военного зодчества..., с. 34, 35.

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

ЗАСТРОЙКА НОВОГРУДСКОГО ДЕТИНЦА В XII—XIII ВВ.

История археологического изучения новгородского детинца и краткая характеристика полученных при этом результатов уже опубликованы¹. Настоящая статья посвящена особенностям застройки этой части города в XII—XIII вв.

Исследование древнерусского культурного слоя детинца Новогрудка осложнялось тем, что большая часть его территории занята памятниками монументального зодчества XIV—XVII вв. Раскопано более 1 тыс. кв. м, но слой древнерусской поры удалось проследить на площади примерно 500 кв. м. Наиболее выразительные материалы получены на северном раскопе (320 кв. м). Заложенный у вала, он с запада и юго-запада уходил под церковь и гражданскую постройку XIV в., а с востока довольно близко подступал к каменно-кирпичной башне «Щитовке».

Раскопками установлено, что в первой половине XI в. здесь недолго существовало неукрепленное поселение с культурным слоем толщиной 25 см. Во второй половине XI в. в 10 м от края площадки был насыпан вал, к тыльной стороне которого примыкали клетки. С насыпью вала оформляется новгородский детинец. Строительные остатки неукреплен-

ного поселения и детинца XI в. крайне аморфны и не дают представления о характере застройки того времени.

В XII в. вблизи вала возводятся наземные постройки, которые дошли до нас истлевшими. Почти вплотную к валу, параллельно его клетям стояли три постройки. За ними шел второй ряд построек, из которых уцелела лишь одна. От лучше сохранившейся постройки 19 остался сруб из бревен диаметром 22 см, площадью 4,6×4 м. Рубка — в обло. Внутри сруба лежал слой необожженной глины толщиной до 8 см, на котором отмечены следы пола на лагах. Северную часть постройки дважды чинили. После того как эта постройка перестала существовать, над ней была сооружена новая, которая тоже истлела. От двух других привальных построек (18 и 24) сохранились истлевшие срубы и дощатые полы на лагах, которые подстилала необожженная глина. В постройке 18 один настил на глине был сменен новым слоем глины с дощатым полом. Ни в одной из построек не было печей. Очевидно, это были хозяйственные строения. Среди находок имеются керамика, обломки амфор, осколки стеклянных браслетов и др.

Над истлевшими постройками открыты остатки сгоревших и почти разобранных строений. На уровне этих построек найдено много сгоревшего зерна. Среди находок — керамика и некоторые другие вещи. В пожаре, разрушившем постройки, сгорели клетки вала, а сам вал был засыпан и перенесен на край площадки, где находится и в настоящее время. Судя по керамике, найденной в засыпке над валом, перенос его произошел в конце XII или начале XIII в.

Площадка, освободившаяся после засыпки древнего вала, была отведена под хозяйственные постройки, главным образом амбары. Эти постройки трижды выгорали. С каждым пожаром связаны остатки двух или трех строений, но поскольку скопления сгоревшего зерна встретились на площади около 260 кв. м, по-видимому, таких амбаров на каждом этапе насчитывалось больше. Верхняя хронологическая граница существования сгоревших хозяйственных построек определяется находками горшков с орнаментом в виде ногтевых вдавлений, фрагментов амфор и обломков стеклянных браслетов. Подобные находки на территории окольного города Новогрудка датируются временем до 70-х годов XIII в.²

Археологические материалы северного раскопа новогрудского детинца свидетельствуют о том, что в XII и XIII вв. большая часть его территории была занята хозяйственными постройками. Амбары и другие хозяйственные строения — неперемный элемент застройки каждого древнерусского города, однако в городах лесной зоны, к которой относится Новогрудок, существовала и усадебная застройка. Городская усадьба состояла из одной или нескольких жилых и хозяйственных построек и иногда мастерских³. В южных древнерусских городах (Райки, Колодяжин, Воин, Изяславль и др.) хозяйственные клетки обычно стояли вперемежку с жилыми⁴.

В древнерусских городах нам почти неизвестна такая концентрация хозяйственных сооружений, как в детинце Новогрудка в XII—XIII вв. Некоторую аналогию Новогрудку можно отметить в древнем Любече⁵. По данным этнографии установлено, что в крестьянском быту практиковалось вынесение житниц за околицы деревни⁶.

Несомненный интерес представляет конструкция сгоревших хозяйственных построек Новогрудка. Можно с достаточной степенью уверенности говорить, что они могли быть двухъярусными. Остатки построек 7/16, 9/14, 9а, 10 и 15 дают возможность установить, что с их верхними частями были связаны дощатые настилы, покрытые берестой и лежавшие на лагах. В двух постройках на уровне настилов найдены остатки дверей.

От нижних частей построек сохранились бревенчатые срубы. Один из них стоял на столбах высотой 20 см. Внутри срубов в сажистом слое встречены запасы сгоревшего зерна и других сельскохозяйственных

культур, а также донца, клепки и ободья бочек, остатки лубяных коробов, керамика и др. В постройке 9/14 настил плотно прикрывал нижнее помещение, в котором помимо большого количества зерна и гороха лежали обломки керамики, поливной кувшин, дощечка деревянной миски, точильный камень, бронзовые матрицы, перстень, пять весовых гирек, веретена, клубки ниток и некоторые другие вещи⁷.

Среди археологических материалов других древнерусских поселений подобные хозяйственные строения неизвестны. Двухэтажные постройки с амбарами, реконструированные П. И. Засурцевым, носили другой характер. Их нижний этаж представлял собой клеть-амбар, а верхний был жилым⁸. Сходство с новгородскими хозяйственными постройками имеет постройка киевского подола (сруб 7). Ее подклет служил хлевом, а во втором ярусе хранились зерно и другие продукты⁹. Аналогии новгородским постройкам известны по этнографическим материалам северных двухъярусных амбаров. В верхних частях этих построек хранили наиболее ценные продукты, в частности муку, а внизу держали обмолоченное и проветренное зерно. Для предохранения от сырости и грызунов русские амбары ставили на невысокие столбы. Такие же столбы характерны для белорусских клеток-амбаров¹⁰.

В юго-западной части раскопа открыты строительные остатки совершенно иного характера. Площадь около 36 кв. м на материке занимал настил, от которого местами уцелели истлевшие доски шириной 20 см, лежавшие в направлении северо-восток — юго-запад. От остальной части настила остался лишь древесный тлен (рис. 1). Отдельные участки его обновлялись, так как над разрушенными досками лежали целые. Находок на настиле не было. Лишь в одном месте встречены мелкие обломки стеклянных браслетов.

Аналогичный истлевший настил лежал на глубине 2,3—2,6 м. Доски его шириной 22—25 см ориентированы так же, как доски настила на материке. Износившиеся доски настила местами были покрыты плахами (рис. 2). На этом настиле тоже не было находок, но изредка встречалась скорлупа орехов.

В культурном слое новгородского детинца XIV в. на данном участке последовательно существовало еще три таких же настила. На глубине 1,8—2,2 м и 1,55—2,2 м открыты настилы из истлевших досок, а на глубине 1,46—2,26 м — сгоревший настил. Этот последний, занимавший площадь около 40 кв. м, состоял из досок или горбылей, уложенных стесанной стороной вверх. Большая часть настила имела ту же ориентировку, что и нижележащие настилы, лишь в его восточной части доски были положены в перпендикулярном направлении. На верхнем настиле найдены обломки кирпича, известковый раствор, черепица, а также скорлупа орехов. Верхний сгоревший настил вплотную примыкал к каменной вымостке церкви XIV в., но не заходил под нее (рис. 3). Он был одновременен церкви. Иначе говоря, верхний настил представлял собой замощенную площадку перед храмом XIV в. Эту же роль играли два лежавших под ним настила, постепенно пришедшие в негодность.

Таким образом, на определенном участке из пяти настилов, лежавших друг над другом, три верхних остались от площадки перед церковью XIV в. Идентичность настилов XIV в. и настилов древнерусского времени позволяет считать эти последние частью площадки перед древнерусским храмом, предшествовавшим церкви XIV в.

Для небольшой плотно застроенной площадки, о которой идет речь, характерна преемственность при возведении однородных построек. Так, северная башня «Щитовка» XIV в. сооружена над каменной башней с бойницами, облицованными кирпичом, которая датируется временем не позднее 70-х годов XIII в.¹¹ На месте церкви XIV в., к которой примыкал сгоревший настил, в XVI в. была сооружена пристройка, а в XVII в. над этой церковью выстроили большой храм¹². Такая преемственность укрепляет нас в предположении, что настилы древнерусского времени тоже примыкали к церкви. Поскольку здесь не встречены остат-

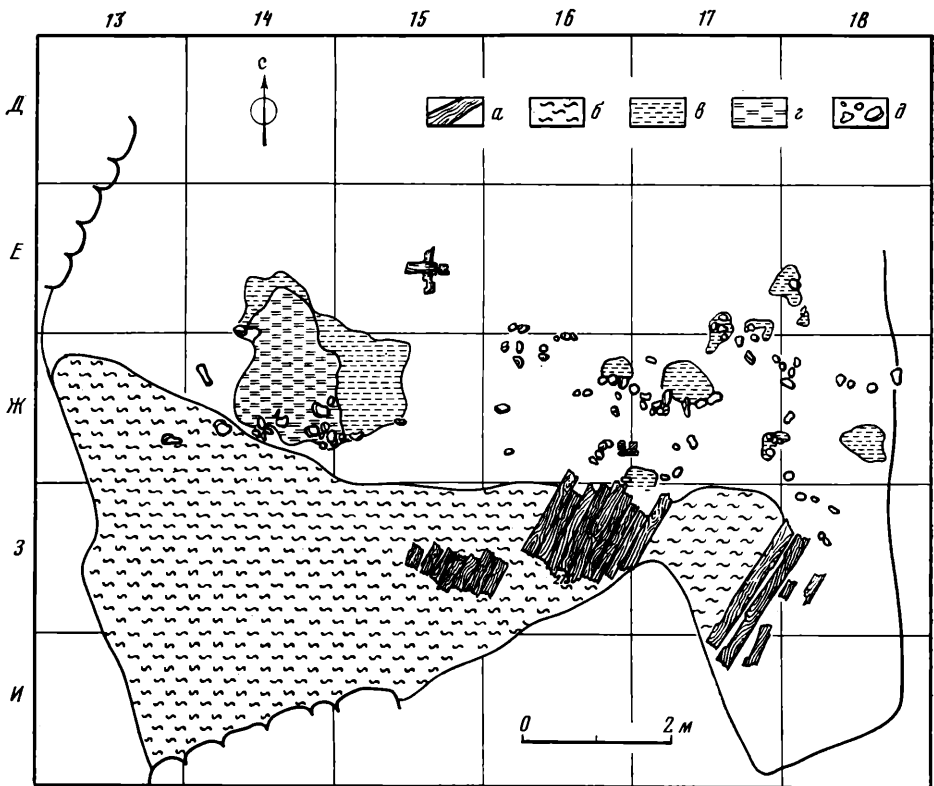

Рис. 1. Настил на материке

а — ислевшие доски; б — древесный тлен; в — необожженная глина; г — обожженная глина; д — камни

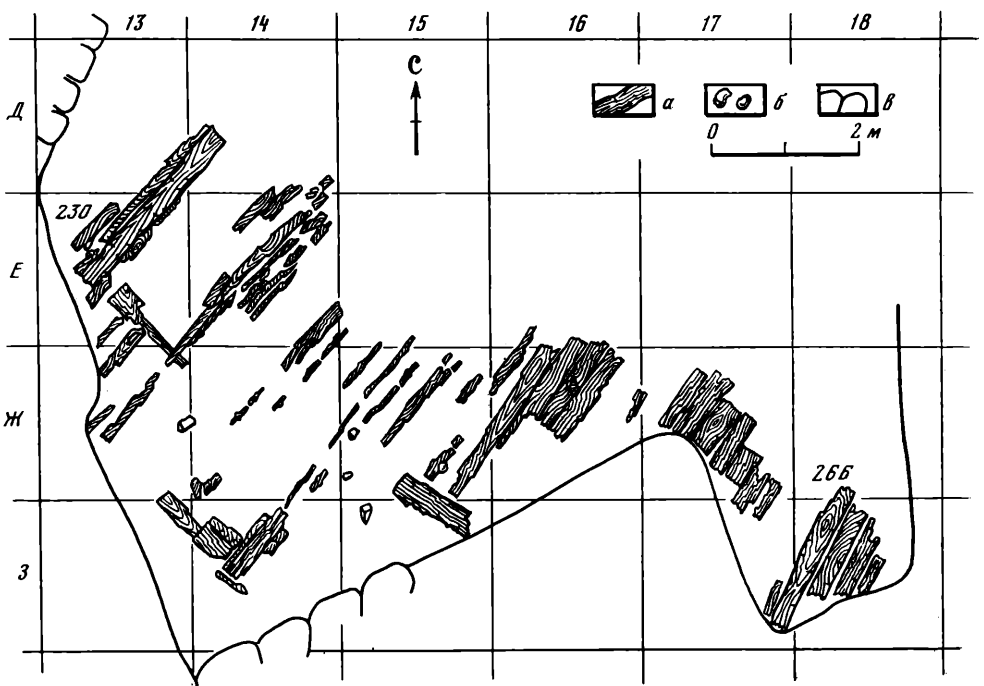

Рис. 2. Настил на культурном слое древнерусского времени

а — ислевшие доски; б — камни; в — граница вымостки из камней

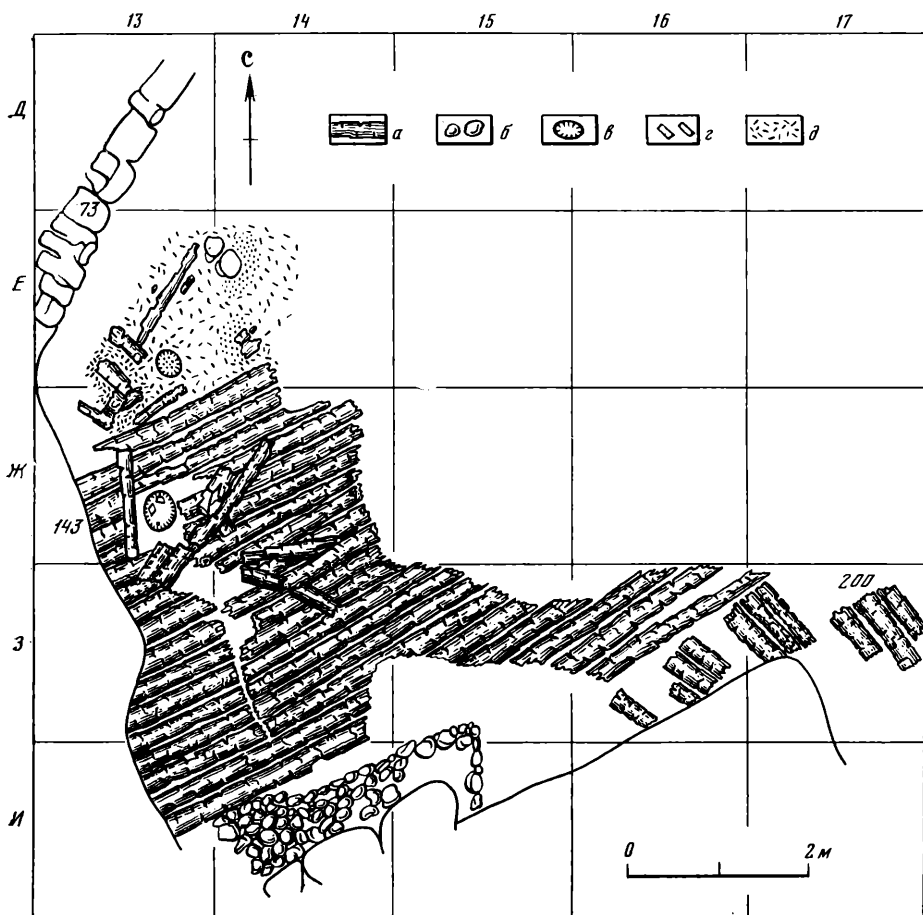

Рис. 3. Настил у церкви XIV в.

а — сгоревшие доски; б — камни; в — яма; г — кирпичи; д — угли

ки монументального зодчества XII или XIII вв., можно предположить, что церковь того времени была деревянной.

Отметим, что доски настилов лежали непосредственно на культурном слое или на материке, тогда как мостовые улиц северных древнерусских городов обычно состояли из плах, уложенных на лаги¹³. Не связана ли подобная упрощенность новгородских настилов с тем, что замощенными площадками пользовалось ограниченное число людей и при их сооружении не требовалось особой прочности?

На северном раскопе не удалось открыть мастерских, но вещевые находки, встреченные среди сгоревшего зерна, указывают на то, что где-то вблизи работали ювелиры. Ремесленники занимались изготовлением тисненых украшений. Об этом можно судить по находкам 11 бронзовых матриц. Выделка кованых вещей подтверждается находками своеобразной наковаленки со следами работы, многочисленных пластин и слитков бронзы. Ювелиры новгородского дегинца занимались также литейными работами: найдены тигель и льячка, а также отдельные бракованные литые изделия.

На небольшом раскопе в противоположной части площадки, у южной башни, как и в северном раскопе, на материке лежал культурный слой XI в. с невыразительными строительными остатками. Их покрывала насыпь древнего вала. Выше находились постройки XII и XIII вв. На глубине от 1,5 до 2,8 м выделяется четыре строительных периода. Наиболее ранний из них представлен остатками плетня и досками, ориентированными с северо-востока на юго-запад. Выше, на глубине

2,2—2,3 м открыта часть срубной, вероятно жилой, постройки, к которой примыкал хлев. Пол хлева был покрыт слоем навоза. Третий строительный период отражен остатками срубной жилой постройки. К ней относились развал глинобитной печи, стоявшей на опечке, настил пола и угловой столб, обмазанный глиной. К наиболее поздним строительным остаткам принадлежат часть жилой постройки с печью, аналогичной печи нижележащей постройки, и хозяйственное строение, пол которого покрывала солома.

Инвентарь построек характерен для XII—XIII вв. Это керамика, деревянные и железные поделки, стеклянные браслеты и др. Определенный интерес представляют скопления кожи и находки кожаной обуви¹⁴.

Несмотря на ограниченные размеры южного раскопа, строительные остатки его довольно типичны для поселений лесной полосы. Здесь стояли наземные срубные жилища с глинобитными печами на опечках. Угловые столбы служили опорой для сходящихся к ним брусьев, а один из таких брусьев — основанием для полатей¹⁵. К жилищам примыкали небольшие хлевы. Судя по находкам, постройки южного раскопа синхронны амбарам и кладовым северного раскопа.

Характер построек южного раскопа и относящихся к ним находок убеждает в том, что здесь жили рядовые горожане, а поскольку речь идет о детинце древнерусского города, можно предположить, что это были люди, зависимые от феодала. В раскопе площадью 140 кв. м, заложенном по соседству, древнерусский слой был разрушен застройкой XIV в. и последующего времени. О его существовании свидетельствовали лишь соответствующая керамика, стеклянные браслеты, шиферные пряслица и другие находки древнерусской поры.

Следы застройки XII—XIII вв. зафиксированы также траншеями и шурфами в других местах. В конце 20-х годов и в 1930 г. архитекторы, производившие на территории новгородского детинца реставрационные работы, заложили шесть траншей в разных частях площадки на глубину до 3,2 м. На этой глубине обнаружены остатки сгоревшего дерева¹⁶. В 1956 г. удалось зачистить стенку ямы в восточной части детинца. На глубине 3 м показались доски шириной до 20 см и бревна, на которых сохранилась кора. Среди находок были керамика XII—XIII вв., широколезвийный топор, куски кожи и др.¹⁷ Остатки негорелого дерева виднелись в шурфах, заложенных в центре детинца, где стоял храм XVII в.

Раскопки позволили выделить отдельные участки застройки новгородского детинца в XII и XIII вв. Определена зона, отведенная для хозяйственных строений, и участок, где жили рядовые зависимые горожане. Предположительно выделяются территория, занятая церковью, и место, где могли работать ремесленники-ювелиры. Нет сомнения в том, что в рассматриваемое время площадка детинца была целиком застроена.

Остается невыясненным, где жил новгородский феодал (князь?). Еще в 1930 г. между «Щитовкой» и башней костела был открыт каменный фундамент дворца XV—XVI вв.¹⁸ Выше отмечалось, что северный раскоп был с одной стороны огражден гражданской постройкой XIV в. Это были двухэтажные палаты феодала. На высоту до 4 м сохранился подвальный этаж, врезанный в склон вала. О втором этаже, возвышавшемся над валом, свидетельствуют находки оконного стекла. Постройка была крыта черепицей¹⁹. Основываясь на свойственной новгородскому детинцу преемственности в застройке, можно предположить, что жилища владельца детинца и его приближенных были на тех же местах, где в более позднее время стояли феодальные палаты и дворец. Интересно, что большая часть древнерусских богатых жилищ окольного города Новгородка стояла именно вплотную к валу.

С XII в. новгородский детинец был мощной крепостью. Об этом свидетельствуют его оборонительные сооружения, а также оружие, найденное во время раскопок. Непроступность новгородского детинца подтверждается летописью. Сообщая под 1247 г. о походе на этот город, предпри-

нятом волынским князем Львом Даниловичем, летописец отмечает, что наряду с волынской ратью в этом походе принимали участие «иных князии много». В помощь Льву были приданы также монголо-татарские воины во главе с Ягурчином и другое войско. Тем не менее, заняв окольный город Новогрудка, князь Лев не смог завоевать его детинец: «А детине остався», пишет летописец²⁰.

Многое в застройке новогрудского детинца остается неясным из-за того, что значительная часть его площадки не могла быть раскопана. Однако имеющиеся материалы позволяют утверждать, что детинец Новогрудка — эта цитадель древнерусского города XII и XIII вв. — представлял собой своеобразный феодальный двор, и это отличает данный памятник от детинцев других древнерусских городов и сближает с детинцем древнего Любеча, раскопанным и реконструированным Б. А. Рыбаковым. Б. А. Рыбаков выделяет в Любече дворцовый комплекс, входивший в линию стены, деревянную церковь, участок, занятый хозяйственными постройками, жилище челяди вдоль стен и другие комплексы, характерные для феодального двора²¹.

- ¹ Гуревич Ф. Д. Некоторые итоги археологического исследования детинца древнего Новогрудка. — КСИА, 1974, 139, с. 93—99; Она же. Детинец и окольный город древнерусского Новогрудка в свете археологических работ 1956—1977 гг. — СА, 1980, 4, с. 90, 92, 95, 96, 99.
- ² Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок. Посад — окольный город. Л., 1981, с. 117.
- ³ Раппопорт П. А. Древнерусское жилище. — САИ, 1975, вып. Е1-32, с. 94—111.
- ⁴ Гончаров В. К. Райковецкое городище. Киев, 1950, с. 29; Юра Р. О. Древний Колодяжин. — В кн.: Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1962, XII, с. 65—81; Довженко В. И., Гончаров В. К., Юра Р. О. Древньоруське місто Воїнь. Київ, 1966, с. 36—53; Пескова А. А. Древний Изяславль. — КСИА, 1981, 164, с. 67.
- ⁵ Рыбаков Б. А. Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей. — КСИА, 1964, 99, с. 22, 23.
- ⁶ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. — В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956, с. 312.
- ⁷ Павлова К. В. Хозяйственные постройки XII и XIII вв. на детинце древнего Новогрудка. — КСИА, 1972, 129, с. 77—83.
- ⁸ Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода. — МИА, 1962, 123, с. 80.
- ⁹ Новое в археологии Киева. Киев, 1982, с. 130.
- ¹⁰ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки..., с. 309; Лебедева Н. И. Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР. М., 1929, с. 22; Беларускае народнае жыллё. Мінск, 1973, с. 88.
- ¹¹ Ткачоў М. А. Замкі Беларусі. Мінск, 1977, с. 15, 16.
- ¹² Малевская М. В., Шолохова Е. В. Раскопки церковных построек на детинце Новогрудка. — АО, 1974 г. М., 1975, с. 391, 392.
- ¹³ Рабинович М. Г. Деревянные сооружения городского хозяйства в древней Руси. — В кн.: Средневековая Русь. М., 1976, с. 30, 31.
- ¹⁴ Зильманович И. Д. Раскопки в детинце Новогрудка в 1962 г. — КСИА, 1965, 104, с. 93—98.
- ¹⁵ Загорюльский Э. М. Древний Минск. Минск, 1963, с. 36—39; Спегальский Ю. П. Жилище Северо-Западной Руси в IX—XIII вв. Л., 1972, с. 68—71.
- ¹⁶ Ochrona zabytkow. Warszawa; Kraków. 1930/1931, S. 187.
- ¹⁷ Гуревич Ф. Д. К истории древнего Новогрудка. — Światowit, 1962, XXIV, с. 559, 564.
- ¹⁸ Ткачоў М. А. Замкі Беларусі, с. 20.
- ¹⁹ Малевская М. В. Раскопки гражданской постройки XIV вв. в Новогрудке. — АО 1977 г. М., 1978, с. 420, 421.
- ²⁰ ПСРЛ, 1962, т. 2, ст. 862, 872.
- ²¹ Рыбаков Б. А. Любеч — феодальный двор Мономаха..., с. 21—23.

П. А. РАППОПОРТ

ИЗ ИСТОРИИ

КИЕВО-ЧЕРНИГОВСКОГО ЗОДЧЕСТВА XII В.

В истории древнего киевского зодчества имеется период, которому исследователи до самого последнего времени уделяли недостаточно внимания, полагая, что картина развития архитектуры здесь более или менее ясна. Период этот — первая половина XII в., когда в архитектуре Киева

произошли очень существенные изменения: на смену памятникам, продолжающим традиции XI в., пришли памятники совершенно нового типа, характерные для середины — второй половины XII в.¹

В киевских постройках XI — начала XII в. имеется ряд особенностей, объединяющих их в одну, достаточно компактную группу. Прежде всего, эти памятники исполнены в одной строительной технике — кладке из плинфы со скрытым рядом. Своды в этих зданиях исключительно цилиндрические и купольные, на барабанах или глухие. Лестницы на хоры размещены в таких храмах в специальных лестничных башнях. Кроме главы над основным объемом храма, здесь имелись, как правило, дополнительные главы над башней и крещальной, создававшие сложную живописную композицию. Основным декоративным мотивом убранства стен являются двух- и трехступчатые пиши и полосы выложенного из плинфы меандра.

Здания середины и второй половины XII в. совершенно иные. Они возведены из плинфы в равностойной технике. Наряду с цилиндрическими в них применены крестовые своды. Лестницы находятся в толще стен здания. Храмы имеют очень лаконичную композицию и завершаются одной массивной главой. Декоративные элементы — аркатурные пояса, полосы поребрика и мощные полуколонны на пилястрах.

Таким образом, между этими группами памятников имеются очень существенные различия. Более того, разница настолько принципиальна, что не может быть объяснена простым эволюционным развитием. Почему же исследователи не обращали на это должного внимания, полагая, что здесь происходил лишь естественный процесс развития архитектурных форм? Объясняется это прежде всего тем, что типологически памятники середины XII в. действительно являются прямыми продолжением линии развития памятников предшествующей поры. Правда, будучи типологически очень близкими, памятники этих двух групп имеют совершенно иной стилистический характер и даже иной архитектурный образ. Сложные, живописные и динамичные композиции сменились четкими и статичными. Следовательно, даже типологическая близость не сопровождается здесь близостью художественного решения. Все же остальные элементы зданий совершенно иные — как техника кладки, так и система декора. При этом различия сказываются даже в мелочах строительной техники.

Итак, непосредственная связь этих двух групп киевских памятников только типологическая. Но именно тип сооружения является тем элементом, который менее всего зависит от зодчих и, как правило, диктуется заказчиком. Церковно-политический авторитет киевского Печерского монастыря был подкреплён созданием легенды о построении Успенской церкви этого монастыря по прямому указанию Богородицы. Естественно, что повторение типа Успенской церкви стало в русской архитектуре почти обязательным. Даже по названию вновь строящиеся храмы во многих стольных городах повторяли Успенскую церковь. Таким образом, тип храма, очевидно, был указан зодчему в качестве обязательного образца; все же остальные компоненты в этих группах памятников совершенно различны. Особое значение имеет различие в строительной технике, поскольку для средневековья это было основным элементом, определяющим традицию мастеров. Все перечисленное заставляет сделать вывод, что перелом в киевском зодчестве связан не с естественным процессом эволюции, а с переходом строительства в руки других мастеров, т. е. со сменой строительной организации.

Когда эта смена произошла? Среди сохранившихся памятников киевского зодчества первой, т. е. более ранней, группы последней по времени возведения является церковь Спаса на Берестове, построенная в промежутке между 1113 и 1125 гг. Правда, в отличие от предшествующих построек, здесь в кладке нет выходящих на фасад полос необработанных камней, но это лишь частное отличие, так как камни в этой постройке использованы достаточно широко, хотя только в забутовке стен. Система же кладки со скрытым рядом и система декоративного оформления фаса-

дов здесь целиком отвечают старой традиции. Судя по предлагаемым графическим реконструкциям, живописная динамическая композиция масс здесь также присутствовала полностью².

После церкви Спаса на Берестове, в 1129 г., в Киеве была построена церковь Федоровского монастыря. Жалкие остатки ее строительных материалов, вскрытые, к тому же, при случайных раскопках, позволяют все же судить о том, что она была исполнена в технике кладки со скрытым рядом³. Еще несколько позже, в начале 30-х годов, была построена церковь Успения на Подоле — «Богородица Пирогощая». Ни у кого не вызывало сомнений, что она относится уже к новой группе памятников: об этом свидетельствовали как равнослойная техника кладки, так и декоративные элементы. Но несколько лет тому назад были произведены раскопки этой разрушенной церкви. И выяснилось, что она имела совершенно необычные по глубине фундаменты (около 4 м), а в фундаментах и в нижней части стен были использованы блоки кладки какого-то более раннего здания⁴. Систему кирпичной кладки этого первоначального здания выяснить не удалось, но использование в кладке плинф и камней позволяет сделать вывод, что это была кладка со скрытым рядом, поскольку при равнослойной технике камни, как правило, не применялись. Можно предположить поэтому, что построенная в 1131—1136 гг. церковь Успения относилась к еще более ранней киевской традиции. Вероятно, неблагоприятные для строительства условия киевского Подола (слои намытого грунта) очень скоро привели к обрушению здания. Сохранившаяся же до 30-х годов нашего века церковь была, видимо, построена на месте более ранней уже во второй половине XII в.: судя по формату кирпича, наиболее вероятно — в 70—80-х годах. Условия грунта и наличие здесь остатков разрушенного храма и вызвали необычную глубину фундамента.

Таким образом, старая киевская строительная традиция не прервалась, как предполагали ранее, в 20-е годы XII в. после построения церкви Спаса на Берестове, а продолжала существовать и в 30-е годы. Однако уже в начале 40-х годов в Киеве была построена Кирилловская церковь, а вслед за ней, в 1144 г., церковь в Каневе — памятники, безусловно относящиеся уже к новой строительной традиции. Следовательно, время перелома в киевском зодчестве и смены здесь строительной организации можно определить достаточно точно — это вторая половина 30-х или самое начало 40-х годов XII в.

Так обстояло дело в Киеве. Но в Чернигове строительство храмов, вполне аналогичных новой киевской группе, началось значительно раньше. Борисоглебская церковь, судя по тому, что ее строителем был князь Давид Святославич, была построена до 1123 г.⁵ Еще раньше был возведен Успенский собор Елецкого монастыря. Некоторые исследователи датировали его концом XI в.⁶, другие — началом XII в.⁷ Наиболее вероятно, что собор был построен вскоре после того как на Любечском съезде (1097 г.) Чернигов был закреплен за династией Святославичей. Очевидно, новая строительная организация начала работать в Чернигове приблизительно на рубеже XI и XII вв. Вскоре здесь развернулось интенсивное строительство. В Чернигове были построены собор Елецкого монастыря и Борисоглебская церковь, а также небольшая бесстолпная Ильинская церковь и княжеский терем. В Рязани (Старая Рязань), входившей в сферу владений черниговских князей, были возведены два храма, полностью совпадающие с черниговскими как по строительной технике, так и по плану⁸. Возможно, что существовали и другие постройки, пока еще не обнаруженные; так, в детинце Новгорода Северского при археологических раскопках находили плинфы, относящиеся, быть может, к первой половине XII в.⁹ Очевидно, черниговские князья Олег Святославич и его брат Давид развернули в своих владениях широкую строительную деятельность.

Полное совпадение всех строительного-технических и декоративных элементов не оставляет сомнений в том, что именно эти строители, работав-

шие с начала XII в. в Чернигове и Рязани, начали в 40-е годы вести строительство и в Киеве. Сопоставление киевской Кирилловской церкви с черниговской Борисоглебской демонстрирует не просто сходство, но порой полную идентичность как техники, так и декора. Нетрудно установить, когда черниговские мастера перебрались в Киев: очевидно, они попали туда после того как в 1139 г. киевский стол занял черниговский князь Всеволод Ольгович. Став киевским князем, он, видимо, взял с собой в Киев и своих черниговских строителей, поручив им свою первую киевскую постройку — Кирилловскую церковь.

Куда же девалась старая киевская строительная организация? Ее почерк обнаруживается в Полоцке. Большой собор Бельчицкого монастыря в Полоцке имеет все черты, характерные для работы киевских строителей. В свое время Н. Н. Воронин полагал, что этот собор был возведен в 20-х или 30-х годах XII в., сразу после завершения киевской церкви Спаса на Берестове¹⁰. Теперь можно уточнить этот вывод: полоцкий собор построили после окончания церкви Успения на Подоле, т. е. во второй половине 30-х или начале 40-х годов. Еще более уточнить дату позволяет политическая обстановка той поры: почти непрерывно враждебные отношения полоцких и киевских князей имели период не только мирных, но даже союзных связей. Это было сразу же после 1139 г., когда новый киевский князь заключил с Полоцком союз, скрепленный династическим браком. Очевидно, тогда князь Всеволод Ольгович и отослал в Полоцк киевскую строительную артель, которая ему была уже не нужна, поскольку он перевел в Киев своих черниговских строителей.

Остается неясным один важный вопрос: откуда появилась в Чернигове на рубеже XI и XII вв. новая строительная организация. С точки зрения исторической ситуации здесь нет особых загадок. В 1083 г. князь Олег Святославич возвратился на Русь из Византии. В Византии он жил на острове Родос, а на Русь приехал с женой Феофанией из знатного греческого рода Музалонов. Используя свои связи ему, очевидно, нетрудно было пригласить в Чернигов византийских мастеров-строителей.

То, что приехавшие в Чернигов строители относились к византийскому кругу, — бесспорно. Об этом совершенно определенно свидетельствует сама техника — кладка из плинфы на растворе с цемянкой. Следует отметить, что равнослойная система кладки в XI в. была более характерна для византийской провинции, чем для столицы. Но, кроме очевидно византийской техники, в зданиях, возведенных этими мастерами в Чернигове, Рязани и Киеве, имеются элементы, не свойственные византийскому зодчеству. Таковы, например, аркатурные пояса, носящие романский характер. Вполне романскими выглядят и белокаменные резные детали, найденные при раскопках в Чернигове и Рязани.

Удивительно органичное сочетание всех технических и художественных элементов в черниговских храмах — соборе Елецкого монастыря и Борисоглебской церкви — дает основание полагать, что соединение византийских и романских элементов произошло не в процессе строительства этих зданий, а было выработано ранее. Очевидно, приехавшие в Чернигов мастера уже до этого выработали определенные приемы, хотя типологически им пришлось строить храмы в соответствии с указанным им образцом — киевским Печерским собором. Следовательно, мастера должны были приехать из такого строительного центра, где византийское зодчество еще раньше подверглось влиянию романской архитектуры. К сожалению, определить этот район пока не удастся.

Впрочем, нельзя полностью исключить, что соединение византийских и романских элементов произошло уже на Руси. В таком случае приехавшая византийская строительная артель, очевидно, должна была войти в контакт с какими-то романскими мастерами, также приехавшими в Чернигов. Этот вопрос требует еще дальнейшей разработки.

Так в настоящее время вырисовывается несколько неожиданная картина архитектурно-строительной деятельности в киево-черниговских землях в первой половине XII в.

- ¹ Основные фактические данные и библиографические сведения по всем упоминаемым в настоящей статье памятникам имеются в каталоге: *Раннопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982.
- ² Варианты реконструкции церкви Спаса на Берестове см.: *Штендер Г. М.* Трехлопастное покрытие церкви Спаса на Берестове.— В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1980. Л., 1981, с. 534; *Асеев Ю. С.* Архитектура древнего Киева. Киев, 1982, с. 105.
- ³ «Найденные при раскопках строительные материалы собора Федоровского монастыря дают некоторое представление о характере кладки стен этого памятника. Несколько блоков кладки стен указывают на то, что в ней были применены утопленные ряды кирпичной кладки, применявшейся в русском зодчестве XI в.» (*Богусевич В. А.* Отчет о раскопках 1957 г. Архив Института археологии АН УССР, 1957/37-а, с. 18). Я. И. Смирнов, публикуя рисунки Вестерфельда, интерпретировал два рисунка как изображение церкви Федоровского монастыря. См.: *Смирнов Я. И.* Рисунки Киева 1651 г. по копиям их конца XVIII в.— Труды XIII АС. М., 1908, 2, с. 468. М. К. Каргер отверг это предположение на том основании, что здание, изображенное на рисунках, исполнено в технике кладки со скрытым рядом. Каргер считал, что такая техника в это время в Киеве уже сменилась равнослойной. См.: *Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л., 1961, с. 283—286 и 432. Видимо, прав был все-таки Я. И. Смирнов.
- ⁴ *Гупало К. Н.* Подол в древнем Киеве. Киев, 1982, с. 111.
- ⁵ *Воробьева Е. В., Тиц А. А.* О датировке Успенского и Борисоглебского соборов в Чернигове.— СА, 1974, 2, с. 106.
- ⁶ *Холостенко Н. В.* Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове.— В кн.: Памятники культуры. М., 1961, 3, с. 67.
- ⁷ *Воробьева Е. В., Тиц А. А.* О датировке..., с. 98.
- ⁸ *Вагнер Г. К.* Архитектурные фрагменты Старой Рязани.— Архитектурное наследство, 1963, 15, с. 20.
- ⁹ Сведения любезно сообщил А. В. Куза.
- ¹⁰ *Воронин Н. Н.* Бельчицкие руины.— Архитектурное наследство, 1956, 6, с. 14.

В. Д. БЕЛЕЦКИЙ

О ПЕЧАТЯХ ПСКОВСКИХ ПОСАДНИКОВ

Вопрос о посадничьих печатях для псковской сфрагистики не нов. В 1935 г. Н. П. Лихачев, впервые собравший в единый свод все известные к тому времени псковские вислые печати, склонен был относить к разряду посадничьих буллы «матриц 1425 и 1469 гг.»¹. В 1960 г. В. Л. Янин, опираясь на свидетельство договорной грамоты Пскова с Ливонским орденом, счел возможным признать атрибутом юрисдикции псковских посадников так называемые Троицкие печати². В 1966 г. В. Л. Янин пересмотрел свою точку зрения. «Троицкие печати» он атрибутировал как буллы владычных наместников и предположил, что печатей посадников как таковых не существовало,— буллы «матриц 1425 и 1469 гг.» являлись атрибутом юрисдикции князя и посадника одновременно: «Они в равной степени могут быть названы и княжескими и посадничьими»³.

Оставляя в стороне вопрос об атрибуции булл матриц 1425 и 1469 гг., хотелось бы остановиться на группе печатей, принадлежность которых к атрибутам посадничьей власти зафиксирована в формуле многострочных надписей на лицевой стороне. В раскопках таких печатей найдено две.

Первая из печатей обнаружена в 1961 г. в Довмонтовом городе, в переотложенных слоях⁴. Печать представлена свинцовым кружком неправильных очертаний, размерами 24×30 мм, толщиной 1—2 мм (рис., 1). На обеих сторонах буллы в линейных ободках— многострочные надписи: лицевая сторона — [П]ЕЧА |[Т]ЬПОСА|[Д]НИКЮ|[В]ЬПСКО|ВЬСКИ|[ХЪ]; оборотная сторона — НА[ПИ]|САНАП[ЕЧ]|АТЬСА|ВЛЪ§|[??]

Печать попорчена сжатием, в результате чего левая часть надписи на лицевой стороне и соответствующая ей часть надписи на оборотной

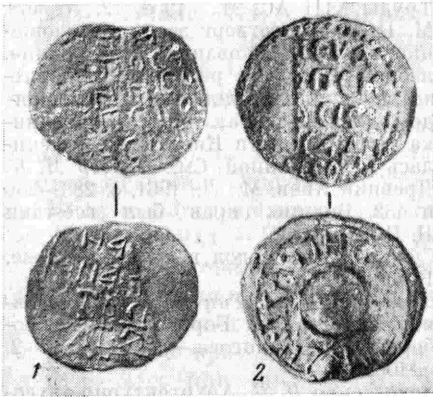

Рис. Печати псковских посадников

1 — Довмонтов город, раскопки 1961 г.; 2 — кремль, раскопки 1977 г.

стороне оказались утраченными. Нижние строки надписей на обеих сторонах не уместились в площади свинцового кружка. Лишь на оборотной стороне имеются остатки титл, располагавшихся над буквами несохранившейся нижней строки, которые определяют цифровое качество букв. К сожалению, от даты, таким образом, читается только первая буква, так что булла может быть датирована широко — ранее 7000 (т. е. 1492) г. Но все известные в новгородской сфрагистике буллы, оформленные двусторонними многострочными надписями, укладываются в пределы XIV — начала XV в.⁵ В пользу XIV в. свидетельствуют также и палеографические наблюдения⁶. По-видимому, рассматриваемую печать следует датировать XIV в.

Вторая булла обнаружена раскопками 1977 г. в псковском кремле, в слое XIV—XV вв.⁷ Она представлена свинцовым кружком почти правильной формы, размерами 27×30 мм, толщиной 2 мм (рис., 2). На лицевой стороне в точечном ободке — многострочная надпись, читающаяся, несмотря на утраты отдельных букв, вполне отчетливо: [П]ЕЧА|[Т]ЬПСК|[ОВ]СКІИ|[ПОСАДН]ІКО[В].

На оборотной стороне между линейными ободками — круговая надпись, содержащая датирующую формулу. Печать попорчена сжатием, в результате которого левая сторона многострочной надписи и соответствующая ей часть круговой надписи оказались утраченными.

В информационном сообщении о раскопках 1977 г.⁸ и в публикации материалов этих раскопок⁹ приведен перевод даты, содержащейся в круговой надписи на оборотной стороне буллы, — 6990 (т. е. 1482) г. Для прочтения \$ЦV (6990), как представляется, нет оснований. С. В. Белецкий усматривает в промежутке между буквами «Ц» и «Д» буквы «V» и «Г». Первой из них он придает цифровое значение, а вторую вместе с буквой «Д» предлагает читать как сокращенное написание слова «год» («ГД») и восстанавливает, таким образом, надпись в следующем виде: «ПИСА[НАВ]ЪЛЪ 6990 ГД», т. е. «писана в лъ[то] 1482 года». Но буква «V» на печати не читается, на месте предполагаемой буквы находится точка, отделяющая буквенные обозначения тысяч и сотен от десятков и единиц. Вертикальная мачта, находящаяся правее точки, была принята за часть буквы «V», но в действительности она принадлежит неопознанной ранее букве «К», часть которой была принята за «Г». Такое написание «К» нехарактерно для палеографии XIV—XV вв.¹⁰ и вообще принадлежит к числу очень редких — удалось обнаружить лишь одну аналогию: на граффито 161 в Софии Киевской, датированном С. А. Высоцким XII в.¹¹

Формула датирующей надписи, предложенная С. В. Белецким, не может быть отнесена к XV в. Надписи типа «В лето такого-то года» появляются в памятниках письменности, включая иконопись и прикладное искусство, с конца XVI в.¹² В действительности круговая надпись на оборотной стороне буллы из раскопок 1977 г. должна быть прочтена следующим образом: «ПИСА[НАВ]ЪЛЪ 6924», т. е. «Писана в лъ[то] 1416».

Фрагменты еще трех булл, оттиснутых той же парой матриц, что и печать из раскопок 1977 г., поступили в фонды Псковского музея-заповедника¹³.

Любопытно стилистическое несоответствие лицевой и оборотной сторон буллы, оттиснутой второй парой матриц. Оформление лицевой сто-

роны буллы (точечный ободок по краю, безукоризненная каллиграфия букв) отличается от оформления оборотной стороны (линейные ободки, менее тщательное исполнение). Можно, по-видимому, утверждать, что матрицы, которыми оттиснута булла, изготовлены разными мастерами и в разное время.

Нам уже приходилось отмечать удачный опыт введения в научный оборот «словесных копий» с древних булл¹⁴. Первый метод атрибуции печати по дошедшей до нас словесной копии применил Н. П. Лихачев¹⁵, но наиболее активно его применял в отношении псковских печатей В. Л. Янин¹⁶. В связи с рассмотрением посадничьей сфрагистики обращает на себя внимание описание печати под грамотой 1483 г.: «А печати у правої грамоты: князь Ярослава Васильевича, а другая посадниковъ псковскихъ»¹⁷. Указание на посадничью печать имеется также в копии духовной Осипа: «А у подлинои даної печать вислая свинцовая посадничья»¹⁸.

Наибольший интерес вызывает описание печати при списке с купчей Анфима, сохранившей дату составления документа — 1425 г.: «А у даної печать свинцовая вислая, а на одной сторонѣ глава человека, а на другої сторонѣ печать посадничья псковская»¹⁹. На основании этого описания мы предполагаем, что в псковской посадничьей сфрагистике существовал еще один тип булл, пока не найденных, оформление которых было аналогично печатям «матриц 1425 г.»: лицевая сторона — атрибутивная надпись, указывавшая на принадлежность печати к юрисдикции посадников; оборотная сторона — изображение Довмонта-Тимофея²⁰. Находка печатей, оттиснутых матрицами второго типа, как представляется, подкрепляет это положение.

Булла из раскопок 1977 г. при внимательном рассмотрении дает основание считать, что матрицы, которыми она оттиснута, были изготовлены в разное время и представляют собой случайно сложившийся комплект. Судя по оттиску лицевой стороны, он исполнен матрицей, изготовленной в едином стилистическом ключе с матрицами печатей 1425 г. Матрица оборотной стороны исполнена менее артистично. С нашей точки зрения, она представляет собой реплику утраченной матрицы с изображением Довмонта, описание которого содержится при купчей Анфима. Однако такому предположению препятствует дата, помещенная в круговой надписи оборотной стороны, — 1416 г., относящая начало употребления в делопроизводстве печатей ко времени более раннему, чем 1425 г.

Противоречие снимается, если предположить, что дата круговой надписи не фиксирует изготовления матрицы, а перенесена на нее с более ранней матрицы, несшей изображение Довмонта. В этом нет ничего невероятного. Для псковской сфрагистики характерно применение дат-символов. С этим мы встречаемся на печатях 1425 г., применявшихся, как показал В. Л. Янин, вплоть до смены матриц буллотирия в 1469 г.²¹ Среди печатей 1425 г. зафиксированы оттиски не менее двух пар матриц, отличающихся размещением букв атрибутивной надписи по строкам и изображением лица (бородатое, безбородое), но сохраняющих одну и ту же дату завершения строительства персей. Буллы «матриц 1469 г.», по наблюдениям В. Л. Янина, находились в делопроизводстве по крайней мере до 1505 г.²² По-видимому, дата, содержащаяся на печати, фиксирует начало применения печати данного типа, но не обязательно данных конкретных матриц.

Не противоречит установлению относительной датировки матриц второго типа (оборотная сторона моложе, чем лицевая) применение ободков различного типа. Линейные ободки появляются на матрицах псковских печатей с XIII в., но характерны также для булл владычных наместников конца XV — начала XVI в. Точечные ободки появляются с введением матриц 1425 г. и употребляются до последней четверти XV в., т. е. период их употребления короче, чем у линейных ободков, но хронологически они существуют, возможно, сменяя друг друга.

Все изложенное позволяет представить развитие посадничьей сфра-

гистики в Пскове следующим образом: в XIV в. псковские посадники употребляют в делопроизводстве печати, оформленные двусторонними многострочными надписями (матрицы первого типа). В 1416 г. вводится новый тип буллы, несущий на оборотной стороне изображение князя Довмонта-Тимофея — святого покровителя Пскова, канонизированного не позднее третьей четверти XIV в.²³ В 1425 г. по образцу печати 1416 г. вводится государственная печать «матриц 1425 г.», которой скрепляли документы псковские князья. В какой-то момент матрица оборотной стороны у печатей 1416 г. была утрачена и взамен ее изготовлена новая, выполненная, однако, значительно схематичнее, возможно, наспех (матрицы второго типа).

Известные в настоящее время печати псковских посадников вкупе с дошедшими до нас словесными копиями при списках псковских грамот являются свидетельством существования в городе-республике особого института светской власти — суда посадников со своими атрибутами юрисдикции.

- ¹ *Лизачев Н. П.* Печати Пскова.—СА, 1960, 3, с. 233, 234.
- ² *Янин В. Л.* Вислые печати Пскова.—СА, 1960, 3, с. 248, 249.
- ³ *Янин В. Л.* Сфрагистический комментарий к псковским частным актам.— В кн.: Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966, с. 169.
- ⁴ *Белецкий В. Д.* Печать посадников псковских.—Сообщения ГЭ, 1974, XXXVIII, с. 29. В публикации год находки — 1960 — указан ошибочно.
- ⁵ *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси. X—XV вв. Т. II. Новгородские печати XIII—XV вв. М., 1970, с. 44, 45, 67, 89, 94, 98, 102, 103, № 442, 444—447, 537, 584—589, 595—598, 600—607, а также многочисленные тузунские печати, не имеющие узких дат, но относящиеся, по наблюдениям В. Л. Янина, к концу XIII — началу XV в. (там же, с. 105—111, № 614—669).
- ⁶ Консультация А. А. Медынцевой (ИА).
- ⁷ *Белецкий С. В.* Раскопки Псковского городища в 1977—1978 гг.— В кн.: Древнерусские города. М., 1981, с. 41.
- ⁸ *Белецкий С. В., Белецкая Н. А.* Новые раскопки Псковского городища.—АО 1977 г. М., 1978, с. 7.
- ⁹ *Белецкий С. В.* Раскопки Псковского городища..., с. 41, рис. 10, 3.
- ¹⁰ Консультация А. А. Медынцевой.
- ¹¹ *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI—XVII вв.). Киев, 1976, с. 335, табл. XV, 1, строка 2 сверху.
- ¹² См. например: *Антонова В. И., Мневина Н. Е.* Каталог древнерусской живописи. Опыт историко-художественной классификации. Т. 2. XVI — начало XVII в. М., 1963, № 693 (1605 г.), № 703 (1632 г.), № 767 (1671 г.), № 803 (1593 г.), № 896 (1676 г.), № 901 (1692 г.), № 947 (1674 г.), № 976 (1690 г.), № 977 (1706 г.), № 983 (1670 г.), № 1026 (1658 г.); *Смирнова Э. С.* Записи на иконах Заонежья как источник для истории северной

- живописи.— В кн.: Археографический ежегодник за 1966 г. М., 1968, с. 47 (1660 г.), с. 49 (1667 г.); *Николаева Т. В.* К изучению некрополя Троице-Сергиевой Лавры.— В кн.: Сообщения Загорского музея-заповедника, 1960, 3, с. 189, надгробие 1694 г. и др.
- ¹³ *Белецкий С. В.* Раскопки Псковского городища..., с. 61, примеч. 13.
- ¹⁴ *Белецкий В. Д.* Печать посадников псковских, с. 29.
- ¹⁵ *Лизачев Н. П.* Печати Пскова.
- ¹⁶ *Янин В. Л.* Вислые печати Пскова; *Он же.* Сфрагистический комментарий...
- ¹⁷ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949, с. 326, № 340.
- ¹⁸ *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты..., с. 75, № 35.
- ¹⁹ Там же, с. 61, № 21. В. Л. Янин полагает, что дата, упомянутая в документе, перешла в текст из описания буллы из-за ошибки переписчика (*Янин В. Л.* Сфрагистический комментарий..., с. 173), однако для такого заключения оснований, как представляется, нет. Во всех тех немногих случаях, когда в тексте копии приводится описание печати, ее дата не воспроизводится, и соответственно, в тех немногих случаях, когда в тексте грамоты есть дата (*Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты..., № 22, 32), она не имеет отношения к словесной копии с печати.
- ²⁰ *Белецкий В. Д.* Печать посадников псковских, с. 30.
- ²¹ *Янин В. Л.* Вислые печати Пскова, с. 247.
- ²² Там же.
- ²³ *Болговитинов Е.* (митрополит Евгений). История княжества Псковского с присовокуплением плана города Пскова. Киев, 1831; II, с. 14. В 1374 г. в Довмонтовом городе была возведена церковь во имя св. Тимофея-Довмонта, что указывает на канонизацию по крайней мере ранее этого времени.

ПСКОВСКИЕ ПУЛЫ

Псковские пулы — интересный нумизматический источник по истории периода, когда завершалось сложение Русского централизованного государства. Медным русским монетам конца XV—XVI в. посвящена специальная работа, в которой наряду с пулами Твери, Москвы и Новгорода рассматриваются 33 псковских пула¹. В настоящее время их известно 162 (см. Приложение), и они нуждаются в специальном обстоятельном анализе — разработке типологии, установлении метрологических особенностей, датировке чекана и обращения, а также топографировании мест находок.

Медные псковские монеты на основе изображений лицевой и особенностей надписи оборотной стороны подразделяются на три типа:

Тип I. Л.с.: двуглавый орел с распушенными крыльями впрямь. О.с.: трехстрочная надпись:

пѣло | псков | вское

В первой строке над буквой Ѣ и в третьей строке под буквой К помещено по две точки. Таких монет насчитывается 66. Впервые подобное пуло было описано С. Шодуаром², позже — Ф. Ф. Шубертом³ и И. И. Толстым⁴. Все они отнесли чеканку этих пул ко времени после присоединения Пскова к Москве, т. е. после 1510 г. (рис. 1, 1; 2, 1).

Тип II. Л.с.: двуглавый орел с распушенными крыльями впрямь. О.с.: трехстрочная надпись:

·пѣл· | псков | вское

Насчитывается 80 монет. Впервые описаны А. А. Ильиным в рукописном каталоге псковских монет собрания Эрмитажа (рис. 1, 2; 2, 2).

Тип III. Л.с.: крылатая сирена с раздвоенным и загнутым в разные стороны хвостом впрямь, голова в короне повернута направо. О.с.: трехстрочная надпись:

пѣло | псковс | вское з

В конце надписи после буквы Е помещен знак Σ. Таких монет известно 16. Впервые описаны А. А. Ильиным в рукописном каталоге псковских монет собрания Эрмитажа (рис. 1, 3; 2, 3).

Из 66 монет типа I вес известен у 64. Он колеблется от 0,1 до 0,8 г. Пик весовой диаграммы указывает на вес 0,4 г, а средний вес равен 0,38 г (рис. 3, 1). Весовая норма этих монет, по-видимому, равна 0,39 г. Это вес денги-московки, по которому их чеканили вплоть до денежной реформы 1530-х годов. Монетная стопа при такой весовой норме равна 520 пулам из гривенки меди (204 г). Большинство типов пул Москвы, Твери и Новгорода конца XV — начала XVI в. чеканилось по этой же весовой норме. Норма 0,39 г для пул вполне объяснима, так как чекан медной монеты в вес московской денги был удобен и для государства, регламентирующего монетную стопу, и для денежных мастеров, привыкших к изготовлению серебряных монет такого веса.

Вес монет типа II колеблется от 0,1 до 0,4 г. Пик весовой диаграммы показывает вес 0,2 г, а средний вес этих монет равняется 0,196 г (рис. 3, 2). Очевидно, что пулы типа II в весовом отношении являются фракцией типа I и составляют $\frac{1}{2}$ их часть. Соответственно весовая норма их равняется, вероятно, 0,195 г, а монетная стопа — 1040 пулам из гривенки меди. Изображение и надпись на этих монетах помещаются всегда не полностью, а лишь частично. Наверное штемпели для пул типа

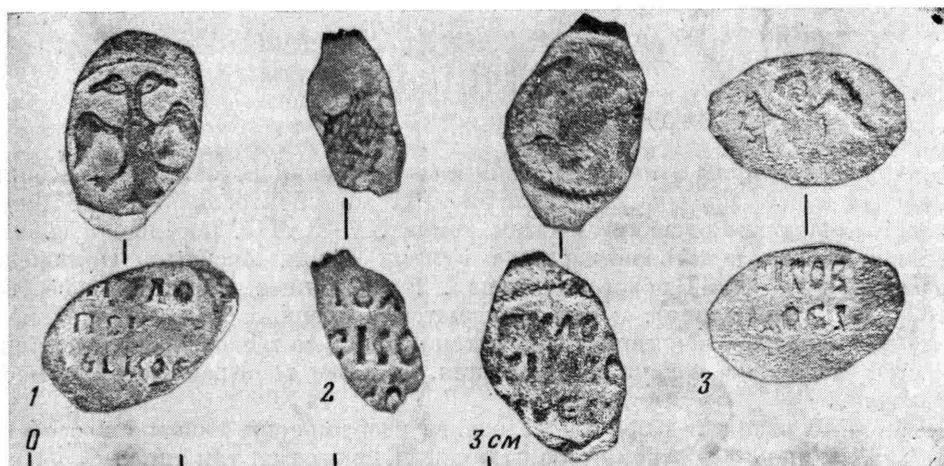

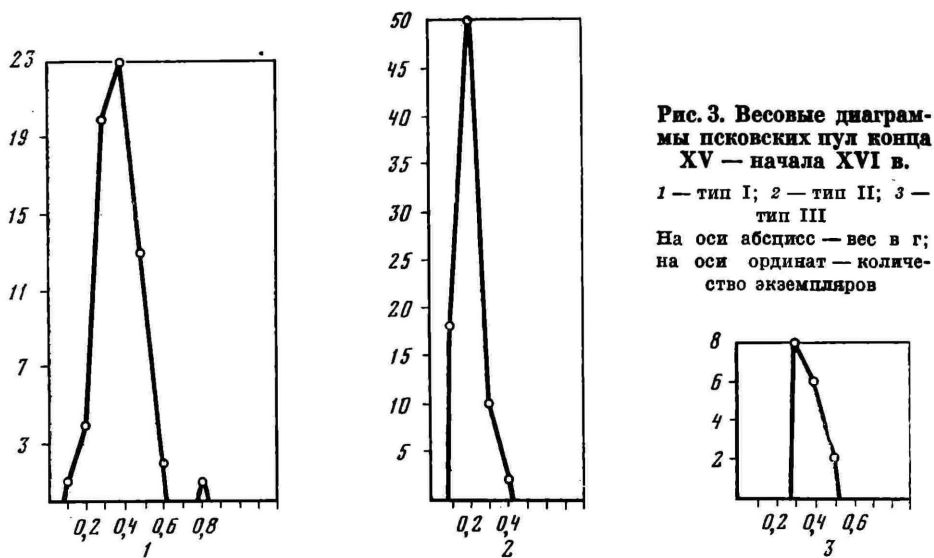
Рис. 1. Псковские пулы конца XV — начала XVI в.

1 — тип I; 2 — тип II; 3 — тип III (2 экз.)

Рис. 2. Прориси псковских пул конца XV — начала XVI в.

1 — тип I; 2 — тип II (надпись восстановлена по нескольким экземплярам); 3 — тип III

II по размерам были изготовлены такими же, как и для других монет, но во время их изготовления вес и соответственно размеры были по какой-то причине уменьшены.

На основе показаний весовых данных 16 монет типа III можно сделать лишь предварительные выводы. Пик весовой диаграммы показывает вес 0,3 г. Но судя по их среднему весу (0,348 г), они чеканились по той же весовой норме, что и пулы типа I (рис. 3, 3).

В XV в. в некоторых русских княжествах наряду с серебряными монетами—денгами чеканились и медные пулы. Впервые их начали изготавливать в начале XV в. в Твери и ее уделах: Кашине, Городене и Микулине. Известны пулы и некоторых других княжеств: Московского, Рязанского, Ярославского, Можайского, Суздальско-Нижегородского, Серпуховского, а также Новгорода. Массовый характер чеканка пул в XV в. приобрела лишь в Твери, во всех других местах она была эпизодической, и пул этих княжеств сохранилось немного. После присоединения к Москве Новгорода (1478 г.) и Твери (1486 г.) произошла унификация медной монеты. Ей было придано стилистическое единообразие и сильно был уменьшен ее вес. Ее начали чеканить по одной монетной стопе в Москве, Твери и Новгороде.

Начало изготовления псковских пул типов I и III следует относить, вероятно, к 90-м годам XV в., к периоду проведения московским великим князем мероприятий по созданию общерусской денежной системы. Именно в это время в Пскове, фактически полностью подчиненном Москве, вес серебряных монет увеличивается с 0,74—0,75 до 0,79 г, т. е. до веса денги-новгородки, и Псков включается в общерусскую денежную систему⁵. Производство в то время пул по образцу и весу монет, чеканившихся в других крупнейших центрах страны, вполне закономерно. Тип II псковских медных монет, наиболее многочисленных, следует признать самым поздним по времени чеканки. Ориентировочно появление их можно отнести к окончательному присоединению Пскова к Москве в 1510 г. В этот период по какой-то неизвестной нам причине вес псковских пул, вероятно, был в два раза понижен. После выпуска монет типа II все псковские пулы могли находиться в денежном обращении одновременно и несмотря на фактическую разницу весовых норм обладали скорее всего одинаковой покупательной способностью.

Медные русские монеты были кредитными деньгами, покупательная способность их была невелика, и маловероятно, что в Пскове в обращении одновременно находились пулы разных номиналов, относящиеся друг к другу как 1 : 2. Во время проведения денежной реформы правительством Елены Глинской (1535—1538 гг.) пулы, очевидно, уже не чеканились, так как все источники, свидетельствующие о проведении этой реформы, умалчивают о медной монете. Обращение же пул, в том числе и псковских, на основе письменных источников и некоторого кладового материала прослеживается вплоть до конца XVI в.⁶ Таким образом, изготовление псковских пул ориентировочно можно датировать временем от 90-х годов XV в. до середины 30-х годов XVI в.

В заключение рассмотрим топографию находок псковских пул. Из 66 монет типа I лишь о 20 известно, где они найдены: 14 — в Пскове, шесть — в Новгороде. Из 80 монет типа II места находок известны у 57: две найдены в Пскове, 50 — в Новгороде, четыре — в Калинин (б. Тверь) и одна — в Торжке. Из 16 монет типа III четыре найдены в Пскове. Таким образом, известно местонахождение 81 монеты. Из них 20 происходят из Пскова, 56 — из Новгорода, четыре — из Калинина и одна — из Торжка. Почти во всех случаях монеты найдены на берегах рек, где происходит постоянное размывание культурных слоев. Псковские пулы выходили за пределы Пскова и, подобно медным монетам других городов, широко обращались на территории всего Московского государства. Незначительное количество находок псковских пул в Пскове по сравнению с Новгородом объясняется тем, что сведения о русских монетах XV—XVI вв. из Пскова очень немногочисленны. В Новгороде же этих монет зарегистрировано около двух с половиной тысяч.

Характеристика псковских пул

Место хранения, издание	Тип I	Тип II	Тип III	Место находки
ОН ГЭ, основной фонд	7	1	7	?
ОН ГЭ, дублиеты до 1921 г.	18	17	3	?
ОН ГИМ	4	2	2	?
ОН ГИМ, коллекция Е. А. Пахомова	12	3	—	? (одна монета типа I — из Пскова)
Арх.О ГИМ	—	1	—	Новгород
ПГМ	3	2	1	Псков
НГМ	2	8	—	Новгород (монеты типа II — с Городища)
НГМ, коллекция Г. М. Штендера	1	5	—	Новгород
НГМ, коллекция В. В. Лукьянова	4	—	1	?
КГМ	—	2	—	Калинин
КГМ, коллекция Е. А. Бодунова	—	2	—	Калинин
Коллекция В. М. Мусийчука (Псков)	10*	—	3	Псков
Коллекция А. Ф. Петрова (Новгород)	3	32	—	Новгород
Коллекция М. В. Шорина (Новгород)	—	3	—	Новгород
Коллекция В. И. Поветкина (Новгород)	—	1	—	Новгород
Коллекция А. Е. Сергеева (Торжок)	—	1	—	Торжок
Коллекция А. В. Чернецова (Москва)	1	—	—	?
С. Шодуар**	1	—	—	?
Итого:	66	80	16	

* Известен вес восьми монет.

** Шодуар С. Обзорение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древнейших времен, СПб., 1841, II.

¹ Гайдук П. Г. Медные русские монеты конца XV—XVI в.— НЭ, 1984, XIV.² Шодуар С. Обзорение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древнейших времен. СПб., 1841, II, с. 295, № 3072. С. Шодуаром описано пуло из коллекции Ф. Ф. Шуберта.³ Шуберт Ф. Ф. Описание русских монет и медалей. СПб., 1843, I, с. 29, № 121.⁴ Толстой И. И. Русская допетровская нумизматика. Вып. II. Монеты псковские. СПб., 1886, с. 133, № 598.⁵ Мельникова А. С. Псковские монеты XV в.— НЭ, 1963, IV, с. 238, 243.⁶ Гайдук П. Г. Медные русские монеты...

Л. Г. ПАНИЧЕВА

ХРОНОЛОГИЯ БЕЛОРУССКИХ ИЗРАЗЦОВ
XIV—XVII ВВ.

Хронология позднесредневековых белорусских изразцов — одна из наиболее сложных проблем в их изучении. До сих пор отсутствуют четкие хронологические границы бытования тех или иных типов и видов изразцов, не установлено точное время их появления на территории Белоруссии, что связано с неразработанностью истории производства архитектурно-декоративной керамики в целом. При определении хронологии

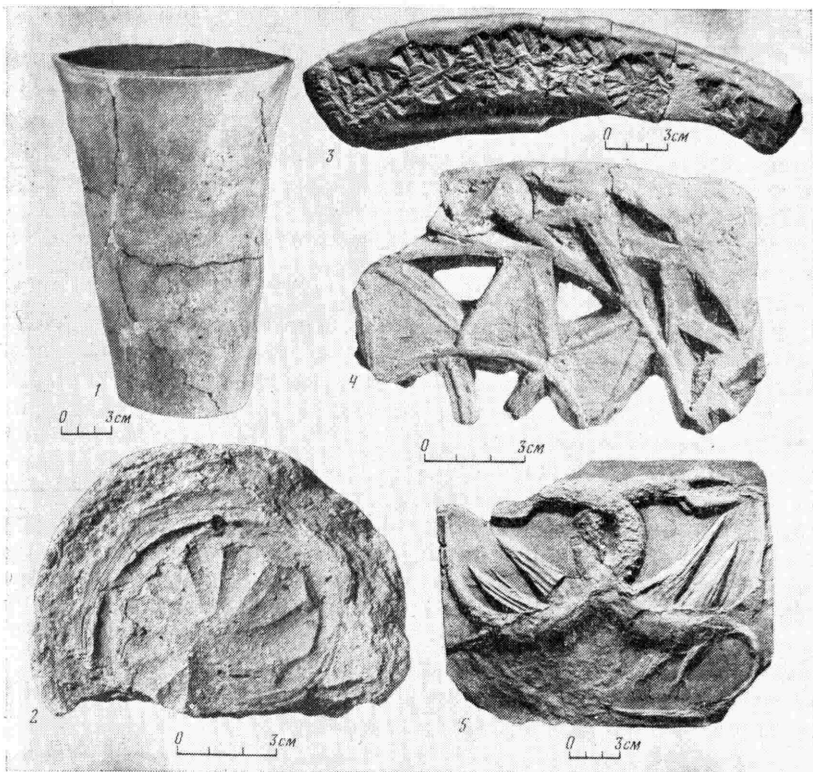

Рис. 1. Изразцы XIV—XV вв.

1 — изразец с круглым устьем (начало XIV в.); 2 — орнаментированное дно сосудобразного изразца (вторая половина XIV в.); 3 — орнаментированный пояс-карниз (вторая половина XIV в.); 4 — решетчатый (ажурный) изразец (конец XIV—XV в.); 5 — готический изразец с прямоугольной лицевой пластиной (XV в.)

белорусских изразцов использовались типологическая и стилистическая классификация и данные стратиграфии.

Относительная хронология. Стратиграфически самыми ранними являются сосудобразные изразцы (тип 1). Они господствуют в нижнем слое замка в Лиде и в развалах печей 1—3, открытых в деревянной пристройке к княжескому дворцу в Полоцке¹. При раскопках в Дзержинске (Койданове) и Новогрудке также было заметно преобладание сосудобразных изразцов в нижних слоях, а в перекрывающих доминировали изразцы с прямоугольными лицевыми пластинами².

Среди сосудобразных изразцов выделяются стратиграфически более ранние изразцы вида А с устьем круглой формы (рис. 1, 1), обнаруженные в развале самой нижней печи 1 в Полоцке и в предматериковом слое в Лиде. Эти изразцы изготовлены из глиняного теста темно-коричневого цвета с примесью крупной дресвы. Высота их достигает 21,5—24 см.

В развале печи 2 в Полоцке, расположенной в слое, перекрывающем остатки печи 1, найдены изразцы вида Б с устьями в форме квадрифолия (высота 21,5—22 см) и изразцы вида А. Вероятно, изразцы вида А (и облицовки печи 1) вторично использовались в облицовке печи 2. Развал печи 3, отделенный от печей 1 и 2 прослойкой, содержал изразцы видов А, Б, В с устьями соответственно круглой, квадрифолиальной, четырехугольной форм. Тесто этих изразцов оранжево-красного цвета, с примесью дресвы, а их высота значительно меньше, нежели у изразцов из развалов первых двух печей, — не более 15 см. Здесь же были найде-

ны донца изразцов, украшенных со стороны, обращенной к зрителю, рельефными многолепестковыми розетками, прочерченными по сырой глине пальцами (рис. 1, 2), и обломки стратиграфически самого раннего глиняного печного пояса-карниза со штампованным орнаментом из многолепестковых розеток (рис. 1, 3).

Сосудообразные изразцы сменились изразцами с прямоугольными лицевыми пластинами. Они обнаружены в слоях, перекрывающих слой с сосудообразными изразцами (Полоцк, Лида, Дзержинск и др.). Стратиграфически наиболее ранние среди них — изразцы, изготовленные из хорошо отощающей примеси добавлялась не дресва, а мелкий песок (Полоцк, Дзержинск, Копысь). Как правило, они безразмочные, неглазурованные, с румпами архаичного типа (т. е. почти не отступающими от края лицевой пластины), с круглыми нагревающими отверстиями. Высота их достигает 15 см. Орнамент выполнен очень высоким рельефом. В комплексе с ними встречаются решетчатые изразцы и резные коронки (Полоцк — развал печи 4, Дзержинск).

Стратиграфически более поздними являются глазурованные и неглазурованные изразцы с прямоугольными рамочными и безрамочными лицевыми пластинами, украшенными низким орнаментальным рельефом, и румпой (высотой 5—6 см с квадратным или прямоугольным нагревающим отверстием), отступающей от края лицевой пластины. Это прослеживается по развалу печи 5 в Полоцке, по перекрывающим ранние комплексы более поздним слоям в Дзержинске, Лиде, Новогрудке.

Абсолютная хронология. Хронологическая последовательность типов и видов изразцов подтверждается типологической классификацией и стилистическим анализом, многочисленными аналогиями со смежных территорий и данными дендрохронологии. Так, анализ двух деревянных плах из основания пристройки к княжескому дворцу (Полоцк), где были найдены развалы пяти разновременных изразцовых печей, последовательно сменявших друг друга, определил дату — 1304 г.³, т. е. самое начало XIV в. Следовательно, к этому времени относятся сосудообразные высокие (до 21,5—24 см) изразцы с круглым устьем, обнаруженные в развале печи 1. В предматериковом слое замка в Лиде обнаружены аналогичные изразцы. Известно, что замок был построен в 1323 г., соответственно и печи с облицовкой из высоких сосудообразных изразцов с круглым устьем появились там не позднее первой четверти XIV в. Этим изразцам имеются многочисленные аналогии на соседних европейских территориях, датированные первой половиной XIV в., а некоторые исследователи не исключают возможности их появления в XIII в.⁴

Известно изображение печи на фреске из дома «zur Kunkel», построенного в XII в., а около 1300 г. украшенного циклами фресок. На одной из них изображена женщина, отдыхающая на ложе перед печью. Это одно из древнейших изображений изразцовых печей. Рисунок очень схематичен, без намека на перспективу, но тем не менее видно, что печную облицовку составляет несколько рядов изразцов с круглыми устьями⁵.

На протяжении второй половины XIV в. отмечается развитие изразцов типа I: уменьшается их высота, усложняется форма устья. Большую популярность получают изразцы с квадрифолийными, прямоугольными и треугольными (или сердцевидными) устьями. Такое усложнение формы устья изразца придавало определенную декоративность печной облицовке, что было вполне в духе готического искусства с его широким использованием таких орнаментальных мотивов, как шести- и четырехлистные, прямоугольные и треугольные, в архитектурном декоре XIV—XV вв.⁶ Продолжают использоваться и изразцы с круглым устьем, но форма устья — это единственное, что связывает их с первоначальными изразцами, так как по всем другим характеристикам (высота, состав глиняного теста) они относятся к изразцам второй половины XIV в. К этому же

времени относится и появление первых декоративных деталей печной облицовки (глиняные карнизы, украшенные многолепестковыми розетками), найденных в одном комплексе с сосудообразными изразцами видов Б, В, Г в Полоцке.

Известные на соседних территориях аналогичные изразцы также датируются второй половиной XIV в.⁷ На отдельных памятниках они продолжали бытовать вплоть до конца XV в., иногда используясь в одной печной облицовке с изразцами типа III — с прямоугольными лицевыми пластинами (Лида).

Появлением и развитием изразцов типов II и III определяется новый хронологический этап в истории изразцового производства. Самыми ранними являются изразцы типа II — решетчатые, имеющие дно и тулово сосудообразного изразца, с устьем прямоугольной формы, перекрытым ажурной решеткой (рис. 1, 4). Техника выполнения сосудообразного тулова и декоративное оформление устья, характерное для готического стиля⁸, позволяют датировать решетчатые изразцы концом XIV—XV в. Эту датировку подтверждают стратиграфические данные (Полоцк; Дзержинск) и многочисленные аналогии с соседних европейских территорий⁹.

К этому же времени относятся и первые резные коронки, встречающиеся в одних слоях с решетчатыми изразцами (Полоцк, Дзержинск).

Появившиеся на рубеже XIV—XV вв. изразцы типа II вида Б — со сплошными лицевыми пластинами с рельефным декором и цилиндрическими румпами высотой 13—15 см, почти не отступающими от края лицевой пластины, — какое-то время, вероятно, сосуществовали с решетчатыми изразцами, часто используясь с ними в одной печной облицовке, о чем свидетельствуют данные стратиграфии (Полоцк). Декор их лицевых пластин прямоугольного или квадратного формата без оконтуривающей рамки отличается очень высоким рельефом, что свойственно готическому стилю (рис. 1, 5)¹⁰, и характером орнамента, включающего сюжетные сцены, геометрические и фольклорные мотивы, получившие широкое распространение в искусстве готики XV—XVI вв.¹¹

В первой половине XVI в. появляются рамочные изразцы с лицевой пластиной прямоугольного и квадратного формата и румпой в виде усеченной пирамиды, высота которой не превышала 8—10 см, несколько более отступающей от края лицевой пластины с овальным нагревающим отверстием, оформленным двойным или одинарным, отогнутым наружу кантом. Постепенно к середине XVI в. они вытеснили из употребления изразцы с высоким готическим орнаментальным рельефом и высокой цилиндрической румпой.

Карнизные изразцы появились не позднее середины XVI в., а возможно, и ранее, в пользу чего говорит орнамент их лицевых пластин, содержащий геометрические мотивы (Новогрудок, Дзержинск, Полоцк), распространенные в готическом искусстве. Что же касается угловых изразцов, то из-за небольшого количества находок трудно установить время их появления. Можно лишь отметить, что во второй половине XVI в. они уже использовались в печных облицовках (Копысь).

В течение XVI—XVII вв. изразцы с прямоугольными лицевыми пластинами претерпели многообразные изменения. К середине XVI в. массивные изразцы с толстой (до 2 см) лицевой пластиной сменяются изразцами с лицевой пластиной толщиной 0,5—1,0 см, украшенными растительным орнаментом, выполненным низким рельефом и популярным во второй половине XVI—XVII в. Одновременно уменьшается высота румпы, достигающей к XVII в. не более 5—7 см. Но если по своей конструкции изразцы типа II, в отличие от изразцов типа I, не изменились радикально, то их орнаментика преобразовалась в соответствии с изменением стилей в европейском искусстве более существенным образом. Так, если в XIV — первой половине XVI в. наиболее популярными были изразцы с геометрическим узором, изображениями животных и с орнамен-

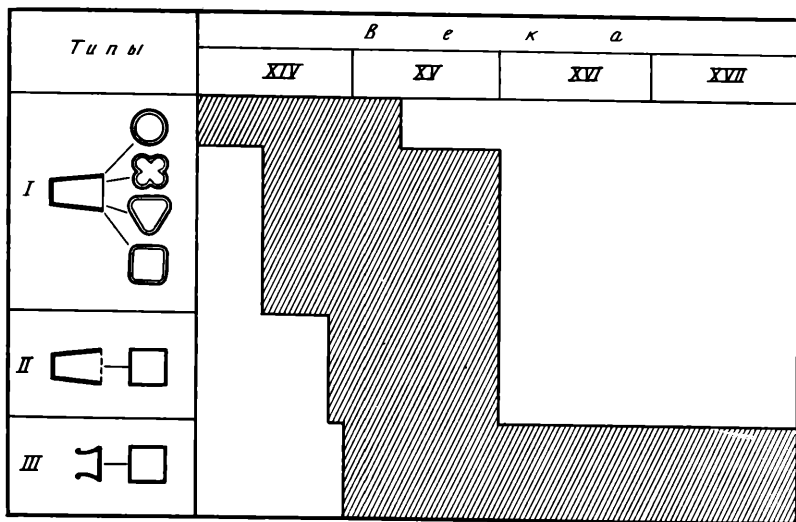

Рис. 2. Хронологическая схема развития белорусских изразцов

том сюжетного характера, то с середины XVI в. они уступают место изразцам с растительным и геральдическим орнаментом, встречаясь лишь в редких случаях¹². С этого времени в производстве белорусской архитектурно-декоративной керамики начинает широко применяться глазурь, в основном зеленого цвета, появившаяся не позднее первой половины XVI в. (по стратиграфическим данным из Полоцка). С XVII в. применяются разноцветные глазури, о чем свидетельствуют письменные источники. Так, в инвентаре Мирского замка от 15 октября 1688 г. среди 25 перечисленных изразцовых печей упоминаются шесть печей, облицованных полихромными изразцами: «Печь из пестрого изразца — 1. Печь, крытая лаком из пестрого изразца, заново отремонтированная, — 1. Печь новая лакированная из пестрого изразца с орлами — 1. Круглая пестрая печь небольшая — 1. Печь, отремонтированная, из старого пестрого изразца, — 2»¹³.

Таким образом, относительная и абсолютная хронология показала общую линию развития белорусских изразцов (рис. 2), в истории производства которых выделяются два этапа: I (XIV в.) — период появления первых изразцов сосудобразной формы; II (XV—XVII вв.) — период стабилизации производства. С этапом II связаны изменения конструкции изразца и возникновение новых технологических приемов производства.

¹ Ратнопорт П. А., Шолохова Е. В. Дворец в Полоцке.— КСИА, 1981, 164, с. 95—98; Паничева Л. Г. Изразцы и изразцовые печи позднесредневекового Полоцка.— СА, 1981, 3; Трусов О. А., Паничева Л. Г. Раскопки в Лидском замке.— АО 1978 г. М., 1979, с. 446, 447.

² Пользуюсь случаем выразить благодарность Ф. Д. Гуревич, М. В. Малевской, Э. М. Загоруйскому, ознакомивших меня с неопубликованными коллекциями изразцов из своих раскопок.

³ Определение Н. Б. Черных.

⁴ Franz-Berdau R. Entstehung und Frühformen des Kachelofens.— In: Forschungen und Fortschritte. Berlin, 1958, 32. Jg., H. 6, S. 184, Abb. 5; Holčík St. Nález kachlůvey pece v Senkviciach.—

In: Zbornik Slovenského národného múzea. Bratislava, 1973, LXVII, Historia, 13, S. 118; Smetanka Z. Technologie výroby českých kachlů od počátku 14. do počátku 16. století.— In: Památky archeologicke, 1968, r. LIX, č. 2, s. 544; Nekuda V., Reichertova K. Středověka keramika v Čechách a na Morave. Brno, 1968, S. 126; Radomešský P. Středověka keramika.— In: Muzejní a vlastivědná práce. Praha, 1965, t. 3, N 1—4, S. 15—25.

⁵ Holčík St. Nález kachlůvey pece v Senkviciach, s. 120, 121, obr. 2.

⁶ Верховская А. С. Западноевропейская выпивка XII—XIX вв. в Эрмитаже. Л., 1961, с. 12.

⁷ Tautavičius A. Vilniaus pilies kokliai. Vilnius, 1969, p. 2, 3, pav. 1, 2; Bucui-

- oc E. Noi date arheologice asupra vechii mănăstiri a Humorului.— În: *Suceava: Anuarul muzeului județean*, 1978, V, p. 188; *Smetanka Z. Kachle na Pražském hradě.*— În: *Památky archeologické*, 1958, r. XLIC, č. 1, S. 262.
- ⁸ *Falke J.*, von. *Geschichte der Deutschen Kunstgewerbes.* Berlin, 1888, S. 97, Abb. 30; S. 102, Abb. 35.
- ⁹ *Franz R.* *Der Kachelofen.* Graz, 1969, S. 31—36, 42, 43, Fig. 13—16; *Nagel H.* *Kachelofen des 15. bis 17. Jahrhunderts.* Darmstadt, o. J., S. 7, Abb. 2; *Méri J.* *Figurenverzierte ofenkacheln volkstümlichen Charakters aus dem mittelalterlichen Ungarn.*— În: *Acta archaeologica.* Budapest, 1960, t. XII, S. 344; *World Ceramics.* London, 1968, p. 127, pl. 364.
- ¹⁰ *Rada P.* *Kniha o technikách keramiky.* Praha, 1956, S. 275.
- ¹¹ *Гершензон-Чегодаева Н. М.* *Возрождение в немецком искусстве.*— В кн.: *Ренессанс. Барокко. Классицизм.* М., 1966, с. 108.
- ¹² В такой же хронологической последовательности изразцы типа II развивались на территории всей Европы. См.: *Вусциос Е.* *Новые данные...*, p. 179—190; *Franz R.* *Der Kachelofen*; *Tautavičius A.* *Vilniaus pilies kokliai*; *Tunzelman H.* *Die alte einheimische Kachelkunst und die Ofenkacheln im Rigaer Dommuseum.* Riga, 1933; *Zubrzycki J. S.* *Kaflarstwo Polskie.* Lublin, 1915; *Voit P.*, *Holl J.* *Alte ungarische Ofenkacheln.* Budapest, 1963, S. 5—59.
- ¹³ ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, ед. хр. 4468, л. 13—19.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

П. Д. МАЛЫГИН

РАСКОПКИ НА НИЖНЕМ ГОРОДИЩЕ В ТОРЖКЕ

Торжок — один из древнейших городов Верхневолжья. Первое летописное упоминание о нем относится к 1139 г.¹ По другим данным город существовал уже в начале XI в.² В XII—XIV вв. он играл важную стратегическую и экономическую роль в составе Новгородской феодальной республики. В 1478 г. Торжок был присоединен к Московскому государству.

Основным археологическим памятником Торжка является комплекс двух городищ — Верхнего и Нижнего, расположенных на мысу при впадении ручья Здоровца в Тверцу (рис. 1). Верхнее городище находится на высоте 25 м над уровнем воды в Тверце, Нижнее — на высоте 8—12 м. Оба городища принадлежат к типу мысовых. На городищах сохранились остатки земляных валов и рвов, которые сооружены с напольной стороны. Нижнее городище плотно застроено городскими кварталами.

Археологическое изучение Нижнего городища началось со второй половины XIX в. Любительскими раскопками В. А. Долгорукова, С. И. Гребенщикова, В. И. Назарина и И. К. Линдемана на набережных Тверцы и Здоровца были обнаружены каменные сооружения³. В 1957 г. П. А. Раппопорт частично прорезал валы Верхнего и Нижнего городищ. Был сделан вывод, что поселение в Торжке возникло в XI в., вал Верхнего городища сооружен в XII—XIII вв., вал Нижнего — в XIV в., причем Нижнее городище появилось в результате расширения первоначального ядра крепости на Верхнем городище⁴. Небольшой раскоп в основании вала Нижнего городища не был доведен до материка. В 1969 г. Н. И. Ивановская заложила на Нижнем городище близ набережной Тверцы раскоп площадью 24 кв. м. Были исследованы культурные напластования XIV—XVII вв. Нижележащие слои изучить не удалось, так как с глубины 2 м грунтовые воды полностью заливали раскоп⁵. В 1979 г. на Нижнем городище проводились наблюдения за земляными работами. Были обнаружены фрагменты гончарной керамики X—XI вв.⁶

В 1981 г. экспедиция Калининского университета заложила раскоп во дворе дома 8 по ул. Медниковых. Раскоп имел площадь 12 × 8 м. По данным бурения мощность культурного слоя здесь достигала 2—3 м. По-видимому, это был периферийный район Нижнего городища, так как на набережной Тверцы и на мысовой части городища мощность культурного слоя составляла 5—6 м (рис. 1).

Культурный слой выбирался горизонтальными пластами толщиной по 20 см (рис. 2). Нижние слои, которые имели резкий перепад с запада на восток, выделялись в пределах пластов по цвету. Верхние слои представляли собой сыпучий перемешанный грунт с тонкими прослойками угля и строительного мусора. Много поздних перекопов. Дерево почти не сохраняется. На глубине 1,3 м от поверхности в северо-западной части раскопа выявлены мощное пятно рыжей глины и следы древесного тлена. Здесь обнаружено большое количество глиняных свистулков, фигурок,

миниатюрных сосудов. Возможно, это следы гончарной мастерской. Слой может быть датирован XVI—XVII вв.

Ниже залежали прослойка угля и мощный слой черного гумуса с углем и золой, в котором никакие конструкции не прослеживаются. Слой этот подстилала еще одна прослойка пожара, под которой вскрыты остатки яруса 1 деревянной мостовой (рис. 2; 3, а). Мостовая шла с юга — юго-востока на север — северо-запад и представляла собой конструкцию из двух рядов лаг и положенных на них вплотную друг к другу плах. Плахи — подтесанные с верхней стороны тонкие сосновые бревна шириной 8—10 см. Максимальная ширина мостовой 3 м. В двух местах мостовая пробита поздними перекопами. В слое яруса 1 обнаружены керамика XV—XVI вв. (рис. 4, 1, 2), пательный бронзовый крестик XV—XVI вв. (рис. 4, 3), железный замок типа Е середины XV—XVI вв. (рис. 4, 5)⁷. Находки позволяют датировать мостовую второй половиной XV в. В центральной части вскрытого участка мостовой, непосредственно под лагами, обнаружено три конских черепа, положенных сюда, возможно, в ритуальных целях.

С восточной стороны к мостовой примыкал деревянный сруб, сохранившийся на два венца. Основная часть сруба располагалась за пределами раскопа. С северной стороны к срубам подходила вымостка, сооруженная из тонких бревен. Сруб составляет единый строительный горизонт с ярусом 1 мостовой.

Под мостовой прослежен мощный слой подсыпки земли и щепы (рис. 2). Слои, лежащие ниже яруса 1, а также материковая поверхность имели значительный перепад с запада на восток. Поэтому в пределах одного пласта культурный слой на разных участках раскопа не совпадал хронологически. Для установления хронологического соответствия составлены графики полигонов распределения по пластам фрагментов стеклянных браслетов для восточной (квадраты 1—6), центральной (квадраты 7—18) и западной (квадраты 19—24) линий квадратов (рис. 4, E)⁸.

Под подсыпкой яруса 1 мостовой залегал влажный черный слой с обильными включениями угля мощностью до 60 см (рис. 2). В этом слое обнаружены обгоревшие доски и деревянные сваи — видимо, остатки чашеколы. Средняя часть этого слоя бедна находками: керамика XIV в. (рис. 4, 7, 8), небольшой плоский ромбовидный наконечник стрелы XIV—XV вв. (рис. 4, 9)⁹, железные изделия (рис. 4, 10, 11), несколько обломков стеклянных браслетов.

Нижняя часть черного слоя с углем соответствует середине — второй половине XIII в. Керамика представлена формами XIII в. (рис. 4, 12, 13). Обнаружены шиферные и песчаниковое пряслица (рис. 4, 14, 15), граненый наконечник стрелы с перехватом и упором для древка (рис. 4, 19), близкий по форме к наконечникам XII — первой половины XIII в.¹⁰, бронзовая застежка от книжного переплета (рис. 4, 18), аналогичная рязанской XIII в.¹¹

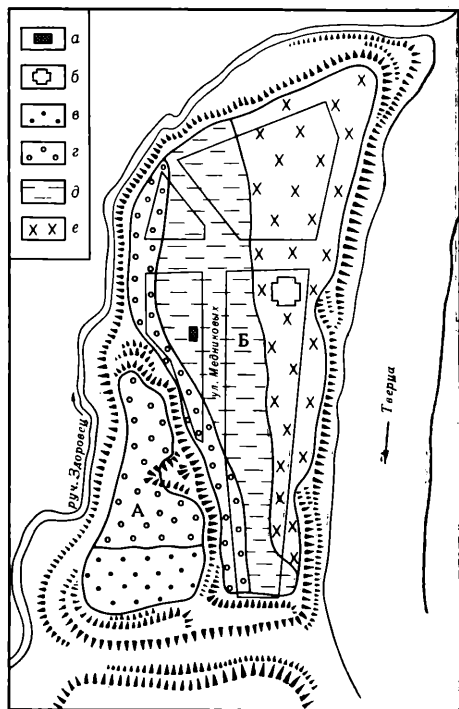
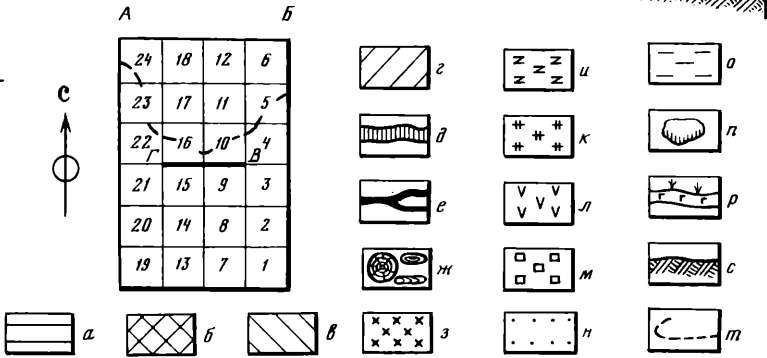
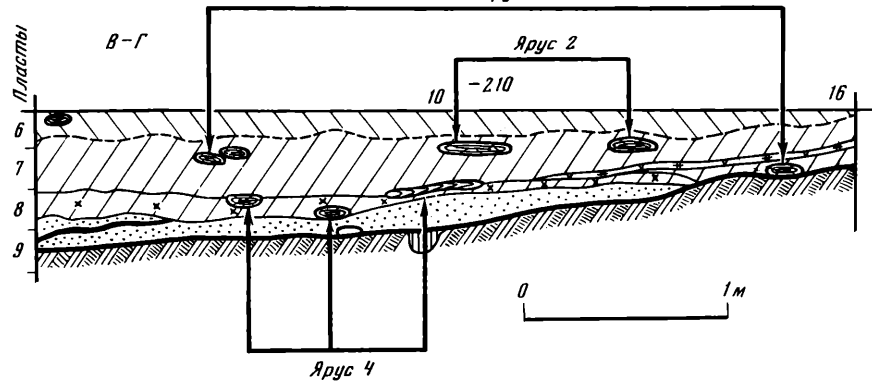
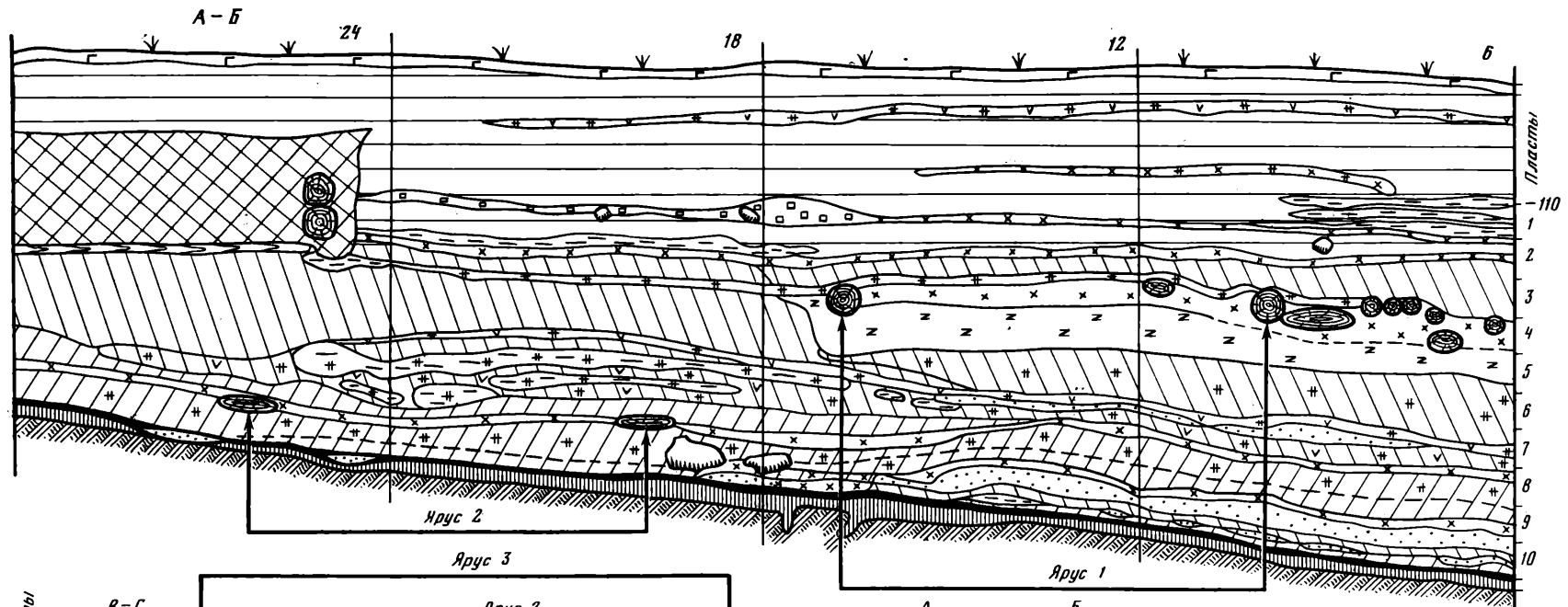

Рис. 1. Верхнее (А) и Нижнее (Б) городища Торжка. Схематический план

а — раскоп 1981 г.; б — собор Спаса; в—е — мощность культурного слоя: в — 0,5—1 м, г — 1—2 м, д — 2,4 м, е — 4—6 м

Из этого слоя происходит вислая свинцовая печать (рис. 4, 16; 5). С одной стороны на ней изображен святой с крестом в левой руке — видимо, Андрей; с другой стороны — Богоматерь Знамение. Изображение св. Андрея выполнено в традициях XII в. Богоматерь Знамение аналогична изображениям на анонимных новгородских владычных печатях конца XIII в. Можно предположить, что эта печать (видимо, владычного круга) изготовлена во второй половине XIII в. с использованием матрицы XII в.¹²

В том же слое встречены обломки стеклянных браслетов (рис. 4, E), что свидетельствует об их распространении в Торжке и после разорения его в 1238 г. монголо-татарами.

Черный слой с углем подстилала прослойка пожара, под которой залегал мощный (20—30 см) слой рыжей, частично обожженной глины, пещины, обожженных камней, угля и золы (рис. 2). В этом слое встречена керамика XIII в., аналогичная новгородской¹³. Среди находок — железная булава XIII—XIV вв. (рис. 4, 22)¹⁴, бронзовая пуговица XI—XV вв. (рис. 4, 21)¹⁵, обломки стеклянных браслетов. В этом же слое найдена сабля (рис. 4, 23), близкая по форме сабле XII—XIII вв. из Липовецкого кургана¹⁶. Помимо развала обожженных камней и пещины, никакие другие конструкции в слое не сохранились. Этот слой следует датировать первой половиной XIII в. и связывать с разорением Торжка 1238 г. монголо-татарами.

Ниже расположен черно-коричневый слой с вкраплениями угля. Из него происходит максимальное количество обломков стеклянных браслетов (рис. 4, E). Найден цилиндрический замок типа В, датируемый XII в.¹⁷ Здесь же встречены мелкие куски бурого цвета — смесь земли и разрушенной древесины с серебряными блестками. Аналогичные куски земли и древесины, только с золотыми блестками, обнаружены на Троицком раскопе в Новгороде. Они интерпретируются как разрушенные иконы, позолоченные или посеребренные металлическим листовым золотом или серебром¹⁸.

Непосредственно под этим слоем вскрыты остатки яруса 2 мостовой (рис. 3, б), представленной сильно истлевшими лагами, положенными в два, а местами — в три ряда, и небольшими участками истлевого настила из плах. Мостовая шла с юго-востока на северо-запад, т. е. по сравнению с ярусом 1 была несколько смещена в западном направлении. С восточной стороны к мостовой примыкал настил из широких досок. В северной части вскрытого участка мостовой прослеживаются остатки перекрестка двух улиц. Мостовая поперечной улицы была направлена строго на собор Спаса и бывшую вечернюю площадь (рис. 1). Слой, соответствующий ярусу 2 мостовой, содержит керамику XII в. (рис. 4, 24, 25)¹⁹. Обнаружены фрагменты стеклянных браслетов (рис. 4, E), которые в Новгороде получают широкое распространение со второй четверти — середины XII в.²⁰ Из этого слоя происходит наибольшее количество фрагментов стеклянной посуды (рис. 4, 28, 29). Употребление сосудов таких типов в Новгороде «ограничено рамками XII в.»²¹ Встречены фрагменты красноглиняных амфор (рис. 4, 27). В Новгороде число амфор достигает максимума в XII в., а «монгольское нашествие оказывает рубежом, отделяющим более поздние слои, в которых практически нет амфорных обломков»²². Из этого же слоя происходит ряд находок, характерных для XII в.: цилиндрический замок типа В (рис. 4, 34)²³, бронебойный наконечник квадратного сечения с перехватом у

Рис. 2. Стратиграфия раскопа 1981 г.

а — верхний сыпучий перемешанный слой; б — перекопы; в — черно-серый и черно-коричневый слои; г — коричневый и коричнево-черный плотный слой; д — предматериковый слой; е — прослойка угля, золы и погребенного дерна; ж — деревянные конструкции; з — древесный тлен; и — щепка; к — уголь; л — зола; м — строительный мусор; н — песок; о — глина; п — камень; р — дерн; с — материк; т — граница предматерикового слоя

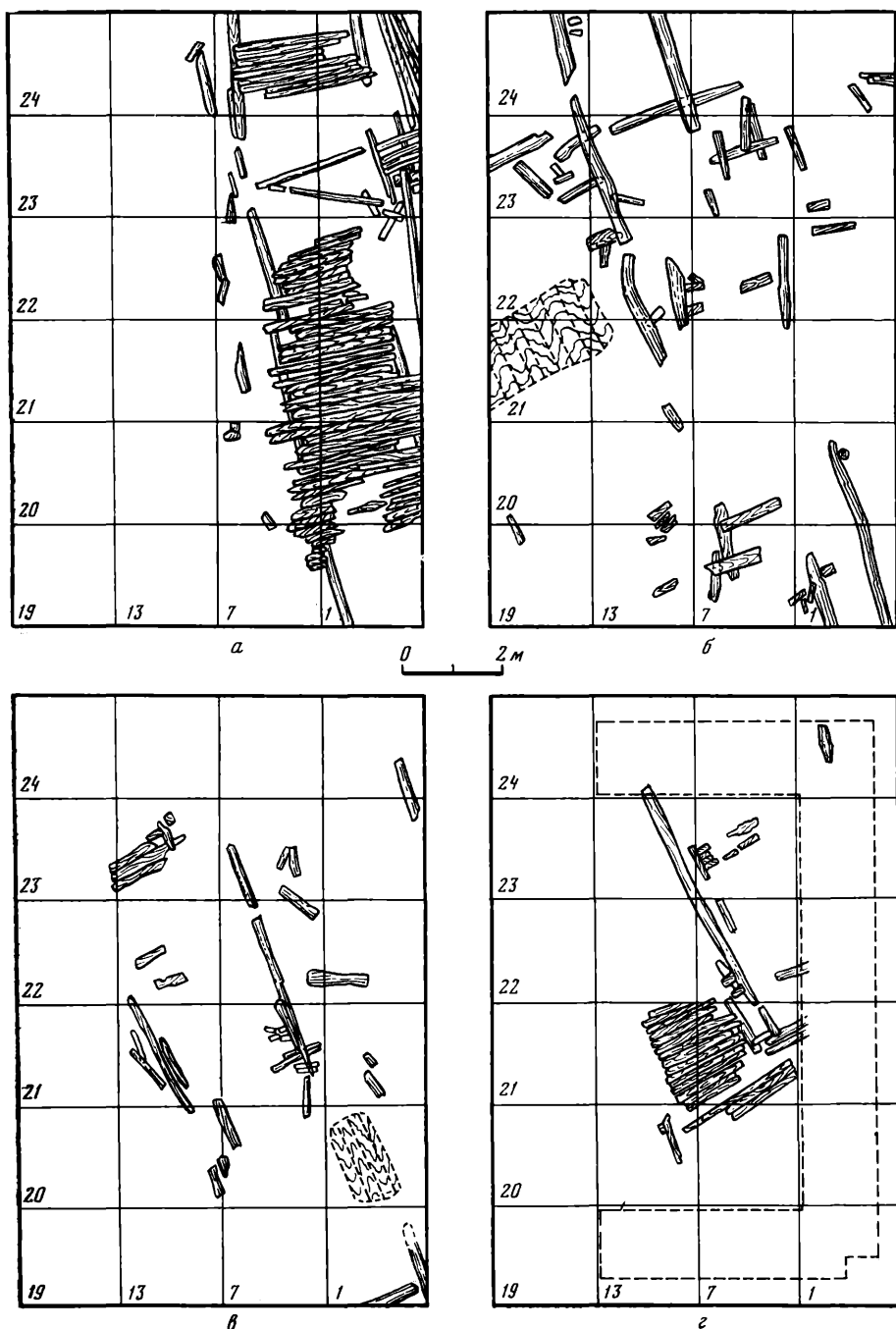

Рис. 3. Деревянные конструкции

а — ярус 1 мостовой; б — ярус 2; в — ярус 3; г — ярус 4 (пунктиром отмечен не вскрытый участок)

черешка (рис. 4, 30)²⁴, втульчатый костяной наконечник «томар» (рис. 4, 31)²⁵, двусторонний наборный гребень (рис. 4, 33)²⁶, бронзовый двойной витой браслет (рис. 4, 35)²⁷, зонные и винтообразные стеклянные бусы²⁸. Таким образом, ярус 2 мостовой и соответствующую ему верхнюю часть плотного коричневого слоя можно датировать XII в.

В средней части плотного коричневого слоя вскрыты остатки яруса 3 деревянной мостовой (рис. 2; 3, в). Частично сохранились два ряда силь-

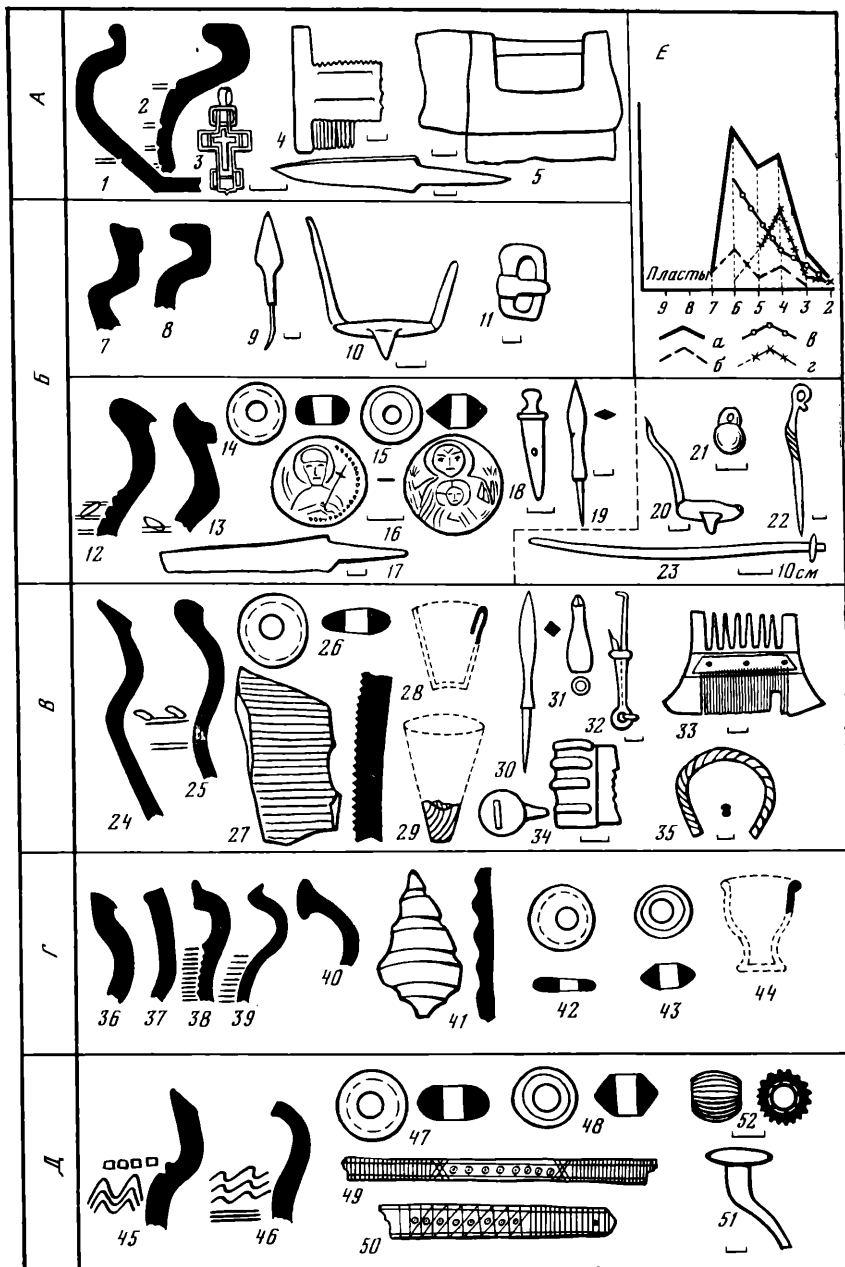

Рис. 4. Находки из раскопок 1981 г. Нижнего городища Торжка

А — слой яруса 1 мостовой; Б — слой между ярусами 1 и 2; В — слой яруса 2; Г — слой яруса 3; Д — слой яруса 4; Е — полигоны распределения стеклянных браслетов по пластам (а — общий график; б — восточная линия квадратов; в — центральная линия квадратов; г — западная линия квадратов); 1, 2, 7, 8, 12, 13, 24, 25, 27, 36—41, 45, 46 — глина; 3, 18, 21, 35 — бронза; 4, 31, 33, 49, 50 — кость; 5, 6, 9—11, 17, 19, 20, 22, 23, 30, 32, 34, 51 — железо; 14, 26, 42, 43, 47, 48 — розовый шифер; 15 — песчаник; 16 — свинец; 28, 29, 44, 52 — стекло. Линейный масштаб равен 1 см, за исключением 23

но истлевших лаг и два участка настила из плах. С востока к мостовой примыкал настил из широких досок, аналогичный настилу яруса 2. Остатки деревянных конструкций, вскрытые в северо-восточной части раскопа, свидетельствуют о существовании перекрестка двух улиц и в ярусе 3. Этой перекрестной улице в северном профиле раскопа соответствует прослойка древесного тлена над слоем песка. Слой, связанный с ярусом 3 мостовой, значительно беднее находками. Здесь нет обломков

Рис. 5. Вислая свинцовая печать из Торжка

стеклянных браслетов (рис. 4, *E*), резко сокращается количество фрагментов стеклянной посуды (рис. 4, *44*), которая в Новгороде появляется в слоях XI в.²⁹ Встречаются обломки красноглиняных амфор, видимо, северочерноморского происхождения (рис. 4, *41*). В Новгороде амфоры появляются в конце X в.³⁰ Керамика яруса 3 представлена формами XI в. и находит аналогии в керамике Новгорода³¹ и Смоленска³². Найдены шиферные пряслица X—XIII вв. (рис. 4, *42, 43*). Из слоя происходят стеклянные бусы XI в.: фрагмент крупной бочонкообразной золоченой бусины (наибольшее распространение в Новгороде — XI в.), фрагмент бочонкообразной малой золоченой бусины (в Новгороде — X—XI вв.), темно-зеленая зонная бусина (в Новгороде распространены в ярусах 21—27)³³. Ярус 3 мостовой и соответствующий ему слой можно датировать XI — началом XII вв. На некоторых участках остатки мостовой перекрыты прослойками угля и золы (рис. 2, разрез В—Г). Видимо, мостовая яруса 3 погибла во время пожара.

В нижней части плотного коричневого слоя выявлен ярус 4 (рис. 2; 3, *г*). Остатки мостовой — истлевшие лаги и участок настила из плах — расширены лишь в центральной части открытого участка, так как из-за угрозы обвала культурный слой в квадратах 1—7, 12, 13 и 18 с пласта 7 и до материка был вскрыт лишь в траншеях и колодце-отстойнике (рис. 3, *г*). Мостовая, видимо, имела то же направление, что в верхних ярусах. В северо-восточной части раскопа открыты остатки деревянных конструкций, видимо, от перекрестной улицы (рис. 3, *г*). Культурный слой яруса 4 содержит немного находок. Отсюда происходит раннегончарная керамика преимущественно с волнистым орнаментом и примесью дресвы в тесте, подразделяемая на два типа. Первый представлен фрагментами широкогорлых сосудов с цилиндрическим венчиком, который отделяется от тулова округлым в сечении валиком (рис. 4, *45*). Эта керамика аналогична новгородской второй половине X в.³⁴ Второй тип представлен фрагментами сосудов с плавно отогнутым наружу венчиком, имеющим срезанный край, и с покатыми плечиками (рис. 4, *46*). Аналогии известны в новгородской керамике X в. (тип IIА)³⁵ и в керамике третьей группы «Городка» на Ловати, которая также датируется X в.³⁶ В слое яруса 4 найдены шиферные пряслица (рис. 4, *47, 48*), которые крупными размерами резко отличаются от пряслиц из верхних слоев. Обнаружены также фрагменты костяных накладок от гребней или их футляров с орнаментом, характерным для X — начала XI в. (рис. 4, *49, 50*)³⁷. Непосредственно под настилом мостовой яруса 4 встречена круп-

ная шарообразная ребристая бусина синего стекла (рис. 4, 52), характерного для X—XI вв.³⁸ В качестве аналогии упомянем ребристые бусы из киевского погребения 15 (X в.), шаровидную граненую бусину IX—X вв. Новотроицкого городища, ребристые бусы горизонта «Д» Старой Лядоги³⁹. Подобные стеклянные бусы близки по форме новгородским ребристым эллипсоидным бусам со срезанными выступами у отверстия (X—XI вв.)⁴⁰. Ярус 4 может быть датирован второй половиной X—началом XI в.

Ниже плотного коричневого слоя на всей вскрытой площади раскопа прослежена прослойка черного цвета мощностью от 2 до 15 см (рис. 2). Прослойка состоит из гумуса с вкраплениями золы и угля, а также погребенного дерна. В восточной части раскопа эта прослойка подстилает слой песка, которые, возможно, оставлены наводнениями. Из черной прослойки происходят немногочисленные фрагменты грубой толстостенной (до 2 см) керамики с примесью дресвы в рыхлом тесте, с волнистым и линейно-прочерченным орнаментом. Видимо, эта керамика относится к типу переходной от лепной к гончарной. Аналогии известны среди керамики поселений конца I тысячелетия н. э. в Верхнем Подвинье⁴¹. Из прослойки происходят также костяная «бабка» с отверстием, кованый гвоздь и др.

В северной части раскопа, непосредственно под прослойкой золы, угля и погребенного дерна, выявлен предматериковый слой — слабогумусированный песок мощностью до 10 см (рис. 2). Предматериковый слой занимает лишь северную часть раскопа и выклинивается на линии квадратов 24, 16, 10, 4. Он очевидно тяготеет к мысовой части Нижнего городища. Из предматерикового слоя происходит несколько десятков мелких фрагментов грубой лепной керамики с примесью крупной дресвы в тесте (толщина стенок 0,7—0,9 см). Встречен ромбический плоский железный наконечник стрелы IX—XIII вв.⁴² Находки грубой лепной керамики позволяют ожидать, что на Нижнем городище Торжка имеется культурный слой рубежа IX—X вв.

Материк на вскрытом участке Нижнего городища представлен водонесным песком светло-желтого цвета. По данным бурения материк сложен песком лишь в верхней части (мощность до 1 м), ниже залегает плотная красноватая глина.

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

² *Плетнев В. А.* Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь, 1903, с. 385—387; *Куза А. В.* Новгородская земля.— В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 173, 174.

³ *Плетнев В. А.* Об остатках древности..., с. 381; *Линдеман И. К.* Разбор сведений, сообщаемых Пальмквистом о Торжке.— Труды Второго областного тверского археологического съезда 1903 г. Тверь, 1906, с. 357.

⁴ *Раппопорт П. А.* Отчет об археологической разведке, проведенной в 1957 г. в Торжке отрядом по изучению крепостей Среднерусской археологической экспедиции ИИМК. Архив ИА, р-1, № 1425.

⁵ Отчет Верхневолжской экспедиции ИА. Архив ИА, р-1, № 4008.

⁶ *Мальгин П. Д.* Отчет о разведках в Торжокском, Кувшиновском и Торопецком р-нах Калининской обл. в 1979 г. Архив ИА, р-1.

⁷ *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого.— МИА, 1959, 65, с. 84.

⁸ Стеклянные браслеты из раскопок 1981 г. обработаны студенткой Калининского университета Л. С. Аваевой.

⁹ *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого.— МИА, 1959, 65, с. 165.

¹⁰ *Седова М. В.* Ярополч Залесский. М., 1978, с. 105.

¹¹ *Даркевич В. П.* Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966—1969).— В кн.: Археология Рязанской земли. М., 1974, с. 40.

¹² *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси. X—XV вв. Т. II. Новгородские печати XIII—XV вв. М., 1970, с. 60. Выражаю благодарность В. Л. Янину за консультацию.

¹³ *Смирнова Г. П.* Опыт классификации керамики древнего Новгорода.— МИА, 1956, 55, с. 242—244.

¹⁴ *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло..., с. 106, 109.

¹⁵ *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981, с. 155.

¹⁶ *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX—XIII вв.— САИ, 1966, вып. Е1-36, с. 68, 69, 96, 97, табл. XXXIV, 3.

¹⁷ *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло..., с. 82.

- ¹⁹ Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981, с. 125, 126.
- ²⁰ Смирнова Г. П. Опыт классификации..., с. 239—242.
- ²¹ Полубояринова М. Д. Стекло-вые браслеты древнего Новгорода.— МИА, 1963, 117, с. 179.
- ²² Щапова Ю. Л. Стекло-вые изделия древнего Новгорода.— МИА, 1963, 117, с. 122.
- ²³ Рыбина Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли X—XIV вв. М., 1978, с. 29.
- ²⁴ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло..., с. 82.
- ²⁵ Седова М. В. Ярополч Залесский, с. 105.
- ²⁶ Медведев А. Ф. Оружие Новгорода..., с. 171.
- ²⁷ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей.— СА, 1958, 1, с. 102.
- ²⁸ Седова М. В. Ювелирные изделия..., с. 97.
- ²⁹ Щапова Ю. Л. Стекло-вые бусы древнего Новгорода.— МИА, 1956, 55, с. 166—169, 172.
- ³⁰ Щапова Ю. Л. Стекло-вые изделия..., с. 122, 125.
- ³¹ Рыбина Е. А. Археологические очерки..., с. 29.
- ³² Смирнова Г. П. Опыт классификации..., с. 237—239.
- ³³ Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.). М., 1960, с. 14—17.
- ³⁴ Щапова Ю. Л. Стекло-вые бусы..., с. 168, 171, 172.
- ³⁵ Смирнова Г. П. О трех группах новгородской керамики X—начала XI в.— КСИА, 1974, 139, с. 18, 19, рис. 6, 4.
- ³⁶ Смирнова Г. П. Опыт классификации..., с. 236.
- ³⁷ Горюнова В. М. Новое в исследовании «Городка» на Ловати.— КСИА, 1974, 139, с. 77, рис. 24, 15.
- ³⁸ Белецкий С. В. Культурная стратиграфия Пскова.— КСИА, 1980, 160, с. 12, рис. 6, 21.
- ³⁹ Щапова Ю. Л. Стекло-вые бусы..., с. 171.
- ⁴⁰ Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958, I, табл. V; Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое.— МИА, 1958, 74, с. 98, рис. 65; Львова З. А. Стекло-вые бусы Старой Ладogi.— АСГЭ, 1968, 10, с. 83, 89.
- ⁴¹ Щапова Ю. Л. Стекло-вые бусы..., с. 176.
- ⁴² Станкевич Я. В. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э.— МИА, 1960, 76, с. 133, 134.
- ⁴³ Медведев А. Ф. Оружие Новгорода..., с. 166.

И. В. ИСЛАНОВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КОНЦА I — НАЧАЛА II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э. ПРИ СЛИЯНИИ РЕК ПОЛОНУХА И ПОПОВКА

Сопки чаще всего расположены поодиночке или небольшими группами по две-три насыпи. Группы из 4—12 сопок встречаются редко¹; еще реже — группы, находящиеся недалеко друг от друга, насчитывающие 20 и более сопок. Такими уникальными районами являются Старая Ладога и ее окрестности, где известно около 50 сопок², и д. Городищи на р. Саванка, где зафиксировано 40 насыпей³.

В 1980—1981 гг. отрядом Волго-Окской экспедиции обследованы сопки при впадении р. Поповка в р. Полонуха (левый приток р. Молога)⁴. Здесь расположено около 47 погребальных памятников, из них только десять — ниже 2,5 м (так как погребальный обряд последних неизвестен, то они условно именуется курганами). Рельеф верховьев Полонухи формировался во время Валдайского оледенения.

Основным источником по археологии района служит свод памятников, составленный В. А. Плетневым⁵. Но собранные в нем сведения по погребальным насыпям Весьегонского уезда, близ деревень Спас-Преображенское, Куземкино, Мосейково, Клубуково и Борисково, археологами не проверялись. Погребальные памятники не имели привязок ни к деревням, ни к рекам. Речка Поповка в сообщениях несколько раз называется Соколовой. Отсутствие указаний на размеры насыпей, видимо, не позволили включить их в своды по сопкам⁶.

В настоящее время в обследованном районе визуальнo выделяются пять групп погребальных памятников, одна отдельно стоящая сопка и остатки пяти поселений.

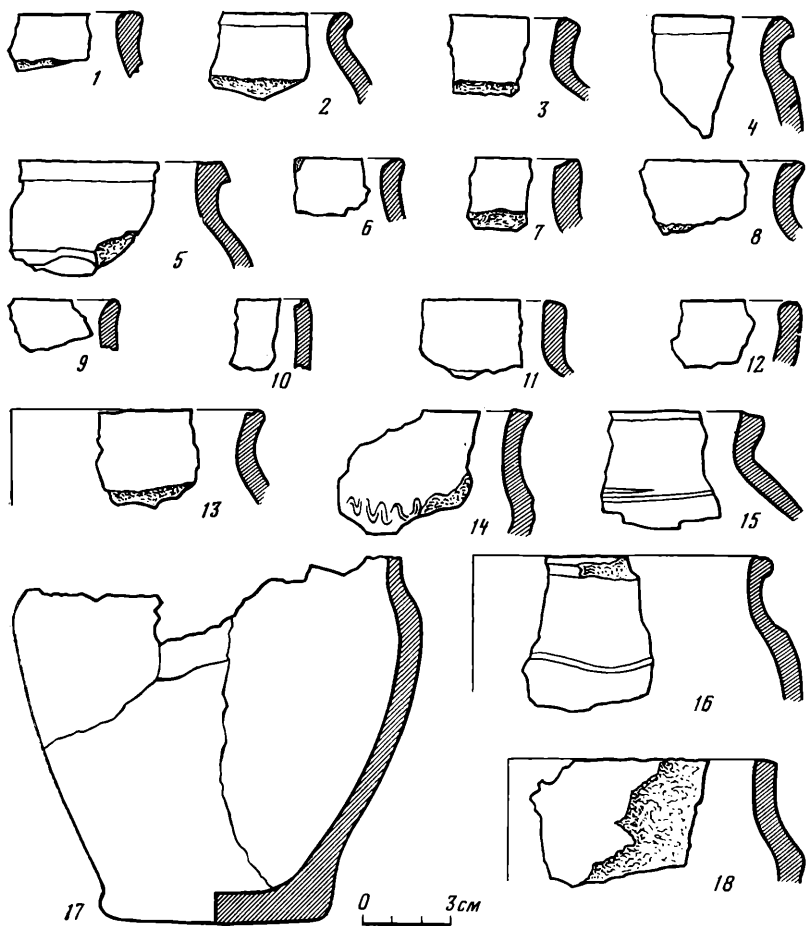

Рис. 1. Керамический материал из селищ и сопок

1—5 — селище 1 у д. Борисово; 6—8, 13 — селище 3 у д. Спас-Преображенское; 9—11 — селище 2 у д. Борисово; 12, 14—16 — селище 1 у д. Спас-Преображенское; 17 — сопка 7 у д. Аньково; 18 — сопка 3 группы 2 у д. Спас-Преображенское; 1—11, 13—16 — гончарная керамика; 12, 17, 18 — лепная керамика

Количество насыпей в группе у д. Куземкино совпадает с данными В. А. Плетнева⁷. Две высокие сопки высотой 8 и 5 м и три насыпи по 2; 2,5 и 3 м находятся на вспаханном склоне правого коренного берега Поповки. На поверхности двухметрового кургана видны утопленные в дерн валуны поперечниками до 0,8 м. Валуны лежат и между насыпями. Отношение камней к погребальному обряду проблематично, так как их могли свалить сюда при очистке поля. Поселение, одновременное сопкам и кургану, не обнаружено.

В 80 м к западу от д. Спас-Преображенское обследована группа из четырех сопок на низком (около 1 м над водой) правом берегу Поповки. Две сопки большие — 9 и 10 м, две поменьше — 4 и 4,5 м.

К северу, югу и востоку от больших сопок выявлены остатки древнего поселения. Оно вытянуто вдоль берега реки и примыкает к западным усадьбам деревни. Культурный слой — темно-серый песок мощностью 0,3—0,6 м — зафиксирован на площади свыше 35 тыс. кв. м. К юго-востоку находятся остатки часовни и христианского кладбища. Лепная керамика (рис. 1, 12) собрана в северо-западной, ближайшей к реке, части поселения. На остальной площади найдена круговая керамика (рис. 1, 14—16), датируемая временем вплоть до XVI—XVIII вв.

Напротив, на левом, также низком берегу реки — группа 2 (рис. 2), насчитывающая девять сопок, вытянутых цепочкой от устья вдоль По-

повки; лишь одна сопка находится на берегу Полонухи (высота берега около 3 м). Общая протяженность группы 600 м. Сопки преимущественно от четырех до семиметровых. У двух насыпей (2 и 9) вокруг основания сохранился ровик. К югу от сопки 2 зафиксированы остатки двух курганов и насыпи (?), сплошь покрытой валунами (диаметры их до 0,3—0,5 м).

У большинства сопки помы повреждены пахотой. Сильно пострадала сопка 3, расположенная на берегу Полонухи. Северо-восточная часть ее разрезана траншеей, в центре переходящей в яму. В осыпи найден обломок венчика лепного сосуда с ребром в месте перехода от плечика к ту-

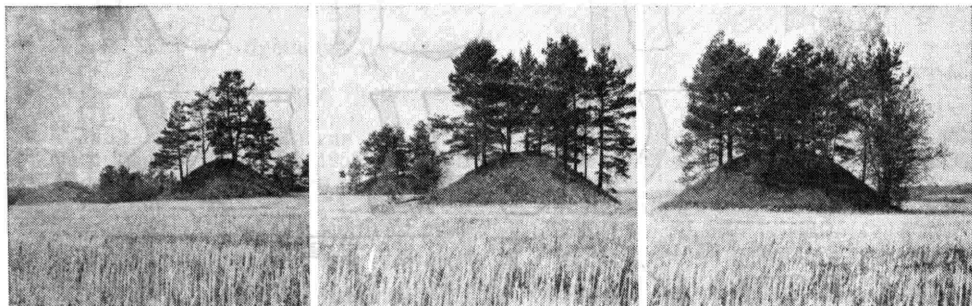

Рис. 2. Южная часть группы 2 у д. Спас-Преображенское
Справа налево сопки 5, 6, 8, 10, 7, 9

лову (рис. 1, 18). Внешняя поверхность заглажена, в тесте — примесь песка и мелкой дресвы.

На поле в северной части группы, между сопками 2 и 4, обнаружен слабогумусированный слой мощностью до 0,4 м. Здесь найдено несколько фрагментов круговой и лепной керамики. Но, возможно, это — остатки не селища, а распаханых курганов.

Напротив сопки 3, на коренном левом берегу Полонухи, но дальше от воды находится группа 3. Она состоит из сопки и кургана, расположенных на площадке хорошо выраженной первой надпойменной террасы. Высота сопки 4 м. Южная часть насыпи, видимо, разрезана траншеей, ныне задернованной. В основании — три ровика-канавки. Высота кургана 1,7 м. Вершина повреждена ямой.

На луговине между сопкой и курганом в шурфе обнаружен культурный слой — темно-серая супесь мощностью 0,35 м. В слое найдена круговая керамика XI—XII вв. (рис. 1, 6—8, 13). Размеры поселения определены приблизительно — 20 тыс. кв. м.

К северу от группы 3 местность резко повышается и в 250—300 м от Полонухи переходит в озовые гряды. Высота гряд 10—15 м, между ними — глубокие котловины. На озах, в 1,5 км к западу от д. Аньково, находится еще одна группа сопки и курганов.

Она вытянута с северо-востока на юго-запад на протяжении около 600 м. Можно выделить несколько скоплений насыпей — по две-три и более — и одиночно стоящие сопки и курганы. Между сопками 7 и 10 — разрыв в 95 м: видимо, тут находилась ныне уничтоженная сопка.

В северной и центральной частях группы — насыпи полушарной формы высотой от 1,3 до 6 м. В северо-восточной части — конусовидные сопки высотой 5—6 м. Вокруг большинства сопки и курганов прослеживались ровики-канавки, откуда в основном и брали землю для сооружения насыпей.

Наиболее интересна южная часть группы (рис. 3). Здесь шесть сопки расположены так близко, что сливаются полами. Насыпи высокие — от 5,6 до 10 м. Форма — конусовидная и округлая с площадкой на вершине. Вокруг сопки — понижение рельефа, отдельных ям-ровиков нет.

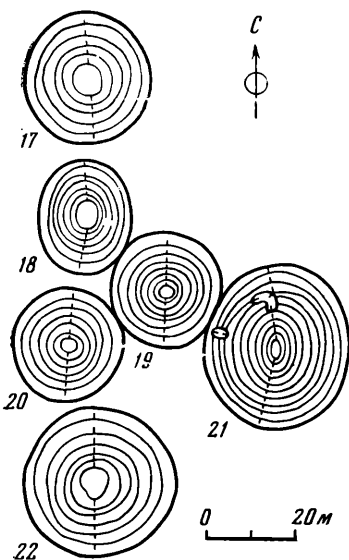
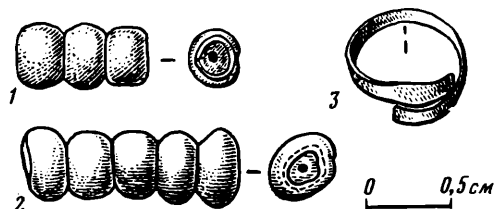

Рис. 3. Визуальный план южной части группы у д. Аньково

Сопки 17—22

Рис. 4. Погребальный инвентарь из сопки 7 группы у д. Аньково

1 — золотостеклянная (?) пронизка; 2 — бирюзовая стеклянная пронизка; 3 — бронзовый перстень

Другая особенность, но уже всей группы, — это зафиксированные в основании почти всех сопки и курганов выступающие из-под дерна валуны. Прослеживались также отдельные скопления валунов. У кургана I камни заполняли ровик. Скопление камней также находилось в месте соприкосновения сопки 19 и 21.

Большинство насыпей имеет незначительные повреждения. Только сопка 7 разрушена почти наполовину. Форма насыпи округлая, высота — 4,2 м, диаметр в основании с юго-запада на северо-восток около 18 м. Насыпь сооружена из желтого песка. На северном склоне — два валуна, в северо-западной поле сопки — скопление валунов поперечниками 0,2—0,3 м. С запада сохранился ровик шириной 1,5—2 м и глубиной 0,5—0,7 м. Южная и юго-восточная части сопки уничтожены — здесь осыпь. Вершина и склоны повреждены небольшими ямами.

В желтом песке осыпи собраны пережженные кости. Скопление костей и керамика обнаружены в выступе на краю осыпи. Этот разрушающийся выступ размерами 0,25 × 0,45 м был исследован. Часть его задернована, толщина дерна 6—7 см. Пережженные кости появились сразу же под дерном в серо-желтом песке без углей. Основное скопление находилось в восточной и северо-восточной частях выступа. Среди костей найден бронзовый пластинчатый перстень (рис. 4, 3). Толщина слоя с костями достигала 15 см. Западнее расчищен развал лепного сосуда. Горшок стоял дном вниз, край венчика не сохранился (рис. 1, 17). Внешняя поверхность шероховатая, в тесте — примесь мелких и крупных зерен дровы. На дне — следы подсыпки из крупнозернистого песка и мелкой дровы. Среди обломков сосуда обнаружены несколько пережженных косточек, пятичастная бирюзовая и трехчастная золотостеклянная (?) пронизки (рис. 4, 1, 2). Бусы оплавлены.

Сожжение было совершено на стороне. Кости, очищенные от углей, и негоревший инвентарь были погребены в выкопанной в верхней части насыпи ямке. Рядом поставлен сосуд. Диаметр ямки — не более 0,4 м, глубина — 20—22 см. По инвентарю погребение датируется в рамках VIII—X вв. (в Старой Ладге такое сочетание бус более характерно для IX в.)⁸.

Примерно в 300 м к югу — юго-западу от южных насыпей группы у д. Аньково, на склоне левого берега Полонухи, на поле, в 1,1 км к востоку от д. Борисово, находится селище. Культурный слой его распаван. Это темно-коричневая супесь мощностью 0,3—0,4 м. Площадь поселения около 3600 кв. м. Здесь собрана лепная (несколько фрагментов)

и круговая (вплоть до XVI в.) керамика (рис. 1, 1–5). Несомненно, некоторые сопки группы у д. Аньково были сооружены жителями этого селища.

На правом берегу Полонухи расположено селище 2 у д. Борисково. Культурный слой распахан: темно-серый песок мощностью 0,2–0,4 м. Слой зафиксирован на площади около 3 тыс. кв. м. Собрана лепная и круговая керамика, относящаяся к XI–XVI вв. (рис. 1, 9–11).

Встает вопрос о количественном соотношении поселений с сопками и курганами. Поселений явно недостаточно. Проблематично существование остатков селища 2 у д. Спас-Преображенское. На селище 3 у д. Спас-Преображенское не найдено лепной керамики, т. е. вряд ли поселение возникло ранее конца X в. Возможно, селищ при слиянии Поповки и Полонухи было больше, но их остатки полностью уничтожены пахотой или заняты усадьбами д. Куземкино.

¹ *Седов В. В.* Новгородские сопки.— САИ, 1970, вып. Е1-8, с. 10.

² Там же, с. 44, 45; *Kirpičnikov A. N.* Stadt und Gebiet Ladoga zur Zeit des frühen Mittelalters.— In: *Fenno-ugri et slavi* 1978. Helsinki, 1980, S. 142.

³ *Бодунов Е. В., Воробьев В. М., Жулин М. Г., Максимов А. Д., Малыгин П. Д.* Историко-археологическая экспедиция Калининского университета.— АО 1978 г. М., 1979, с. 50.

⁴ *Исланова И. В.* Отчет о работе отряда Волго-Окской новостроечной экспедиции ИА в 1980 г. Архив ИА, р-1; *Она же.* Отчет о работе отряда Волго-

Окской новостроечной экспедиции ИА в 1981 г. Архив ИА, р-1.

⁵ *Плетнев В. А.* Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь, 1903, с. 488, 489.

⁶ *Чернягин Н. И.* Длинные курганы и сопки.— МИА, 1941, 6; *Седов В. В.* Новгородские сопки.

⁷ *Плетнев В. А.* Об остатках древности..., с. 489.

⁸ *Львова З. А.* Стекланные бусы Старой Ладogi.— АСГЭ, 1968, 10, с. 84, 88. Пользуюсь случаем поблагодарить З. А. Львову за консультацию по вопросу датировки бус.

Х. И. КРИС, А. К. СТАНЮКОВИЧ

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ БРАШЕВА

Нижнее течение Москвы-реки в юго-восточной части Подмосковья до последнего времени оставалось сравнительно мало изученным археологически. Большинство памятников открыто здесь недавно, исследование их только начинается. Особый интерес представляют группы близко расположенных средневековых поселений и синхронных им курганных могильников, составляющих археологические комплексы. Один из таких комплексов расположен на правом берегу Москвы-реки, юго-восточнее г. Бронницы, на окраине современного села Боршево (Борщево). В него входят городище¹, примыкающие к нему шесть селищ, грунтовые могильники и остатки гидротехнических сооружений на впадающем в Москву-реку ручье². В некотором удалении от поселения расположены три курганные группы³.

Исследование Боршевского археологического комплекса началось с охранных раскопок городища, культурный слой которого был сильно поврежден при земляных работах. Нарушения в основном коснулись его верхнего горизонта, частично разрушен четырехметровый вал, защищавший городище с напольной стороны. Раскопки в юго-восточной части площадки городища выявили следующее: в V в. до н. э. здесь было неукрепленное поселение; в IV–III вв. до н. э. на городище отложился мощный (до 1 м) культурный слой, и в три этапа был насыпан оборонительный вал высотой 2,5 м; городище, возможно с перерывом, просуществовало более тысячелетия — до VI–VII вв. н. э.; в последний период вал был доведен до современной высоты.

После длительного перерыва, не позднее XI в., на площадке городища возникло древнерусское поселение, в XIV–XV вв. на том же месте на-

ходился грунтовой могильник (подобная преемственность характерна для ряда подмосковных городищ — например, Кунцевского, Боровского Кургана, Успенского, Спас-Тушинского и др.)⁴. Позже могильник был перекрыт каменной вымосткой, остатки которой наблюдались на всей исследованной части городища.

Были ли на городище в древнерусское время оборонительные сооружения, судить трудно. Во всяком случае древний вал не перестраивался. Постройки этого времени на площадке не зафиксированы, но об их существовании говорят находки железных ключей от дверных замков.

Несмотря на очень плохую сохранность верхнего горизонта культурного слоя, на основании находок можно представить характер древнерусского поселения. Слой домонгольского времени имеет слабую насыщенность; на 1 кв. м приходится не более четырех-пяти фрагментов ранне-средневековой круговой керамики («курганного» и «городищенского» типов). Подобная картина, как и на городищах Боровский Курган и Кунцевское, наблюдается и для другой распространённой категории находок — железных ножей (рис. 1, 9, 10): один нож приходится в среднем на 20 кв. м площади. Необычно высока на городище концентрация шиферных пряслиц: одно — на 15—17 кв. м, что в три-четыре раза выше, чем на Боровском Кургане и Кунцевском городище. Всего в коллекции представлено 22 пряслица бочонковидной и бусечепноконической формы, на одном имеется граффити (рис. 2, 10). По диаметрам отверстий пять пряслиц датируются второй половиной XI — первой половиной XII в., три — первой половиной XIII в., большинство (14 экз.) относится ко второй половине XII в.⁵ Столь высокая концентрация пряслиц на сельском поселении со сравнительно бедным слоем, если принять гипотезу В. Л. Янина об использовании их в качестве товаро-денег⁶, позволяет предположить существование здесь в домонгольское время рыночной площади — «торга»⁷.

К тому же времени относятся ключи от замков: навесного типа А—XI — первая половина XII в. (рис. 1, 4) и внутренних — XI—XII вв. (рис. 1, 3, 11)⁸. Орудия труда представлены железным напильником (рис. 1, 1), двумя долотами, простым и втульчатый (рис. 1, 5, 6), и резцом (рис. 1, 12). Все эти предметы имеют многочисленные аналогии в домонгольском слое Новгорода⁹ и других древнерусских памятников. Интересной находкой является массивный втульчатый наконечник пещи (рис. 1, 7).

К предметам вооружения относятся шесть железных наконечников стрел, датируемых по А. Ф. Медведеву следующим образом¹⁰: остролистный — VIII—XI вв. (рис. 2, 14), веслообразный — XIII—XVIII вв. (рис. 2, 17), листовидный с упором для древка — XII—XIV вв. (рис. 2, 18), долотовидный с упором — второй половиной XI — первой половиной XIII в. (рис. 2, 19). Особняком стоят два трехлопастных наконечника (рис. 2, 11, 12), имеющих раннюю для средневекового слоя городища дату — VI—IX вв. На московских городищах железного века наконечники этого типа неизвестны, за исключением одного — из верхнего горизонта культурного слоя террасы Кунцевского городища¹¹.

В домонгольском слое найдены бронзовый спиральный перстень XI — первой половины XIII в. (рис. 2, 1)¹², бронзовый ячеювый перстень начала третьей четверти XII в. (рис. 2, 6)¹³, бронзовая тонкопроволочная петлеконечная гривна XI — начала XII в. (рис. 2, 3)¹⁴ и три привески — биллоновая монетовидная гладкая распространённого в подмосковных курганах типа (рис. 2, 4), привеска-ложечка с орнаментированным черенком конца X — первой половины XII в. (рис. 2, 7)¹⁵ и необычного вида бронзовая лунница с заходящими рогами и насечкой по краю, без ушка для подвешивания (рис. 2, 5). Близкая аналогия — завязанная лунница с Сарского городища¹⁶.

К домонгольскому времени относятся также костяной двусторонний гребень (рис. 2, 9) и две золотостеклянные бусины: крупная цилиндрическая и маленькая лимоновидная. Бусы этих типов входят в число пред-

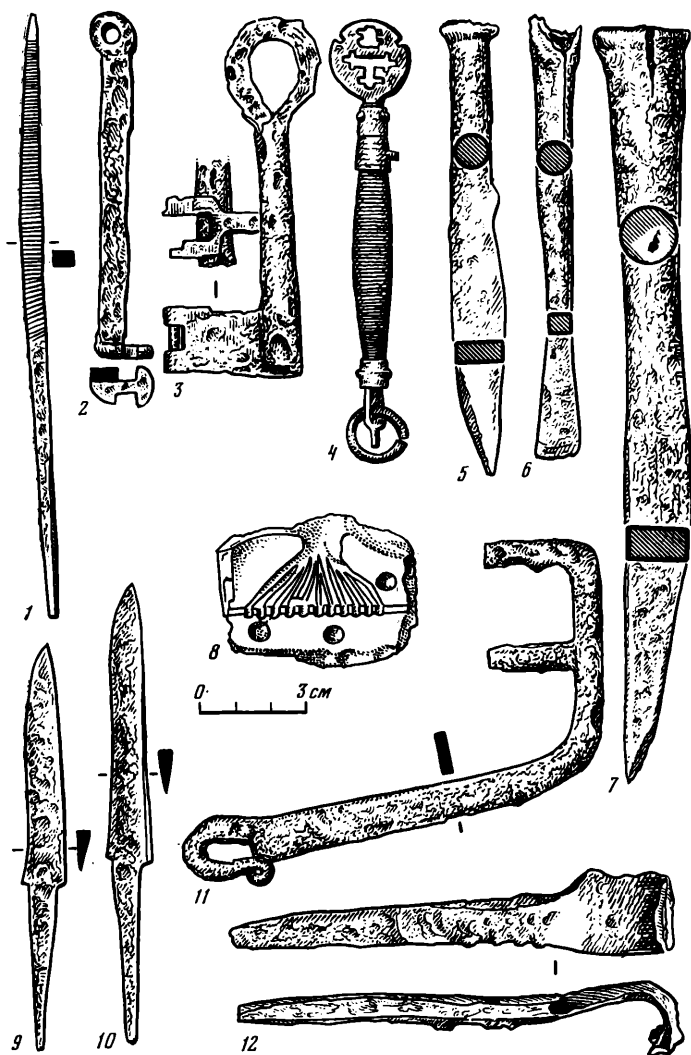
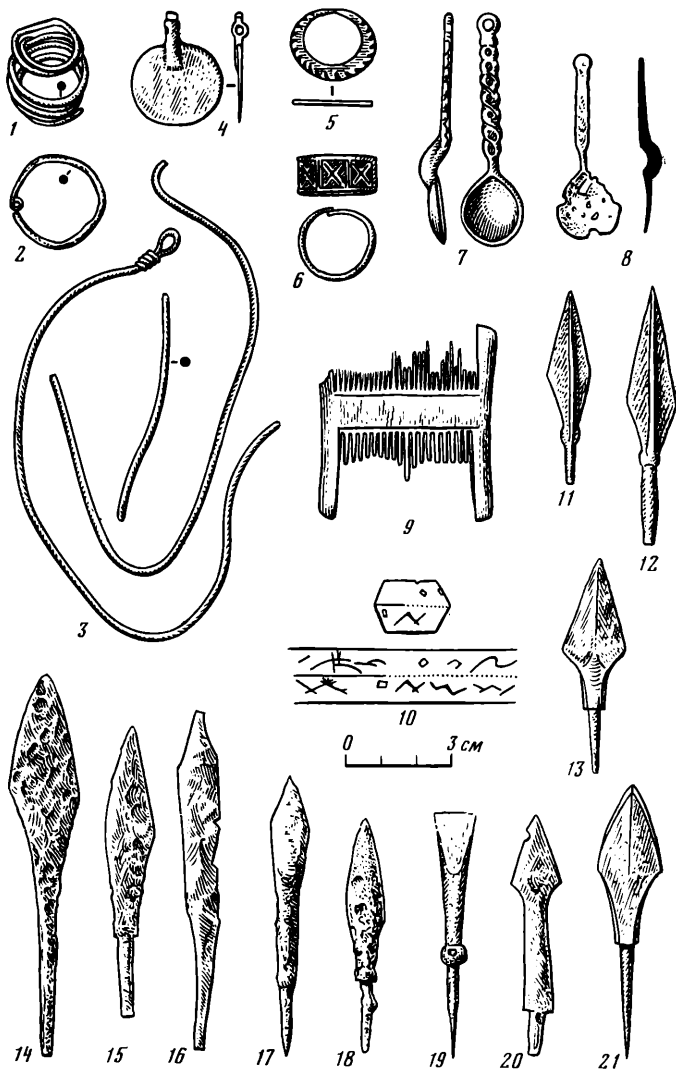

Рис. 1. Брашева. Предметы быта и ремесла

1 — напильник; 2—4, 11 — ключи; 5, 6 — долота; 7 — пещня; 8 — литейная форма; 9, 10 — ножи; 12 — резец; 2, 8 — селище; остальное — городище

метов ближневосточного импорта и датируются временем не позднее первой четверти XI в.¹⁷

Поселение на городище прекратило существование не позднее второй половины XIII—XIV в., когда на площадке возник грунтовой могильник. Он занимал южную часть площадки городища, общая площадь его не превышала 1 тыс. кв. м. Многие погребения разрушены. Вскрыто 47 погребений. Большинство детских захоронений найдено в северной части раскопа по периферии могильника. В отдельных случаях удалось проследить контуры могильных ям. Они имели прямоугольную форму со скругленными углами, максимальные размеры $2,05 \times 0,75$ м, максимальная глубина от дневной поверхности 1—1,2 м. В некоторых случаях погребения размещались в два яруса. Положение костяков вытянутое, черепом на юг — юго-запад, иногда на юго-запад и запад. Направление лицевых костей различное: на юг — юго-восток, север — северо-запад, север, юг, восток. Кости ног параллельны. Руки, одна или обе, как правило, согнуты в локте, кисти — на плече или костях таза, в единичных случаях руки вытянуты вдоль тела. Возраст погребенных не старше 50 лет. Все черепа

Рис. 2. Брашева. Изделия из цветного металла, камня и кости. Наконечники стрел
 1, 6 — перстни; 2 — височное кольцо; 3 — гривна; 4, 5, 7, 8 — привески; 9 — гребень; 10 —
 шиферное пряслице с граффити; 11—21 — наконечники стрел; 2, 8, 13, 15, 16, 20, 21 — селище;
 остальное — городище

европеидного долихо-мезокранного узколицеого типа. Все погребения безынвентарны, лишь в одном найдена створка энколпиона XIV—XV вв.

Появление грунтового могильника на месте домонгольского поселения, синхронного близлежащим курганным могильникам, свидетельствует о значительных переменах в идеологических представлениях населения, отразившихся в резкой смене погребального обряда, отсутствии погребальных сооружений и инвентаря.

Исследования на примыкающих к городищу селищах носили в основном разведочный характер, вскрытая площадь составила 116 кв. м. Подъемный материал, собранный в естественных осыпях берега Москвы-реки, относится преимущественно к XIV—XVI вв. Плохо сохранившийся домонгольский горизонт, отличающийся более темным цветом и перекрытый позднесредневековым культурным слоем, выявлен пока лишь на Боршевском селище 2, расположенном в 300 м к северу — северо-востоку от городища, у обрыва коренного берега реки. В домонгольском слое и во вторичном залегании в позднесредневековом слое встречена древнерусская керамика (два-три фрагмента на кв. м), преимущественно «кур-

танного» и «городищенского» типов конца XI — первой половины XIII в. Встречены отдельные фрагменты лепных сосудов и раннегончарной керамики XI в.¹⁸ В раскопах найдены вещи домонгольского времени: два шиферных пряслица, несколько ножей, бронзовое перстнеобразное петле-конечное височное кольцо (рис. 2, 2), привеска-ложечка описанного выше типа (рис. 2, 8), ключ от замка типа В XII—XIV вв. (рис. 1, 2)¹⁹ и четыре наконечника стрел: ромбовидный — IX—XI вв. (рис. 2, 13), лавролистный — IX—XIV вв. (рис. 2, 15), килевидный — VIII—X вв. (рис. 2, 20) и ромбовидный — IX — начала XI в. (рис. 2, 21)²⁰. Все наконечники имеют упоры для древка. Пятый наконечник — веслообразный, без упора (рис. 2, 16) — датируется XIII—XVII вв.

К домонгольскому времени, очевидно, относится найденная во вторичном залегании половинка литевой формы из зеленоватого сланца, предназначенная для одновременной отливки 11 маленьких сферических бусин (рис. 1, 8). Типологически ей очень близка форма из Зарядья, найденная в слое XII—XIII вв.²¹

Как свидетельствует собранный на городище и селище вещевой материал, Боршевское поселение возникло не позднее XI в., возможно, еще в X в.²²

Во второй половине XIII—XIV в. резко меняется характер памятника, на месте древнейшего поселения появляется христианский могильник, возникают и другие могильники за пределами городища, значительно возрастает площадь поселения в приречной части. Здесь до сих пор заметны многочисленные западины от подвальных помещений домов и других построек XIV—XVI вв. Раскопками был вскрыт отдельно стоящий погреб с наклонным пандусом-входом. В заполнении погреба находились развалы сосудов (горшков, сковородок, мисок, корчаг), изготовленных из беложгущейся «гжельской» глины — самый распространенный поздне-средневековый тип керамики на памятнике. Обширный поздне-средневековый вещевой материал, в котором преобладают пластинчатые ножи, замки типа Е и ключи к ним, многочисленные орудия труда и предметы быта, требует специального рассмотрения, однако уже сейчас можно принять недавно высказанное предположение²³ о связи Боршевского поселения XIV—XVI вв. с известным по письменным источникам волостным центром Брашева (Брашова, Брашава, Брошева, Брошевая).

Волость Брашева в числе коломенских волостей впервые упомянута в духовной грамоте Ивана Даниловича Калиты (около 1339 г.) как удел князя Семена, упоминается в духовных грамотах Ивана Ивановича (около 1358 г.), Дмитрия Ивановича (1389 г.), Василия Дмитриевича (1406, 1417 и 1423 гг.) и Василия Васильевича (1461 г.)²⁴. Летописи упоминают Брашеву дважды: под 1427 г., когда здесь останавливался митрополит Фотий²⁵, и под 1451 г. в связи с походом Василия II на татар²⁶. Ведущая сюда из Москвы Брашевская дорога фигурирует в описании событий, связанных с Куликовской битвой 1380 г.²⁷ Однако формирование Брашевы как центра округа, судя по археологическим данным, произошло еще в домонгольское время.

¹ Богоявленский С. К. Материалы к археологической карте Московского края. — МИА, 1947, 7, с. 178; Конышин Г. М. Материалы для археологической карты среднего течения р. Москвы. — Труды Института музееведения. М., 1940, I.

² Розенфельдт Р. Л. Новые разведки памятников железного века в Подмосковье. — КСИА, 1974, 140, с. 96, 97; Черной И. Л. Отчет об исследовании городища дьяковской культуры и селищ XIV—XVII вв., расположенных у д. Боршево, 1971 г. Архив ИА, р-1, № 4409.

³ Группа из 40 насыпей и небольшое селище на левом берегу Москвы-реки у погоста Николы на Боршеве (Романь) и два кургана у д. Марьяинское (Розенфельдт Р. Л., Юшко А. А. Список археологических памятников Московской обл. М., 1973, с. 161, 162); восемь насыпей у д. Морозово (Сабурова М. А. Раскопки курганной группы у д. Морозово. — АО 1974 г. М., 1975, с. 76).

⁴ Бадер О. Н. Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей. — МИА, 1947, 7, с. 117—119. Раскопки А. Г. Векслера, А. В. Успенской, Н. А. и Ю. А. Красновых.

- ⁵ *Розенфельдт Р. Л.* О производстве и датировке овручских пряслиц.—СА, 1964, 4, с. 222, 223.
- ⁶ *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, с. 189; *Он же.* Деньги и денежные системы.— В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV вв. М., 1969, 1, с. 317—347; *Спасский И. Г.* Русская монетная система. Л., 1970, с. 69.
- ⁷ *Раппопорт П. А.* О типологии древнерусских поселений.—КСИА, 1967, 110, с. 5.
- ⁸ *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого.—МИА, 1959, 65, с. 86, 91, рис. 70, 71.
- ⁹ Там же, с. 36—38, 45, 46, рис. 5, 1.
- ¹⁰ *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел.—САИ, 1966, вып. Е1-36.
- ¹¹ *Векслер А. Г.* Террасы Кунцевского городища в Москве.— В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975, с. 262.
- ¹² *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981, с. 122, 124.
- ¹³ *Равдина Т. В.* Древнерусские литые перстни с геометрическим орнаментом.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 133—138.
- ¹⁴ *Фехнер М. В.* Шейные гривны.—Труды ГИМ, 1967, 43, с. 81.
- ¹⁵ *Успенская А. В.* Нагрудные и поясные привески.—Труды ГИМ, 1967, 43, с. 116, 117; *Седова М. В.* Ювелирные изделия..., с. 26; *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения древней Руси X—XIV вв.—САИ, 1981, вып. Е1-60, табл. XI, 8; *Журжалина Н. П.* Древнерусские привески-амулеты и их датировка.—СА, 1961, 2, с. 130, 131.
- ¹⁶ *Эдинг Дм.* Сарское городище. Ростов-Ярославский, 1928, табл. II, 14.
- ¹⁷ Заключение Ю. Л. Шаповой. См. также: *Фехнер М. В.* Некоторые сведения археологии по истории русско-восточных экономических связей до середины XIII в.— В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961.
- ¹⁸ *Рабинович М. Г.* Культурный слой центральных районов Москвы.—МИА, 1971, 167, с. 25, 26.
- ¹⁹ *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло..., рис. 70.
- ²⁰ *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие...
- ²¹ *Дубынин А. Ф., Соболева Д. А.* Археологические работы в Зарядье.—КСИА, 1963, 96, с. 55, рис. 15, 7.
- ²² Об этом, помимо описанных вещей, свидетельствует находка на городище перстнеобразного височного кольца муромского типа X в. См.: *Розенфельдт Р. Л.* Новые разведки..., с. 96, 97, рис. 1, 5.
- ²³ *Юшко А. А.* О некоторых волостях и волостных центрах Московской земли XIV в.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 284—286; *Розенфельдт Р. Л.* Новые разведки..., с. 97.
- ²⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950, с. 7, 9, 15, 17, 33, 55, 58, 60, 196.
- ²⁵ ПСРЛ, 1980, т. 35, с. 33, 57.
- ²⁶ ПСРЛ, 1853, т. VI, с. 179; 1859, т. VIII, с. 123.
- ²⁷ ПСРЛ, 1965, т. XI, с. 54; Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982, с. 33.

С. П. МИХАЙЛОВ

НОВЫЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ НАХОДКИ ИЗ ГДОВА

Каменные кресты Новгородской и Псковской земель наряду с курганами и жальниками являются важнейшими памятниками археологии. Помимо научной информации по истории расселения словен новгородских, они имеют большое научное значение как памятники русской палеографии и как произведения искусства древней Руси.

Гдовские каменные кресты до сих пор не служили объектом исследований и публикаций. Нет упоминаний о них в трудах А. А. Спицына и И. А. Шляпкина, специально посвященных каменным крестам Новгородской и Псковской земель. Не вошли они и в материалы археологической карты Псковской губернии, поскольку Гдовский уезд в то время входил в Петербургскую губернию. В результате обследования Гдовского р-на выявлено несколько интересных древних крестов.

Крест, стоящий в г. Гдов на берегу р. Гдовка, высечен из известняковой плиты толщиной 17—20 см. Лопастей, по форме близкие к секирным, имеют короткие окончания. Размах крыльев 68 см, высота — 86 см (рис. 1, 1). На лицевой стороне прочерчен семиконечный крест на П-

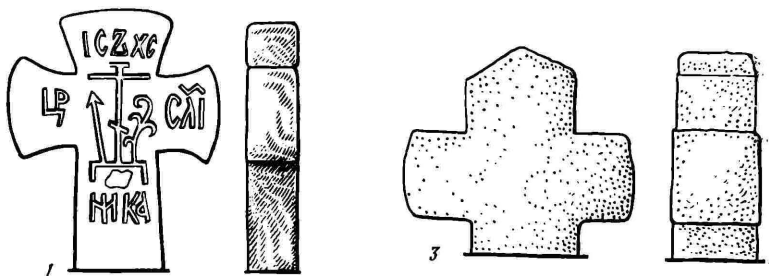

Рис. 1. Прориси некоторых гдовских крестов (1—3)

Рис. 2. Кресты из часовни Петра и Павла в д. Кола (1, 2)

образом подножии со слабо высеченной адовой головой. Надписи довольно крупного размера: сверху — ИСЪ ХС (Иисус Христос), по бокам — ЦР СЛІ (Царь Славы), внизу — НИКА. Мачта у «Ц» и «Р» общая, СЛІ — с зигзагообразным титлом. Интересна трактовка копия, изображенного с трехлепестковым верхом, и трости — в виде процветшего побега.

Два следующих креста из известнякового камня происходят из Петропавловской часовни д. Кола. Один из них размерами 58,5 × 28,5 × 9,5 см имеет ровные лопасти, при этом горизонтальные лопасти тоньше вертикальных (рис. 2, 1). В средокрестии размещен семиконечный крест на П-образном подножии без орудий страстей. Надписи: вверху —

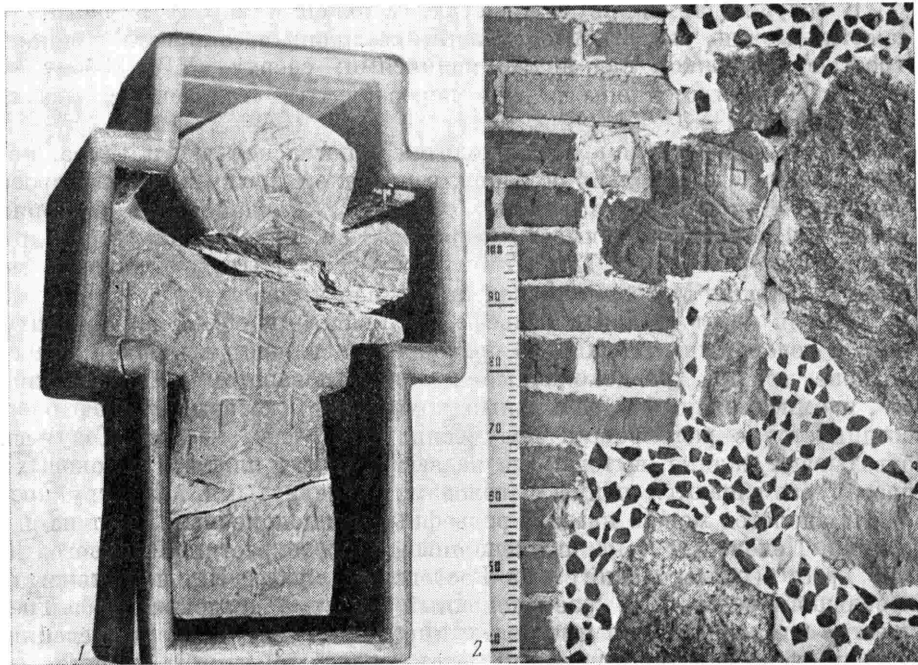

Рис. 3. Крест из Воздвиженской часовни в д. Первые Ветеря (1) и фрагмент креста из Ильинской часовни в д. Писково (2)

ЧРЬ с прямым титлом, ІС — на левой лопасти, ХЪ — на правой, НИКА — внизу, под подножием.

Другой крест размерами $66 \times 39 \times 10$ см имеет приподнятые углы боковых лопастей при прямоугольных вертикальных (рис. 2, 2). Заполненность плоскости максимальная. В средокрестии помещен семиконечный крест на П-образном подножии с копьём и тростью. Форма креста близка иконному изображению XV в. Надписи: сверху — ЧРЬ (написание близкое к изборским, где вместо ЦАРЬ пишется ЧАРЬ¹), с боков — ІС ХС, внизу — НИКА, еще ниже в три слога один за другим посвящение: ВОЗД|ВИЖЕ|НЬЮ, титла прямые с косыми засечками на концах. Все элементы выполнены тщательно, торцы букв ограничены короткими палочками. Посвящение можно отнести к Воздвиженской часовне при д. Первые Ветеря, расположенной в 7 км от д. Кола. Это предположение подтверждается местными преданиями о перенесении каменных крестов из одной часовни в другую. Так было, например, и в соседних деревнях, когда кресты переносили из д. Писково в д. Великуша и обратно.

Следующий крест, происходящий из Воздвиженской часовни д. Первые Ветеря (рис. 3, 1), выделяется миниатюрными размерами — $42 \times 26 \times 10,6$ см. Выполнен, вероятно, из известняка, но так как поверхность его обуглена, достоверно материал определить трудно. Форма креста изящна — все лопасти, включая и нижнюю, расширяются, верхняя плоскость, как и нижняя часть, имеет щипцовое завершение. В средокрестии располагается семиконечный крест на двуступенчатом подножии с копьём и тростью, над которым имеется щипцовое титло. Надписи: сверху веерообразно расположенными буквами — ЧРЬ СІ, с боков ІС ХЪ, внизу — НИКА, титло имеет сложное начертание. Декоративный характер носит оформление копия трехлепестковым окончанием, трости — кольцом. Крест вставлен в деревянный крестообразный кнут.

Часть креста смонтирована в кладку из гранитных валунов Ильинской часовни в д. Писково, справа от дверного проема (рис. 3, 2). Первоначальные размеры креста около 60×40 см. Сделан он из красного гранита.

В сохранившихся двух лопастях (верхней и левой) и части средокрестия можно увидеть изображение семиконечного креста с копием и тростью с кружком над ним и надписями: сверху — ЧРЬ, сбоку — ІСЪ и Х... Титла выполнены в виде перевернутых «галочек» с загнутыми окончаниями.

Самый интересный крест находится в посадской части Гдова, на берегу Гдовки. Он довольно большой, с размахом крыльев 100 см, вросший до боковых лопастей в землю (рис. 1, 2). Сделан крест из пористой известняковой плиты и имеет толщину 23 см. Рядом с ним стоит другой крест размерами 63 × 72 × 27 см (рис. 1, 3). Прежде на этом месте была небольшая Магдалининская кирпичная часовня.

Первый крест сделан в рельефе, с элементами объемной скульптуры, второй совершенно гладкий. В средокрестии первого выполнен рельеф — подобие хризмы, равноконечный крест, с поворотом от вертикали на 45°, вкомпонованный в рельефный круг-кольцо, который в свою очередь соединяется с рельефными полумесяцами в углах креста. Полумесяцы охватывают валики, выточенные на всю толщину плиты. На боковых лопастях размещаются птицы с головами, повернутыми к центру креста.

Из аналогов можно назвать рельефный равноконечный крест из д. Городище Печорского р-на, размещенный в средокрестии основного. Другой крест (новгородский) — из Ростовского музея. На нем тоже есть небольшой рельефный равноконечный крест в средокрестии². Третий крест — с городища Воронич (эстампирован в 1981 г. С. В. Белецким). На нем прочерчен диагональный крест-перетяжка, как бы соединяя углы креста между лопастями. Это «хризматическое» начертание в какой-то мере близко описанному.

Можно привести несколько аналогов из прикладного искусства. Это прежде всего плащаница из Троице-Сергиевой лавры. По палеографии надписей, сохранивших элементы XIV в., ее датируют самым началом XV в. Композиция передает один из древнейших изводов оплакивания Христа, связанных, видимо, с византийским кругом памятников. В тех же памятниках более раннего времени мы находим и фон, сплошь покрытый звездами и крестами в кружках (например, плащаница времени Андроника Палеолога (1282—1328 гг.) из церкви Св. Климента в Охриде)³. Компоновку круглых деталей в углах между лопастями креста можно видеть на кресте Ефросиньи Полоцкой (1161 г.)⁴, такое же заполнение с перетяжкой диагональным крестом — на среднике креста Антония (1161—1211/1212 гг.). Компоновка же полумесяцев между лопастями креста встречается в ювелирных изделиях Новгорода XII—XIII вв.⁵

Рассмотренные гдовские кресты можно с уверенностью относить к XV в.

Крест же с хризмой (?) следует датировать с привлечением аналогов оригинальному рельефу креста. Рельефные детали его не измельчены, а крупные и монументальны и по своим пропорциям близки к памятникам XII—XIII вв. Тенденция к расширению концов и оформлению их непрямым, а ломаным или округлым контуром, заметна уже на таких древнейших новгородских каменных крестах, как стерженский (1133 г.) и воймерицкий (XII в.)⁶. Второй крест из Гдова близок стерженскому кресту. Можно предположить, что он является одним из ранних, и датировать его условно XIII в.

¹ *Седов В. В.* Изборские каменные кресты. — В кн.: Средневековая Русь. М., 1976, с. 103.

² *Бочкарева М. Н.* Новгородские каменные кресты из собрания Ростовского музея. — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 109.

³ *Майсова Н. А.* Древнерусское шитье. М., 1971, с. 9.

⁴ *Рыбаков Б. А.* Русские датированные

надписи XI—XIV вв. — САИ, 1964, вып. Е1-44, табл. XXXI; XXXII.

⁵ *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981, с. 80.

⁶ *Порфиридов Н. Г.* Малоизвестный памятник древнерусской скульптуры. Каменный крест из Боровичей. — В кн.: Древнерусское искусство. М., 1963, с. 195.

ХРОНИКА

Н. А. МАКАРОВ

СЕКТОР СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ
В 1981—1982 ГГ.

В 1981—1982 гг. сектор славяно-русской археологии продолжал вести исследования по следующим направлениям: этногенез и этническая история славян и их соседей — балтских, финно-угорских, тюркских и иранских народов; становление и развитие феодальных отношений на Руси и в соседних землях; происхождение, история и культура древнерусского города; возникновение древнерусской культуры, ее общие черты и локальные особенности; история и культура кочевых и полукочевых народов евразийских степей; классификация и периодизация восточноевропейских древностей средневековья.

Заметное место в планах сектора по-прежнему занимает работа над томами «Археологии СССР». Из пяти запланированных сектором томов два уже вышли из печати. Первый из них — «Степи Евразии в эпоху средневековья» — опубликован в 1981 г. Ответственный редактор и автор нескольких глав этого тома — С. А. Плетнева, два крупных раздела написаны сотрудниками сектора А. К. Амброзом и И. Л. Кызласовым. В книге обобщен огромный археологический материал, охватывающий целое тысячелетие — с IV по XIV в. и происходящий с широкой территории степей — от Забайкалья до Подунавья. Вторым том — «Восточные славяне в VI—XIII вв.» (М., 1982) — написан В. В. Седовым. Суммируя большой археологический материал, В. В. Седов характеризует основные этапы развития культуры восточного славянства в VI—XIII вв. и подробно рассматривает историю отдельных славянских племенных группировок.

Завершена работа над двумя разделами тома «Финно-угры и балты в средневековье» (редактор В. В. Седов). Один из них — «Пермские племена» — написан Р. Л. Розенфельдом. Автором другого раздела — «Поволжские финны» — является Л. А. Голубева.

Подготовлен к печати первый полутом книги «Древняя Русь (город, замок, село, деревня)». Редакторы — Б. А. Рыбаков и Б. А. Колчин, авторы разделов — Б. А. Рыбаков, Б. А. Колчин, В. П. Даркевич, А. В. Куза, А. Ф. Медведев, А. В. Чернецов. Завершена сотрудниками сектора авторская работа над вторым полутомом этой книги. Близок к окончанию и том «Крым и Кавказ в эпоху средневековья» (редактор Т. И. Макарова).

По проблеме этногенеза славян продолжает исследования И. П. Русанова, работающая над темой «Локальные варианты пшеворской культуры». Этнические процессы на северо-восточных и северо-западных окраинах Руси исследуются Н. А. Макаровым и З. М. Сергеевой. Плановая тема З. М. Сергеевой — «Курганы северо-запада Полоцкой земли IX — начала XIII в.» — завершена в 1982 г.

Вопросы становления феодализма рассматриваются в монографии Л. В. Алексеева «Смоленская земля в IX—XIII вв.», защищенной в

1982 г. в качестве докторской диссертации. Большое место занимают они и в монографии Т. Н. Никольской «Земля вятичей», вышедшей из печати в том же году.

Изучению общественных отношений, в частности раннефеодальных, у кочевников посвящена монография С. А. Плетневой «Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей» (М., 1982).

Вопросы социально-экономического развития средневековых обществ являются основной темой секторального теоретического семинара. Разные аспекты ее были освещены в докладах Б. А. Тимошука «Структура восточнославянской общины VIII—IX вв. по данным археологии», Т. Н. Никольской «Имущественное неравенство населения бассейна верхней Оки по материалам курганов с трупосожжениями», А. В. Кузы «О причинах запустения славянских городищ в X—начале XI в.», Т. И. Макаровой «Ювелирное дело и социальная структура древней Руси», С. С. Ширинского «Проблемы зарубежной историографии истории возникновения древнерусского государства» и др.

Изучение генезиса феодализма на Руси тесно связано с проблемой происхождения и истории древнерусских городов, разработке которой в секторе уделяется большое внимание. Об этом свидетельствует, в частности, появление сборника «Древнерусские города» со статьями членов сектора А. В. Кузы, М. В. Седовой и Д. А. Беленькой. Исследованием одного из центров земли вятичей — городища Слободка — длительное время занималась Т. Н. Никольская, завершившая плановую работу об этом памятнике в 1981 г. В 1982 г. завершена работа над плановой темой М. В. Седовой «Древний Суздаль». Широкие раскопки, развернувшиеся в этом городе в последнее десятилетие, дали богатый материал для изучения его истории. Автору удалось восстановить историю формирования городской территории, проследить характер застройки разных частей города. Проанализированы ремесленное производство и торговые связи Суздаля, разработана хронология отдельных комплексов и категорий изделий X—XV вв. Древнерусским городам посвящена и работа А. В. Кузы «Малые города древней Руси», завершенная в 1982 г. В задачу исследования входило выявление малых городов среди полутора тысяч укрепленных поселений X—XIII вв. Автором сделана попытка найти археологические признаки малых городов, отличающие их от прочих памятников. На основании этих признаков около 120 поселений отнесено к числу малых городов, охарактеризована их культура, прослежено развитие с X по XIII в. О содержании понятия «древнерусский город» А. В. Куза сделал доклад на теоретическом семинаре.

Над исследованием средневековой культуры работает В. П. Даркевич, окончивший в 1981 г. плановую тему «Праздничная жизнь средневековья». Главным источником послужили произведения изобразительного искусства: романская и готическая скульптура, предметы художественного ремесла, миниатюры рукописей. Автор подробно рассмотрел театрально-зрелищные формы, далекие от ортодоксального христианства: выступления актеров-скоморохов, традиционные обряды аграрного календаря, игры и развлечения при феодальных дворах. Сходные проблемы рассматриваются в работе А. В. Чернецова «Светские сюжеты в древнерусском изобразительном материале», законченной также в 1981 г. Она посвящена обзору и истолкованию светских образов древнерусского прикладного искусства. Устанавливается традиционный характер феодальной культуры и символики, прослеживаются некоторые специфические черты символического «языка» различных групп изображений. С этим направлением связаны плановые темы Н. Н. Велецкой «Языческие элементы в старообрядческой традиции» и М. А. Сабуровой «Одежда древнерусской женщины XI—XIII вв.», завершенные в 1981 и 1982 гг. Существенное значение для дальнейшего изучения культуры древней Руси имеют темы, разрабатываемые Г. К. Вагнером («Функциональная типология древнерусского зодчества»), Т. В. Николаевой («Древнерусские змеевики»), Т. И. Макаровой («Ювелирное дело и социальная струк-

тура древней Руси»), А. А. Медынцева («Распространение письменности на Руси по археологическим данным»).

Изучение древнерусской культуры невозможно без анализа связей ее с культурами других народов. Пример исследования такого рода — работа М. Д. Полубояриновой «Связи Руси и Волжской Болгарии в X—XIV вв.», завершенная в 1982 г. Она представляет собой сводку всех имеющихся источников — письменных и вещественных — о связях между двумя крупнейшими странами средневековой Восточной Европы. Подробно рассматриваются находки вещей русского происхождения на территории Волжской Болгарии и болгарских — на Руси.

Исследованием культуры кочевых и полукочевых народов занимаются в секторе С. А. Плетнева, ведущая работу над темой «Дмитриевский могильник VIII—IX вв.», и Г. Е. Афанасьев, приступивший к изучению лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. Сюда же примыкает и плановая тема по тюркской эпиграфике, начатая И. Л. Кызласовым.

Среди работ по типологии и хронологии средневековых древностей следует упомянуть монографию М. В. Седовой «Ювелирные изделия древнего Новгорода» (М., 1981). Книга является сводом найденных в течение многолетних раскопок в Новгороде ювелирных украшений, каждое из которых получило точную дату в соответствии с новгородской ярусологией. Итоги разработки хронологической шкалы новгородских древностей изложены в большой статье Б. А. Колчина (Новгородский сборник. М., 1982). В 1982 г. завершена плановая тема А. К. Амброза «Относительная и абсолютная хронология некоторых могильников Северного Кавказа V—IX вв.» Автор стремится выделить достоверные древности V в. Привлекая широкий сравнительный материал из Крыма, степей Восточной Европы и Подунавья, А. К. Амброз устанавливает ведущие признаки комплексов V в. и отделяет их от находок III и VI—VII вв. Пристальное внимание к вопросам хронологии характерно и для исследователей других средневековых памятников: Т. И. Макаровой, завершившей работу над темой «Могильник древнего Корчева», С. А. Плетневой, изучающей Дмитриевский могильник VIII—IX вв., А. В. Кропоткина, изучающего Думановский могильник черняховской культуры. Хронология отдельных вещей и комплексов входит составной частью во многие другие плановые темы, разрабатываемые в секторе.

Сотрудники сектора ведут интенсивные полевые исследования. Советско-Болгарско-Венгерская экспедиция (начальник С. А. Плетнева) закончила первый этап исследования Маяцкого городища и расположенных рядом с ним селища и могильника. Оскольский отряд этой экспедиции во главе с Г. Е. Афанасьевым производил разведки памятников салтово-маяцкой культуры в районах, близких к Маяцкому городищу, и по Осколу. Славянская экспедиция (начальник И. П. Русанова) вела раскопки и разведки средневековых поселений в Черновицкой обл. Основные раскопки проводились на городище Ревно. Среди вновь открытых памятников особенно интересны городища-святилища со сложной системой фортификаций. Владимиро-Суздальская экспедиция (начальник М. В. Седова) продолжала раскопки жилых кварталов Суздаля. В составе экспедиции работала М. А. Сабурова, которая вела раскопки курганов в окрестностях Суздаля. Отряд экспедиции начал исследование Муром. Изборская экспедиция (начальник В. В. Седов) продолжала изучение жилых комплексов и оборонительных сооружений Изборского городища. Белозерская экспедиция (начальник Л. А. Голубева) завершила раскопки поселения Крутих в Вологодской обл. Новгородская экспедиция (руководители Б. А. Колчин и В. Л. Янин) продолжала работы на Софийской и Торговой сторонах Новгорода. На Троицком раскопе доследована усадьба художника Олисея Гречина. На Нутном раскопе обнаружены остатки каменного терема. Новгород-Северская экспедиция (начальник А. В. Куза) вела раскопки детинца и окольного города Новгорода Северского. Отряд экспедиции исследовал храм древнерусского времени. В работе экспедиции участвовал А. В. Чернецов. Верхнеокская экспедиция (руководитель

Т. Н. Никольская) продолжала раскопки Серенска и вела разведки в Орловской обл. Саяно-Алтайская группа (руководитель И. Л. Кызласов) проводила разведки и раскопки средневековых памятников в Хакасии. Витебский отряд (начальник Э. М. Сергеева) исследовал курганы на северо-западе Белоруссии. Херсонесская экспедиция (начальник С. А. Беляев) продолжила исследование архитектурных памятников средневекового Херсонеса. Разведки в Московской обл. проводили А. А. Юшко (Звенигородский отряд) и Р. Л. Розенфельдт (начальник одного из отрядов Московской экспедиции). Р. Л. Розенфельдт копал также курганы в Истринском р-не Московской обл. Онежско-Сухонский отряд (начальник Н. А. Макаров) вел разведки средневековых памятников в Архангельской и Вологодской областях, а также раскопки групповых могильников и курганов на озерах Лача и Белое.

С. С. Ширинский работал в Советско-Йеменской экспедиции в Народной Демократической республике Йемен, А. А. Мединцева участвовала в полевых исследованиях в Болгарии, С. М. Йовков — в Молдавии, А. В. Кропоткин — на Западной Украине.

За два отчетных года проведено 61 заседание сектора. Заслушано и обсуждено 78 докладов и сообщений. Среди докладчиков были не только сотрудники и аспиранты Института археологии, но и ученые из других научных учреждений. Большой интерес вызвали доклады Э. С. Мугуревича «Замки и сельские поселения средневековой Ливонии», Г. В. Борисевича «Древнерусское деревянное жилище в свете археологических данных», С. И. Кочкуркиной «Древняя Корела», В. А. Иванова «Погребения кипчаков в бассейне реки Уфы», И. К. Лабутиной «К вопросу об исторической топографии Пскова», О. А. Трусова «Археологические исследования Мирского замка», Н. А. Кренке «Хронология и стратегия Дьякова городища», Р. Ф. Шарифуллина «Основные формы строительной деятельности волжских болгар в домонгольский период». Защищены кандидатские диссертации В. А. Кулакова «Древности пруссов», М. С. Гаджиева «Южный Дагестан в эпоху первых Сасанидов», Г. Г. Гамзатова «Дагестан в XIII—XVI вв.», Н. И. Барминой «Мангупская базилика и ее историческое место», Т. И. Останиной «Мазунинская культура в Среднем Прикамье».

В 1981—1982 гг. в различных советских изданиях опубликовано около 120 статей и заметок сотрудников сектора. Две статьи С. А. Плетневой изданы в Болгарии, две статьи В. П. Даркевича — в Швеции и одна — в Англии, статья А. А. Мединцевой — в Болгарии, Н. Н. Велецкой — в Югославии.

Опубликовано также более 20 научно-популярных статей, написанных сотрудниками сектора. В 1981 г. в Киеве вышла из печати научно-популярная книга И. П. Русановой и Б. А. Тимощука «Древнерусское Поднепровье».

Сотрудники сектора активно участвуют в работе различных научных конференций и симпозиумов. Так, М. В. Седова, И. Л. Кызласов и А. В. Чернецов выступили с докладами на сессии Института археологии в Тбилиси в 1981 г. Э. М. Сергеева, Р. Л. Розенфельдт, М. В. Седова участвовали в работе симпозиума «Восточные славяне и Киевская Русь», состоявшегося в Минске в 1981 г. А. К. Амброз прочел доклады на XI и XII Крупновских чтениях по археологии Кавказа. А. А. Мединцева, А. В. Куза, Т. Н. Никольская и М. В. Седова прочитали доклады на конференции «Древнерусский город», посвященной 1500-летию Киева. Т. И. Макарова участвовала в работе V республиканской конференции по искусству и культуре Армении, состоявшейся в 1982 г. в Ереване. В. П. Даркевич прочел доклад на конференции по древнерусскому искусству в Институте истории искусств. И. Л. Кызласов выступил с докладом на конференции «Культура Средней Азии и Казахстана», проводившейся в 1981 г. в Алма-Ате. Н. Н. Велецкая приняла участие в работе Международного этнологического конгресса, который состоялся в 1982 г. в Суздале. Г. К. Вагнер прочел доклад на юбилейном заседании

в честь 75-летия академика Д. С. Лихачева. А. А. Медынцева выступила с двумя докладами в Болгарии: на симпозиуме «Преславская литературная школа» и на конференции «Средневековый град Овеч». С. А. Плетнева сделала доклады на I съезде по болгаристике в Болгарии и на конференции, посвященной 1300-летию Болгарского государства во Львове 1981 г. Доклад «Древние болгары и Волжская Болгария» был прочтен ею на заседании Отделения истории АН СССР в 1982 г. З. М. Сергеева сделала доклад на Конференции по археологии Прибалтики, состоявшейся в 1981 г. в Вильнюсе. А. В. Куза принял участие в работе Юбилейной конференции, посвященной 50-летию Новгородской археологической экспедиции в Новгороде. Кроме того, сотрудники сектора выступали с докладами на Чтениях, посвященных памяти Н. Н. Воронина, ежегодно проводящихся во Владимире, на Чтениях памяти А. В. Арциховского на Кафедре археологии МГУ. Активное участие принимали некоторые члены сектора в работе семинара «Археология и история Пскова и Псковской земли» в Пскове.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия. М.
Арх. О — Археологический отдел
АС — Археологический съезд
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
ГИМ — Государственный исторический музей
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ЗОРСА — Записки Отделения славяно-русской археологии Русского археологического общества. СПб.
ИА — Институт археологии Академии наук СССР
ИАК — Известия Археологической комиссии. СПб.
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
КГМ — Калининский государственный музей
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. М.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МАР — Материалы по археологии России. М.; СПб.
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИСО — Материалы и исследования по изучению Смоленской обл. Смоленск.
НГМ — Новгородский государственный музей
НИС — Новгородский исторический сборник. Новгород; Ленинград
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. М.
ОАК — Отчет Археологической комиссии. СПб.
ОЛЕАЭ — Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
ОН — Отдел нумизматики
ПГМ — Псковский государственный музей
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. СПб.; М.
СА — Советская археология. М.
САИ — Свод археологических источников. М.; Л.
СЭ — Советская этнография. М.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
SMYA — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

А. В. Куза. Города в социально-экономической системе древнерусского феодального государства X—XIII вв.	3
Е. Н. Носов. К вопросу о сложении погребального обряда длинных курганов	11
И. П. Русанова, Б. А. Тимощук. Гнездо славянских поселений у с. Черновка Черновицкой обл.	19
А. Е. Леонтьев. Поселения мери и славян на оз. Неро	26
В. В. Седов. Предметы древнерусского происхождения в Финляндии и Карелии	32
Н. В. Хвоцинская. Новые данные о мужской одежде населения западных окраин Новгородской земли	39
Е. А. Рябинин. Городища Водской земли	45
Ф. Д. Гуревич. Застройка новгородского детинца в XII—XIII вв.	53
П. А. Раппопорт. Из истории киево-черниговского зодчества XII в.	59
В. Д. Белецкий. О печатях псковских посадников	63
П. Г. Гайдуков. Псковские пулы	67
Л. Г. Паничева. Хронология белорусских изразцов XIV—XVII вв.	70

Полевые исследования

П. Д. Малыгин. Раскопки на Нижнем городище в Торжке	76
И. В. Исланова. Археологические памятники конца I — начала II тысячелетия н. э. при слиянии рек Полонуха и Поповка	84
Х. И. Крис, А. К. Станюкович. Раннесредневековая Брашева	88
С. П. Михайлов. Новые средневековые находки из Гдова	93

Хроника

Н. А. Макаров. Сектор славяно-русской археологии в 1981—1982 гг.	97
Список сокращений	102

Славянская археология

КСИА, вып. 179

**Утверждено к печати
ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии АН СССР**

**Редактор издательства Н. И. Сергиевская
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор Э. Б. Павлюк
Корректоры А. Б. Васильев, В. С. Федечкина**

ИБ № 28468

**Сдано в набор 26.03.84
Подписано к печати 28.05.84
Т-02400. Формат 70×108^{1/16}
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная новая
Печать высокая
Усл. печ. л. 9,1. Усл. кр.-отт. 9,45. Уч.-изд. л. 9,7
Тираж 2150 экз. Тип. зак. 14
Цена 1 р.**

**Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10**